

КР 1410105?

В последние год ^{годы} существования мушкетера
и Франсуа. ~~сказано~~ ^{сказано} ~~сказано~~ ^{сказано} ~~сказано~~ ^{сказано}
маленькая фигура. С ужимками ~~доброй~~ ^{доброй} ~~доброй~~ ^{доброй}
всё в ~~ваше~~ ^{ваше} ~~ваше~~ ^{ваше} ~~ваше~~ ^{ваше} ~~ваше~~ ^{ваше} ~~ваше~~ ^{ваше}
~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда}
всё ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда}
по ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда} ~~иногда~~ ^{иногда}

И. А. ПОДОЛЬНЫЙ

ШКОЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Из записок счастливого человека

последних ~~счастливых~~ ^{счастливых} ~~счастливых~~ ^{счастливых} ~~счастливых~~ ^{счастливых} ~~счастливых~~ ^{счастливых}
Делала ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею}
каждый ~~год~~ ^{год} ~~год~~ ^{год} ~~год~~ ^{год} ~~год~~ ^{год} ~~год~~ ^{год}
вспоминать ~~вспоминать~~ ^{вспоминать} ~~вспоминать~~ ^{вспоминать} ~~вспоминать~~ ^{вспоминать} ~~вспоминать~~ ^{вспоминать}
Томасу: в ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею}
идею, а в ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею} ~~идею~~ ^{идею}

Не всякая школа удостоивается слов признательности. И — не от всех своих выпускников. Сия книга — редкий образец душевной теплоты и благодарной памяти по отношению к учителям. Отнюдь не случайно и то, что Исаак Абрамович Подольный сам — педагог от Бога.

И все-таки тут не заканчивается достоинство "Записок счастливого человека". Школьные стены как бы раздвигаются и вбирают в себя улицу детства, военные и мирные, но не менее тревожные времена, историю родного города, авторскую жизненную стезю и многочисленные судьбы людей — ближних и дальних.

Мемуары? Да, мемуары — по жанру. Педагогические раздумья? Да, если судить по избранной теме. Но по сути — нечто большее. Читателю, который хочет убедиться в глубине и широте здешнего откровения, стоит прочесть все до конца, чтобы стать богаче умом, вздрогнуть сердцем от заключительной главы и, может быть, ощутить себя, несмотря ни на что, тоже удивительно счастливым человеком.

Писатель *Ю. Леднев* Ю. ЛЕДНЕВ.

Все здесь написанное
я посвящаю родной Первой школе
в год ее 120-летия.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

*Из далекого прошлого, от себя самого
Ты получишь послание — распечатай его...*
Илья Френкель

Когда в 1994 году я писал свои “Педагогические раздумья”, были они не просто раздумьями о прошлом, а, скорее, ностальгией по нашей молодости. И еще, хотелось сказать спасибо родителям и учителям за то, что наше поколение состоялось!

Я понимал, что у книги будут две категории читателей: те, кому знакомы имена близких мне людей, описываемые места и события, и те, кому все изложенное будет вновь. Первые посмотрят на книгу через призму своей памяти и могут сравнить мое восприятие времени со своим. У вторых — другой жизненный опыт и, может быть, другие мерки и ценности. Поэтому ожидал я услышать и разные мнения.

К моему удивлению, отзывы на книгу тех и других читателей в основном совпали. Для меня приятно, что на нее откликнулись студенты, молодые коллеги и мои ровесники, чьим именем я особо дорожу.

Всем им я адресую новую книгу. В ней читатели найдут уже публиковавшиеся главы и совсем новые материалы. Писал с надеждой, что хоть в малой степени помогу молодежи оценить опыт, накопленный моим поколением. И пусть молодые сами решают, что для них приемлемо и важно.

Если задену струны добрых воспоминаний моих ровесников, тем более буду считать свою задачу выполненной.

Еще раз от души благодарю моих школьных учеников и друзей, с помощью которых книга увидела свет.

*Вампилов
Щербаков
С доброй душой
и профессорами
Ученков
Бондарик
Авту*

*Моим родителям —
в память.*

*Моим учителям —
с благодарностью.*

*Моим коллегам —
с уважением.*

*Моим ученикам —
с надеждой.*

ОТ АВТОРА

Никогда не думал, что окажусь в роли мемуариста. Но с возрастом мы все меняемся: в молодости мечтаем о будущем, в зрелые годы стремимся утвердиться в настоящем, а к старости начинают одолевать воспоминания. И если ты думаешь, что они кому-то нужны, значит, настала пора садиться к письменному столу.

Много лет назад — уж и не помню где — прочел я такие слова: “Счастливым может считать себя человек, имевший в жизни хороших учителей и хороших друзей”. Мои воспоминания — о тех, кто дал мне жизнь, о тех, с кем пройдена длинная дорога, кто учил меня, у кого учился я, кого учил сам. Эта книга — о людях хороших. Потому-то я и назвал ее “Из записок счастливого человека”.

Историк должен в своих исследованиях быть объективным. Воспоминательно достичь этого всегда трудно. Мне же сохранить беспристрастность будет еще труднее хотя бы потому, что я буду рассказывать о людях, которых люблю. Постараюсь, чтобы мой рассказ был и о времени, в котором проходила жизнь нашего поколения.

Годы научили меня понимать, что на мир каждый человек смотрит по-своему. Потом это отражение перерабатывается человеческим сознанием. Наконец, все запечатленное безжалостно и весьма избирательно фильтруется памятью и разбавляется воображением и фантазиями. Наверное, потому и говорят, что воспоминания легче писать, когда память начинает отказывать...

Об объективности я заговорил не для того, чтобы оградить себя от возможных упреков: не хочешь — не верь! Буду говорить о человеческих достоинствах. Один из моих любимых поэтов Александр Гитович писал:

*“Нам ни к чему преуменьшать удачи,
Столь редко посещающие нас...”*

А человеческие недостатки пусть растают в сумерках времен.

Одно ограничение накладываю на себя добровольно: эти воспоминания относятся к годам детства, учебы и учительской работы. Педагогический университет — пока со мной, а “большое видится на расстоянии”.

ПИСЬМО К ДРУЗЬЯМ ДАЛЕКИХ ЛЕТ

*Старый друг, как прежде, как бывало,
Я к тебе, доверившись, иду.*

Вл. Луговской.

Дорогие бывшие мальчишки и девчонки!

Я ОБРАЩАЮСЬ к вам, жившим по-соседству. Что может быть чище и добрее нашей дружбы тех лет? Она во многом помогла нам стать теми, какими мы знаем друг друга теперь.

Моя память сохранила вроде бы незначительные факты босоногого детства, в чем то очень отличающегося от детства наших детей и внуков. Я написал "босоногого". Да! Мы можем с удовольствием вспомнить: по зеленой траве наших дворов еще можно было бегать босиком, не то, что нынче... Но, слава Богу, нынешнему поколению не знакомы те страхи, что терзали в детстве нас... Было и хорошее, было и плохое в нашей молодости, было что-то тяжелое и темное, но было и светлое, радостное. Не будем спорить, чего больше!...

Я решился на трудное дело — написать воспоминания. Расскажу, что помню. Мой рассказ — о прошлом, больше — для дня сегодняшнего. Мои раздумья — не о себе, а больше — о поколении.

На этот раз — мой рассказ о нас и о наших учителях и школах. Если публикуются дневники, то они — как мгновенные фотографии своего времени — документальны. Я же дневников никогда не вел. Пишу воспоминания, глядя на события прошлого через линзы времени. Но известно, что световые лучи, пройдя через линзу, часто не сходятся в фокусе, дают расплывчатое, не резкое изображение. Линзы времени тоже рассеивают детали воспоминаний.

Потому зову друзей далеких лет в свидетели и помощники: в деталях я могу ошибиться, но дух времени сохранить постараюсь. А

вы мне поможете!

Где-то я встретил слова из рукописи XVI века:

“Отцы и братия, еже ся где худо описал,
или переписал, или не дописал,
чтите, исправляя Бога для, а не кляните”.

Итак...

Инженер Вологодского паровозовагоноремонтного завода Валерий Трофимов! Ты немного старше меня. Помню, как ты складывал на столе в цепь вилки, ложки и ножи из маминого буфета, подключал к ним батарейку и зажигалась лампочка карманного фонаря. Для меня это был первый в жизни урок физики... Потом мы вместе ходили в фотокружок Дома пионеров, которым руководил Коля Зернов — парень ненамного тебя старше. В сорок втором он ушел на фронт и погиб на Сталинградской переправе. А наука его пригодилась: я на всю жизнь подружился с фотоаппаратом.

Помню, как твоя мама, милейшая и добрейшая Нина Васильевна, никогда не ругавшая нас, угостила меня жареными почками. Мне так понравилось это блюдо, что я попросил мою маму “выучить” его.

После войны ты долго учился очно и заочно. Я помогал тебе чертить какие-то графики и чертежи, решать химические задачи, а потом мы с тобой пошли и купили себе наши первые в жизни фетровые шляпы... А теперь я пользуюсь твоими советами опытного садовода.

Борис и Зина Лабичевы! Ваш дом был через дорогу. Вспоминаю, как шумно и незлобно бранила нас ваша мама, когда мы приходили с соседней бревнотаски грязные и оборванные. А папа тихо говорил: “Ты не шуми! Дай-ка я лучше зашью ему сандалию, а то еще дома попадет: матери-то одной, поди, трудно достается...”

А потом мы стали с Зиной коллегами-учителями, а ты, Борис, вырос до полковника практически “без отрыва от Вологды”. Теперь и с тобой мы коллеги: оба преподаем в вузах.

Валентин Аруев! Ты был немного младше нас. Мы вместе играли в войну между штабелями толстых бревен на городском дровяном складе, что был неподалеку, вместе ловили рыбу. Кто бы тогда мог подумать, что станешь ты известным радиожурналистом?

Иннуся Семерикова! Тебя-то, малышку в те годы мы и вовсе не замечали: пять лет — слишком большая разница в детском возрасте. А ты ухитрилась сделать детство профессией на всю жизнь: стала редактором детского телевидения.

Валерий Савельев, мы звали тебя Арик! Помнишь, как мы вое-

вали “двор на двор”? Извини, если когда-то обидел! Теперь ты Заслуженный работник культуры. Долго ты шел со своими духовыми оркестрами к этому званию и никуда не сворачивал с единожды выбранного пути.

Зодим Носков! Нас вместе с тобой начинали учить игре на скрипке. Меня выгнали очень скоро, а ты теперь концертмейстер в оркестре Ленинградской филармонии. С гастроями ты объехал весь мир, но я уверен, что никогда не забываешь ни своего родного дядю Леню, питерского часового мастера, ювелира и страстного любителя скрипки, ни первого блестящего педагога Илью Григорьевича Гинецинского, которого коллеги с уважением называли “северным Столярским” (Одесская школа талантливых скрипачей, основанная педагогом Столярским, и по сей день считается уникальной в истории искусства).

Не сомневаюсь, что ты хорошо помнишь первые дни войны в Вологде, когда мы хотели ловить шпионов и диверсантов, а нас послали разносить повестки в армию... Как же по-разному принимали эти повестки в домах: в одних встречали с радостью, в других -- со слезами,... и таких было больше. Старые женщины, помнившие ужасы гражданской войны, рыдали в голос.

Генрих Калугин! И твоего отца-учителя поглотил молох тридцать седьмого, но ты не озлобился, сохранил на всю жизнь детскую доброту и искренность. Кажется, это мы с тобой морозной зимой 1943 года стояли в очереди за хлопковым маслом, которым “отovarивали” продуктовые карточки. Я поморозил тогда пальцы так, что и до сих пор они совершенно не терпят холода. Теперь ты кандидат технических наук, крупный специалист в своей области. А верность дружбе — все та же.

Недалеко от нашего дома стоял на некотором отшибе домик с огородом. Жила там мало с кем общаясь семья с двумя дочками. Однажды моя ровесница пригласила меня к себе в дом, показала старые фотографии. На одной из них я увидел усатого городского с шашкой. Оказывается, это был ее дедушка. В это время в комнату вошла мать. Она выхватила из рук альбом и резко выпроводила меня из дома. А потом девочка рассказала по-секрету, что вечером ее крепко побили. Мать кричала: “Ты что! Хочешь чтобы и нас посадили так, как его отца?” И категорически запретила дочери дружить со мной... Было нам тогда по десять лет. А страх жил в каждом доме...

Надо же было такому случиться, что именно в этой семье внук стал одним из первых советских диссидентов! “Где истоки?” —

спрашивала меня растерянная мать. "В нашем детстве?" — с чистым сердцем ответил я.

Юля Беркович! Теперь ты врач, давненько на пенсии. Моя мама шутила, что врачебные наклонности проявились у тебя очень рано. Тебе было около четырех лет, а мне — четыре месяца, когда ты взяла вилку и хотела поковырять мне глазки: хотела узнать, почему они не открываются, как у твоей новой куклы. А я просто спал... Потом, уже в школе, ты коршуном налетела на двух великовозрастных балбесов, пытавшихся отобрать у меня перочинный ножик. А я помню, как старшие девочки обсуждали, можно ли с тобой дружить:" Ведь у нее отец — враг народа!"

Тихий и улыбчивый Володя Белов! Ты и в детстве чурался шумных ребячьих забав, и в институте не манила тебя комсомольская романтика. Окончил ты факультет иностранных языков, но было у тебя увлечение -- шахматы. И стал ты тренером, учишь детей древней и мудрой игре.

Лерочка и Леня Склокины! Вы поселились в нашем доме в конце войны. Трудно же было маме, замечательной школьной учительнице литературы Изабелле Семеновне Гурвич поднимать вас без отца, отсидевшего больше, чем по ежовской формуле "15+5" (пятнадцать лет лагерей без права переписки и потом еще пять лет поражения в правах, т.е. ссылки). Красный командир подписал свои "признания" под "честное слово" следователей, что не арестуют жену. С папой ты, Леня, познакомился только уже студентом.

С тобой, Лерочка, мы вместе бегали в школу, а потом и в институт, и на танцы. Молва много раз обещала нас поженить, но мы с тобой всю жизнь оставались просто добрыми друзьями, доверявшими друг другу все свои тайны. Стала ты прекрасным учителем математики, а какой прекрасной матерью и бабушкой, знает лучше других твоя семья. А перед тобой, Леня, я "виноват" еще и в том, что "заразил двумя болезнями" на всю жизнь: любовью к химии и спорту. Ты — свидетель моих первых шагов в учительство: как говорится, на твоей бороде я учился бриться...

Теперь ты проектируешь и строишь свои химические производства по всему миру. А я, слушая твои рассказы, вспоминаю слова своего учителя в науке профессора С. А. Балежина: "Учитель! Воспитай ученика, чтобы было у кого учиться".

Леня Максимов! Скоро исполнится нашей дружбе пятьдесят пять лет. Со школьной скамьи ты отличался блестящими способностями и удивительным трудолюбием. Все это оттенялось личной скромностью и целеустремленностью. А еще отличала тебя от сверстников

критичность мышления: ты всегда умел взглянуть на окружающий мир хоть немного, но иначе, чем мы... Именно за это тебя уважали и ребята, и учителя. А я люблю за верность нашей дружбе!

Стал ты инженером-машиностроителем, ученым, наконец, лауреатом. Объездил полмира, а в Вологду тянет по-прежнему.

Наверное, на каждой улице детства были и свои хулиганы. В нашем доме жил такой парень, слывший отпетым, но я не знаю за что: наверное, за то, что не хотел учиться, а все время проводил на городском рынке. Неписанный кодекс мальчишеской чести он соблюдал строго. Никогда не бывало, чтобы он задевал кого-нибудь из своих. Напротив, вступался за нас в мальчишеских драках. Это он учил меня: "В драке побеждает тот, кто чаще бьет. Он тебя раз стукнет, а ты старайся два! И не плачь: а то стукнут еще раз, и еще больше будет". А так у меня получалось далеко не всегда... В войну он работал на заводе, попался на краже буханки хлеба и вскоре погиб в лагере, как написали в справке, от дизентерии. Он тоже мог быть свидетелем моих воспоминаний.

Хотел бы я обратиться к самому мудрому из сверстников, Боре Грязнову, но его уже нет с нами... Маленького росточка, щупленький, он никогда не участвовал в мальчишеских войнах и дворовых играх. Родители его были глухонемыми. С раннего детства все свободное время работал переводчиком. Когда он успевал прочесть больше книг, чем вся наша компания, так никто и не узнал. Стал он философом, но не "казенным начетчиком", а "властителем дум" своих студентов. Так сказали о нем на трагически раннем прощании... Мне почему-то кажется, что Боря глубже других понимал жизнь, потому и подался в философы. Его мнение было бы для меня очень важным.

Сверстники, дорогие! Принято говорить: все мы вышли из детства! Все мы дети своих родителей. Судьбы их поколения определили во многом и нашу жизнь. С детства мы благодарили в стихах и песнях партию и правительство и лично...

Но, сознайтесь: кто из вас знает своих предков дальше дедовского поколения? Каких трудов стоит воссоздание семейного генеалогического древа только одного рода может рассказать Генрих Калугин, занимающийся этим уже не один год.

Сегодня же мне хочется поклониться еще раз и нашим родителям, и нашим учителям, сказать спасибо им за наше счастливое детство. Засвидетельствуйте: каким бы трудным порой оно ни было, мы люди счастливые, потому что можем гордиться поколением родителей, потому, что помним школьные уроки, потому, что нашу

память и нашу дружбу мы несем и по сей день! Как сказал наш земляк Александр Яшин:

*В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело,
Были мы молоды...*

Жили мы на улице Карла Маркса...

УЛИЦА НАШЕГО ДЕТСТВА

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит...*
А. Ахматова "Реквием"

УЛИЦА нашего детства называлась улицей Карла Маркса. А до того называли ее Зосимовской по церкви Зосимы и Савватия, что стояла у деревянного Красного Моста. Потом ее переименовали в улицу Калинина (хотя жил на ней когда-то не Калинин, а Молотов).

Мы помним каждый дом, каждый флигелек во дворах. По ней мы ходили в школу — 3-ю Образцовую, потом она стала 21 средней, а в войну — 1-й мужской. И было когда-то в этом каменном здании подворье Соловецкого монастыря. Рядом стояло красное здание типографии. Раньше была она одной из лучших в России. Мы подолгу смотрели через большие окна на работающие печатные машины.

А дальше выходило фасадом на площадь деревянное здание знаменитого Вологодского театра. "Знаменитого?" — спросит нынешний читатель. Да, знаменитого! Вспомните у Островского — разговор двух актеров Счастливецва и Несчастливецва: один идет из Керчи в Вологду, другой — из Вологды в Керчь... А еще играл в том театре уже не литературный герой, а выдающийся русский актер Орленев. В одной из школ города Сокола под руководством замечательного театроведа Заслуженного учителя Нины Филадельфовны Соколовой создан уникальный школьный музей этого корифея российской сцены.

Сгорел театр в 1932 году. Я помню не сам пожар: утром отец пошел посмотреть на пожарнице, взял меня, а я запомнил только пожарного в медной каске...

Зади театра — два дома братьев Ренатовых. Старший — весьма уважаемый врач-терапевт, немногословный, спокойный, всем своим видом вселял в пациентов уверенность в успехе лечения. Почти каж-

дому больному он доставал с полки или из врачебного баула лекарство, то ли порошки, то ли настойку, то ли мазь, и говорил: “Начнем с этого, а потом выкупите, что я выписал в рецептах. Должно помочь!”

Мне тоже довелось бывать у него в кабинете. Запомнилась на стене рисованная, кажется, тушью небольшая картина: ночь, луна, склонившееся дерево, под ним — могила, а рядом — конь с опущенной головой... Только лет через пятьдесят я узнал, что такие картины рисовал в Вологде Батюшков в период своего многолетнего безумия: всю жизнь он тяжело переживал гибель лучшего друга полковника Орлова в битве народов под Лейпцигом. Конь вынес из битвы мертвого седока...

Младший Ренатов был страстным садоводом. Его домик утопал в цветах и всяких чудо-деревьях: недаром он состоял в постоянной переписке с самим Мичуриним. Перед каждым первым сентябрем мама вела меня к нему и покупала букет. Школьников водили в сад на экскурсии, и даже самые большие хулиганы с нашей улицы не трогали этот сад. А в 41 году с началом войны его арестовали, объявив немецким шпионом,... “скупавшим сахар мешками”. Так он и погиб...

Перед самой войной на месте сгоревшего театра выстроили первый кирпичный четырехэтажный жилой дом для командиров местного гарнизона. Народ сразу окрестил его “генеральским”, а уж если в России дадут тебе прозвище, прилипнет оно на век: и сейчас кое-кто зовет этот дом так же...

Я начал счет четным домам от реки, а нумерация раньше была со стороны вокзала. Попробуем пройти с другого конца и по нечетной стороне, где жила наша семья.

Дом № 1 — (там, где сейчас висит реклама фирмы “Таганка”, Эссимовская, 26) — наш, и палисад, как в песне, был, и в других домах тоже были, не у каждого — резные, но были и красивые. Жили в нашем доме пять семей. Из них семь человек в разное время и по разным статьям были арестованы, прошли через лагеря и тюрьмы. Двое не вернулись.

Дом № 3 — сгорел пару лет назад, а имел особую архитектуру: в плане у него не было ни одного прямого угла. Только фасад с балконом над входными дверями был точно обращен к красной линии улицы. Расположение комнат анфиладами считалось удачным. До революции в этом доме жили богатые купцы, торговавшие пушниной. От деда запомнил их фамилию — братья Соломон. Теперь офис одной из старейших и крупных фирм Америки “SOLOMON

and Brasers” в самом фешенебельном небоскребе Нью-Йорка, и торгуют они не только пушниной, но и компьютерами. Об этом я узнал из газетных реклам.

И этот двор не миновали репрессии: погиб дядя Костя Трофимов только за то, что работал когда-то в немецкой фирме “Зингер”. Забрали всю семью Пищулиных, семью Зон Лиотто, учившейся в нашей школе, и из флигеля кого-то увезли...

С домами под номером 5 все было наоборот: маленький, одноэтажный полувросший в землю домик, где жила сильно пьющая семья, выходил на улицу, а двухэтажный белый дом спрятался за него в глубине двора. Ребят среди жильцов этого дома не было, и мы им мало интересовались. Оба дома снесены.

Дом № 7 — (Зосимовская, 20) был самым красивым на нашей улице. Балкон второго этажа располагался прямо посередине дома, а под ним на первом этаже — терраса. И весь он был украшен резными наличниками. Жил в нем мой друг Олег Горыннин. Он приходил ко мне, мы расстлали на полу отцовскую крупномасштабную карту Испании и по газетным сообщениям флажками отмечали линию фронта испанских республиканцев. Из этого дома сгнули в лагерях отцы четверых наших сверстников и сверстниц.

Дом № 9 был маленьким, но почему-то запомнился очень перенаселенным. (Теперь на его месте — въезд к Сельхозбанку). Из него на фронт ушел Боря Соколовский и погиб в первом же бою. В этом доме приютили вернувшуюся в конце войны из лагерей вдову расстрелянного в 1937 году комбрига Афанасия Павловича Трифонова, командира Вологодской дивизии. Вместе с ним в ту пору сгнули практически все другие командиры вплоть до взводных... В этот дом вернулся после плена и проверочных лагерей наш сосед Коля Едреников.

Из дома № 11, стоявшего на месте техникума МПС, одними из первых в 1936 году забрали всю семью какого-то большого хозяйственного начальника, ездившего уже в то время на единственном в городе открытом легковом автомобиле вишневого цвета. А дочку Эрну, которая мне очень нравилась еще... с детской песочницы, отправили в детдом.

Во дворе домов на противоположной стороне улицы до сих пор прячется некогда шикарный особняк, где жил тот, кто руководил всеми арестами: начальник НКВД Жупахин. Были у него два сына — Кира и Леня, названные так в честь вождей. Хорошие были ребята. Мы с ними дружили. Но и они однажды в школу не пришли, а через день уже вся улица знала: Жупахины арестованы, детей увез-

ли. Об их судьбе мы так больше ничего и не узнали.

Наш сосед адвокат Анатолий Васильевич Семериков, узнав об аресте Жупахина, сказал: "... его снаряды падали слишком густо и не могли не задеть его самого..."

Жупахинский дом как бы прятался сзади двух других. Из одного посадили хирурга доктора Рабиновича из роддома, а из другого — доктора Кадникова — из больницы водников. Его арестовали вместе с женой. А доктора Горталова с соседней улицы взяли тогда же с сыном. Их род шел от майора Федора Горталова, воевавшего в отряде Скобелева на Плевне в русско-турецкую войну. О подвигах майора Горталова писали газеты всего мира. Сергей Федорович отдал вологодской медицине сорок лет, а сын немного успел и поработать. Доктора Рабиновича выпустили перед войной. Гинеколог стал главным хирургом полевого медсанбата и спас за войну тысячи солдатских жизней.

Так что, вернувшись к имени нашей улицы, можно сказать, что святые Зосима и Савватий оказались слабыми заступниками вологжан с нашей улицы перед Карлом Марксом, Калининым, Молотовым...

Недавно начались времена другие. И сразу нашлось много желающих воевать с прошлым. А как воевать — знают далеко не все. И потому, как мне кажется, начинают, порой с далеко не главного и важного. Некоторые, изображая политическую активность, в первостатейное дело возвели переименование городов и улиц.

Так получилось и с нашей улицей. Но церкви Зосимы и Савватия уже нет: на ее месте детский кукольный театр. Купец Желвунцов, именем которого называлось раньше продолжение улицы в сторону вокзала, золотыми буквами не вписал своего имени в историю Вологды.

Может быть, стоило лучше подумать и назвать улицу так: "Улица Первой школы"? Сколько тысяч прекрасных людей дала России и родному городу эта школа за свою 120-летнюю историю! А, может, лучше было назвать ее именем актера Орленева? Или именем вологодского купца первой гильдии Леденцова, учредившего такой личный фонд поддержки российской науки, что на его деньги была построена аэродинамическая труба Жуковского, "Башня молчания" для физиологических опытов академика Павлова, а Дмитрий Иванович Менделеев подготовил новое издание "Основ химии".

В таком списке могли оказаться выпускники Вологодской гимназии всемирно известные физик Ландсберг, химик Черняев, братья Гинецинские — академик-физиолог и блестящий музыкант-педа-

гог. Можно было бы вспомнить короля русского репортажа Гиляровского. А еще — братьев Перфильевых, ботаника и физика... Да! Именно Перфильев-ботаник приложил много сил к озеленению Вологды. Вся наша улица утопала под сенью мощных тополей, которые осушали почву и очищали воздух... А второй брат построил над вологодским реальным училищем первую в городе астрономическую обсерваторию с телескопом.

Если серьезно подумать, может быть стоило помянуть всех, кого назвал, и кого не вспомнил поименно, и назвать нашу улицу “Улицей Невинных Жертв”: в том и была их великая трагедия, что они, ни в чем не виновные, уходили в небытие... Вспомним Евгения Евтушенко:

*Тот, кто вчерашние жертвы забудет,
Может быть, завтрашней жертвою будет...*

Уходят поколения людей, почти не осталось на улице нашего детства тополей, а теперь умирают и дома... Пройдите по улице Зосимовской от Советского проспекта к бывшему Красному Мосту: большинство домов либо снесены вовсе, либо стоят сожженные, развалившиеся. Картина на сегодня просто удручающая.

Не сомневаюсь, что с годами улица возродится, не хочу брюзжать по уходящему. Но пора задуматься, от какого наследия мы отказываемся, как сделать так, чтобы Вологда сохранила не только свое лицо, но и свою историческую память.

ПЕРВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

*Я убежден, что каждый человек
есть преимущественно то,
что сделали из него его предки.
У. Рамзей. "Из истории химии".*

АВТОПОРТРЕТ — далеко не всегда лучшее творение художника. Писать его трудно. Перехвалить себя нескромно, а самобичевание тоже никогда не было признаком ума. Вот и найди золотую середину! Но уж коли я взялся писать воспоминания, то приходится начинать с себя.

Родился я в Вологде в 1929 году в доме моего деда. Тогда же городские власти отняли у него этот дом, разместив в нем отделение детской инфекционной больницы. Жаловаться дед никуда не стал, сказав, что на святое дело люди жертвовали и большим. Семью, к счастью, не выбросили на улицу, как тогда тоже бывало. С той поры мы больше двадцати пяти лет жили в коммунальной квартире, где три семьи радовались, что имеют по комнате, да еще и русскую печь, одну на всех.

У Евгения Евтушенко есть стихи:

*...Дом — как будто бы общий наш снимок.
Милый Зоценко, ты не взыщи —
не писали мы здесь анонимок,
не плевали друг другу в борщи.
И немножко сегодня нам жалко
общей кухни, людского тепла:
наша прежняя жизнь — коммуналка
все же в чем-то коммуной была.*

Моей "малой родиной" навсегда останется вологодский деревянный двухэтажный дом с большим балконом, двор просторный и уютный, покрытый плотным и чистым травяным ковром. У дальнего забора крапива и лопухи, а в заборе одна доска легко отодвигается: это лаз в соседний двор, с которым мы то миримся, то воюем...

От соседнего дом отгорожен столетними тополями и сараями, около которых аккуратно уложены свежие поленицы дров. По фасаду — настоящие вологодские резные палисады с “андреевскими” канавами, названными так по имени инженера Андреева, занимавшегося осушением городских болотин. Пройдет с тех пор чуть не сорок лет, и встречу я случайно в Париже с маленькой и очень красивой старушкой — гидом. Окажется она дочерью того самого Андреева и будет меня расспрашивать, стоят ли деревянные вологодские дома на своих местах, осушили ли вологодские улицы, и живы ли еще парк с прудами и Соборная горка, на которые выходили окна ее молодости?

Однажды в сборнике Рюрика Ивнева мне встретилось стихотворение, которое щемит сердце. Называется оно “Провинциальный городок”.

*Как жаль мне тех, кто не жил никогда
В глухих провинциальных городах,
Кто не дышал нетронутой травой,
Припав к земле кудрявой головою;
Кто не встречал на улице коров,
Не подбирал заржавленных подков,
Кто не глазел на двухэтажный дом,
Как будто мир весь помещался в нем;
Кто не гулял в провинциальном сквере,
Где все, казалось, было на фанере,
Кто не впивал с восторгом в детском взоре
Цвета афиш на сгорбленном заборе;
Кто не сжимал в своей руке пятак
У входа в цирк среди записных зевак;
Кто не бежал за бочкой водовоза,
С румяных щек стирая наспех слезы;
Кто не смотрел на пламя фонарей,
Как на глаза неведомых зверей;
Кто по ночам не вздрагивал во сне
И кто лица не поднимал к луне,
Кто не бродил за городской чертой,
Пронизанный необычайною мечтой.*

Как все точно, как знакомо, как близко! Кто-то вспоминает свое деревенское детство. Моему сердцу больше мила городская российская провинция.

Оглядываясь назад, понимаю: уж очень противоречивые факторы, как теперь говорят, влияли на мое детское и недетское развитие. С одной стороны, — уклад российской интеллигентской семьи с

ее традициями и высокими идеалами.

С другой, — осколки еврейской культуры и языка, еще сохранившиеся в поколении моих дедов.

С третьей, — октябрятские звездочки и пионерские звенья с лозунгами “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!”, в которые мы верили безоглядно.

Наконец, с четвертой стороны, — разрывающие душу противоречия комсомольского демократического централизма и партийной дисциплины, когда все вместе мы должны были голосовать “ЗА”, а каждый порознь считал, что лично он “ПРОТИВ”. И если бы только я один ощущал эти противоречия своей неокрепшей душой!.. Это была беда всего нашего поколения.

Но вернусь в годы детства.

В нашем доме всегда царила музыка. Помню, как к маме, учившейся в музыкальном училище и одновременно работавшей там концертмейстером, на репетиции приходили самодеятельные артисты и студенты. Дядя Федор Бараев, кузнец с завода ВПВРЗ, ставил меня на стол и учил петь: “...Женка! Что за сапоги? — Это ведра! — Ведра, право?..”. Я по-детски очень горевал, когда уехал дядя Федя в ленинградскую оперу. Стал он там заслуженным артистом.

Помню, как мамин студент, озорной и чубатый Леша Масленников на генеральной репетиции первомайского концерта 1941 года перед высокой репертуарной комиссией озорно спел:

...Эх, тачанка-ростовчанка.

Все КОЛЕ — ЧЕТЫРЕ — СА!”

Его сняли из программы и чуть не выгнали из училища. Стал же Алексей Алексеевич Масленников заслуженным работником культуры. Он вписал в историю вологодского хорового искусства очень содержательные страницы.

В училище классов не хватало, поэтому многие уроки фортепьяно велись по домам преподавателей. Помню, тихий и скромный паренек из музучилища на маленьких четвертушках бумаги рисовал карандашом мамнины и мои портреты, чтобы послать в деревню: “Должны же дома знать, у кого я учусь!”. Помню самобытного парня из вологодской глубинки Васю Носарева, который с юмором рассказывал, как, увидев впервые пианино, спросил: “А это что за комод с шипами?”. Помню очень красивую девушку, учившую меня танцевать. Сколько же талантливых людей бывало в нашем доме в те годы! Кажется, до последней ноты звучит в ушах первый концерт Чайковского, который мама исполняла с оркестром музыкального училища.

В какой-то момент решили учить музыке и меня, но довольно быстро поняли, что так, как мама, я играть не буду, а хуже — не стоит и учить.

В 1934 году после убийства Кирова в Вологду из Ленинграда хлынул поток политических ссыльных: город снова приобрел статус “подмосковной Сибири”, который имел до революции. Большинство ссыльных составляли “бывшие”: чиновники и военные, монахи и священнослужители, были среди них и ученые, и музыканты, и художники. Отец говорил, что в общем социальном портрете этих людей главной чертой вологжанам запомнилась их интеллигентность.

В нашем дворе поселилась бывшая монахиня Екатерина Сергеевна, высокообразованная женщина, знавшая многие европейские языки. Позднее от родителей я узнал, что происходила она из весьма знатного рода, образование получила за границей, а в монастырь ушла при каких-то “туманных” обстоятельствах. Устроиться на работу ссыльным было трудно, а потому жили они почти впроголодь. Мои родители и соседи договорились с Екатериной Сергеевной об организации группы из 6-7 детей. С нами она целыми днями гуляла, занималась рисованием, лепкой, а главное, учила немецкому языку. За год мы очень сильно продвинулись в своих познаниях: понимали нашу воспитательницу, могли объясняться в пределах детского общения.

В 1938 году после ареста отца я тяжело заболел. Только усилиями прекрасных вологодских врачей Михаила Арнстарховича Левицкого и Николая Александровича Ренатова, благодаря самоотверженности мамы удалось вырвать меня из крайне тяжелого состояния. Очевидно, из молчаливой солидарности с сидевшим в тюрьме отцом оба врача регулярно по очереди навещали меня дома, приносили лекарства и никогда не брали у мамы деньги. Малоознакомые люди передавали то фрукты, то конфеты. А когда нас захотели выселить из квартиры, А. В. Семериков резко вступился за нас и фактически предотвратил еще одно незаконное: он попросту вышвырнул за порог явившегося в наш дом претендента. Были, конечно, и такие люди, кто в это страшное время отвернулся от нас. К счастью, не все!

Еще один, на мой взгляд, характерный штрих к нравам того времени. 22 июня 1941 года мы с друзьями отправились на дневное представление приезжего цирка. Память сохранила громкие имена афиши: Виталий Лазаренко, конная группа, кажется, Кантемирова, Надежда Дурова... Но что-то сломалось в механизме представления: началось оно с большим опозданием, конники падали с лошадей, тихо переругиваясь друг с другом, Лазаренко прыгал только через одну машину вместо трех, поцугай Надежды Дуровой отвечал

невпопад на вопросы хозяйки.

В толпе на выходе я потерял своих друзей и пошел домой один. По дороге подозвал меня парень-одногодок, которого я знал немного по школе. Был он сыном сотрудника НКВД. Он-то и рассказал мне о том, что началась война. Я сначала не поверил, а он убеждал: “Папка сидит, за голову схватился, говорит: “Что будет? Что будет? Могут и на фронт послать...”, а мамка плачет и ругает: “Вот придут немцы и тебя обязательно первым повесят!”

Я бегом бросился домой, а там за столом сидят отец и мать, молчат. Мама тихо говорит: “Как ты со своей язвой пойдешь на фронт?”. Папа — о своем: “Жаль, что после тюрьмы не успел восстановить свои командирские документы. Пойду рядовым, красноармейцем”.

Я рассказал родителям про разговор с тем парнем. Папа тихо произнес: “...А там его отец выглядел куда как героем...”. И запретил мне говорить о той встрече. Кажется, это был один из следователей, ведших его дело.

После тюрьмы отец был тяжело болен: жестоко мучила язва желудка. Но в армию он пошел уже в июле практически добровольно, отказавшись от белого билета. Служил сначала рядовым пожарным, а потом лейтенантом административной службы в военных учреждениях Вологды.

Рассказывать об отце я мог бы еще много и много. Для меня он всегда был идеалом. Но вот уже будучи молодым учителем, я попал в Москве в компанию старых вологжан. Среди них оказался человек, хорошо знавший отца в молодые годы. К моему глубокому удивлению, он рассказал о пикантных эпизодах юношеских лет. Я ни на йоту не усомнился в том, что услышанное — плод фантазии рассказчика: настолько все не вязалось с моими представлениями об отце.

Позднее, передав привет отцу, я робко спросил: “Можно ли верить рассказам твоего знакомого?” Отец рассмеялся: “Значит, этот болтун все-таки рассказал, как мы однажды пробовали курить папиросы с наркотиками?!” Оказывается, и такое было с ними в пятнадцать лет. Не зная ни меры, ни силы наркотика, они накурились, чуть не отдав Богу души, и на всю жизнь зареклись потом от такого “баловства”.

Мне, привыкшему видеть отца хрестоматийно правильным, рассудительным и выдержанным, было трудно поверить, что и он не прошел мимо искушений молодости. Но, вероятно, эти ошибки свойственны многим. Только выводы из них люди делают разные или вовсе не делают выводов.

МАМА, МИЛАЯ МАМА МОЯ..

*Седую осыпь крымских гор
Смогу ли песнею воспеть я?
Сквозь Дарданеллы и Босфор
Сюда пришли тысячелетья..*

*Так седину в твои виски
Вплела не нынешняя мода.
В ней видны отблески тоски
Многострадального народа.*

СУДЬБА всей нашей семьи связана с первой школой: здесь учились братья моего отца, здесь преподавала музыку и пение мама.

На уроках она делала вид, что не замечает меня, а я делал вид, будто работаю вместе со всеми... От многих учителей мама отличалась несколько неформальным отношением к интересам и вкусам ребят. Менее связанная обязательной программой, свободно владеющая инструментом, тонко понимающая детскую психологию, мама легко меняла канву уроков, откликаясь на все детские вопросы.

В школе появилась такая традиция: выгнанные с уроков нарушители дисциплины шли, как правило, на звуки музыки и просили маму разрешить посидеть на ее занятиях. И практически никогда и никто из них не мешал урокам. Мама учила слушать музыку. Магнитофонов и проигрывателей в ту пору и в помине не было, а патефон тоже был не в каждом доме.

Известный кардиохирург профессор В. И. Фуфин говорил маме: “Нет у меня музыкального слуха, но я научился выслушивать человеческое сердце через врачебную трубочку. И в этом — Ваша большая заслуга: сердечный ритм — тоже музыка”.

Дела мои институтские однажды свели меня с необыкновенно красивой женщиной Гертрудой Павловной Гавриловой. Выпускницей Ленинградского Герценовского пединститута с мужем-лейтенан-

том она уехала в архангельские леса, где начиналось строительство космодрома Мирный. И стала там заслуженным учителем, директором школы, блестящим воспитателем учительских кадров.

Она-то и передала мне письмо от одной из учителей ее школы, бывшей вологжанки. С разрешения автора я привожу часть этого письма.

“...Никогда не забуду Розу Евелевну Подольную, необыкновенную умницу и добрейшую женщину. Она руководила хором Дома пионеров, куда я ходила много лет. Казалось бы, руководитель хора не обязан быть близок к каждому из своих воспитанников, лишь бы пели хорошо. Но она была чудесным Человеком и педагогом. Я хорошо помню ее голос, манеру держаться, говорить, и, если “говорить по-правде”, я копировала ее, когда помогала в школе работать с хором.

Роза Евелевна прививала нам музыкальную культуру, водила к себе домой слушать оперы, объясняла, наигрывала мелодии, пела. У меня сохранились к ней самые добрые чувства. Я многим о ней рассказывала, если нужно было привести пример добросердечия и по-настоящему уважительного, чуткого отношения к детям.

Может быть и Вам, дорогая Гертруда Павловна, теперь будет немножко понятнее, почему я такая есть...”

Мама прочла это письмо, будучи уже тяжело больной. “После таких слов мне и умирать легче!” — сказала она тихо...

Пусть читатель меня простит: с разрешения автора я включаю в эту книгу очерк о маме, опубликованный в газете “Красный Север” в 1993 году. Делаю это по трем причинам.

Во-первых, показалось, что ученице мамы искусствоведу Элле Кирилловой удалось раскрыть весьма существенную черту людей того поколения, к которому принадлежали наши родители. Эта черта — умение относиться к любому своему делу, как к главному в жизни. По мере сил и я стремился следовать этому правилу: родители меня тому учили.

Во-вторых, Элла Кириллова подняла важный вопрос об отношении поколений к своим учителям.

Наконец, детям всегда приятны добрые слова об их родителях.

ВРЕМЯ ПИСАТЬ ИСТОРИЮ

Ночами наш город словно бы растворялся во мгле и безмолвии: в домах-призраках замирала жизнь, пустели улицы — Вологда маскировалась, прежде чем забыться коротким тревожным сном. А утром — как волшебный град Китеж — она пробуждалась к жизни, наполнялась движением, звучала сигналами машин и стуком тележных колес, короткими

фразами военных команд или неожиданным голосом Леонида Утесова с патефонной пластинки.

Войне шел третий год, а нам — шестилетним, казалось — она была всегда. Мы привыкли к постоянной озабоченности взрослых, к скудной пище, к керосиновой лампе на столе и темным шторам на окнах. Лишь иногда в череду трудных будней входил праздник — меня вели на урок музыки. По старой Пушкинской улице, мимо уютных деревянных домов мы подходили к двухэтажной школе на углу. Там нас, робких подготовишек, как большая красивая фея, встречала Роза Евелевна. Она улыбалась каждому, завораживающе-ласково говорила что-то, рассаживала за парты. Потом подходила к инструменту, и начиналось волшебство — в классе звучала музыка! Мы “проходили” ноты, длительности, паузы, пели и разговаривали, прикасаясь к клавишам, — все вместе это называлось музыкальной школой. Первые уроки музыки так и остались в моей памяти, как прекрасная сказка среди суровых дней нашего нелегкого военного детства. И доброй волшебницей этой сказки была моя первая учительница музыки Р. Е. Подольная.

Совсем нелегко учить детей, которые недоедают, плохо одеты, потеряли родных или пережили ужас блокадных бомбежек. В тысячу раз труднее смотреть в их не по-детски печальные глаза и пытаться растопить печаль музыкой, пением, танцами. Множество детей, эвакуированных в Вологду, осиротевших, обожженных войной, взяли под свою опеку педагоги-музыканты — учили их игре на музыкальных инструментах, создавали хоровые кружки, приобщали к светлому миру музыки. Учили и верили, что сила искусства отогреет маленькие души, отвлечет ребят от страшной действительности. Так и случалось, особенно тогда, когда ребенок был одарен от природы. Прекрасные преподаватели пришли в вологодские детские дома, в кружки городского Дома пионеров, Дома учителя.

В большом созвездии вологодских педагогов 40-х годов Р. Е. Подольной по праву принадлежит одно из первых мест. Она пришла к детям еще в 1938 году — преподавала в музыкальной школе, учила игре на фортепиано, пению, музыкальной грамоте. Все отведенные ей тридцать лет работы не просто преподавала — зажигала в маленьких душах огонек любви к искусству; учила так, чтобы горел этот святой огонь в человеке всю его жизнь. На каждого, кто попадал в ее добрые руки, веяло теплом и светом безграничной любви.

Ныне, почти через пятьдесят лет, свое общение с Р. Е. Подольной вспоминает В. М. Сергеев — профессиональный музыкант, дирижер, руководитель городской академической капеллы: “Она словно направляла на тебя пучок лучей доброты, и после такого “облучения” уже нельзя было работать вполсилы, в чем-то не оправдать ее надежд, подвести ее. Ее личность так действовала на окружающих, что располагала к взаимной доброжелательности, сотрудничеству, взаимообогащению. Полагаю, что, если человек в детстве был “облучен” подобной добротой, она и в зрелом

возрасте прорастет, пробьется через его душу”.

Городской дом пионеров и детская музыкальная школа — вот основные места работы Р. Е. Подольной. Но она редко ограничивалась занятиями в классе, рабочими репетициями — не таков был ее характер — активный, общительный. Он всегда вовлекал ее в гущу музыкальных событий. Она дирижировала большим сводным хором на городском празднике песни. Представляла Вологодское отделение хорового общества на Учредительном съезде и многих последующих конференциях. Она подбирала юных ребят и разучивала в общеобразовательной школе оперу, сочиненную ее уже ученицей Адой Епиховой, в будущем известным кинорежиссером Аидой Манасаровой. В годы войны в госпитале организовала хор медицинских работников, а после войны долго работала в гарнизонном Доме офицеров. Аккомпанировала певцам и танцорам. Работала, как пела — легко, свободно, радостно. И так же легко и радостно было всем, кто находился рядом с нею...

Десять лет нет на этой земле Розы Евелевны. От нас уходит поколение педагогов 30-х—40-х годов. Как говорят: “Поваленное дерево легче измерить” — только сейчас мы начинаем понимать, как трагична была ее судьба. Тридцать седьмой год коснулся своим безжалостным черным крылом почти каждой интеллигентной семьи. В 38-м у Розы Евелевны арестовали мужа, с ней перестали здороваться некоторые прежние “друзья”. Семье грозило выселение из обжитой квартиры. Сколько же душевных сил надо было иметь, чтобы оставаться творческим человеком, — дарить добро людям, с интересом воспринимать окружающую жизнь, радоваться верной дружбе, хранить тепло своего дома, отчаянно бороться за реабилитацию супруга, поднимать сына... и много работать. Работа ее спасла.

...Внук Розы Евелевны Ю. И. Подольный — ныне доцент политехнического института, вспоминал, как в бытность студентом работал в стройотряде в Венгрии. Там в одном небольшом городе увидел памятник, изображавший пожилого мужчину в полный рост, с тростью в руке. Когда он заинтересовался, кому поставлен этот памятник, ему ответили с гордостью: “Это наш городской учитель музыки. Он основал здесь музыкальную школу и много лет учил ребят”.

...Не ставят у нас памятников учителям, и не скоро — по всей видимости — придет такое время. Десятки их, достойных самой светлой памяти потомков, уйдут в неизвестность, когда покинет эту землю их последний ученик. Долг поколения нынешних пятидесятилетних, исторически ставшего мостиком между тридцатыми—сороковыми годами и современностью, сохранить их имена, внести в анналы истории нашей художественной культуры.

Любое прикосновение к судьбам художников, музыкантов, артистов, работавших на вологодской земле, глубоко волнует: память еще пульсирует — она жива. Писать историю — самое время!

Элла КИРИЛЛОВА.

МОЙ ВТОРОЙ ДОМ— МОЯ ПЕРВАЯ ШКОЛА

*Час ученичества — он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.*

Марина Цветаева

*Наставникам, хранившим
Юность нашу...*

А. С. Пушкин

ПРИШЛО время, и по семейным традициям меня отдали учиться в Вологодскую среднюю школу № 21, ставшую уже в войну мужской средней № 1. Сколько себя помню, мы всегда с гордостью называли ее: “Наша Первая”. Начальная школа осталась в моей памяти только четвертым классом, в котором нас учила Анна Григорьевна Горохова, женщина в возрасте, не очень улыбкавая, строгая, требовательная. С нами она беседовала, как со взрослыми людьми. Пыталась научить красивому почерку и устному счету. Помню, как я обрадовался, узнав правила приближенных вычислений. “Так же проще, и писать много не надо!” — заявил я. До сих пор мне кажется, что истоки этой минутной детской радости лежали в моей лени: уж очень я не любил писать... Первые три года я часто болел, потому в четвертом классе программа давалась с трудом.

В средней школе я тоже учился не блестяще. Много читал, хотя и был примитивен в читательских симпатиях. Онегин и Печорин меня не увлекли, прозу Тургенева и Салтыкова-Щедрина я и вовсе не любил, Лев Толстой открылся для меня только к десятому классу. Достоевский и Есенин были для нас недосыгаемы.

Зато ночи мы просиживали за Жюлем Верном, Джеком Лондоном, из-под полы доставали томик Конан Дойля и Луи Буссенара. В конце войны увлеклись Алексеем Толстым, взахлеб читали В. Яна “Чингисхан” и “Батый”.

Чего мы совсем не читали, так это стихов: они пришли к нам ближе к выпускному вечеру в корочках книжек Симонова. Впрочем, я хорошо помню, с каким пафосом читал наизусть симонов-

скую поэму “Сын артиллериста” мой школьный друг Леня Максимов, читал, как только она появилась в печати... Константин Симонов в годы войны владел умами и молодых, и старых читателей. Но постепенно многое менялось в нашем сознании. И помогали в этом замечательные учителя Первой школы.

Сильным, сыгранным был в Первой школе ансамбль учителей математики. Математике нас учили две Заслуженные учительницы — Екатерина Константиновна Монастырева и Александра Ивановна Мухина. И по характеру, и по методам работы внешне они были абсолютно не схожи. Но с сегодняшних позиций могу сказать, что обе они учили нас главному: умению самостоятельно думать и работать. Обе были предельно требовательными, обе рассчитывали свои уроки на сильных учеников, обе учили логике математического мышления, любили задавать нетривиальные задачи, умели оценить оригинальные решения. Работу с откровенно слабыми выносили за рамки уроков, поручая ее тем, кто хорошо разбирался в математике. Наконец, обе были предельно внимательны к ученикам и заслуженно пользовались их уважением. Звание “Заслуженный учитель” Екатерина Константиновна получила в самом первом указе, когда оно было учреждено.

Екатерина Константиновна была очень маленького росточка. Потому в классах, где она работала, около доски делали специальный приступок. Фигура ее была столь необычна, что младшеклассники дали ей прозвище “Бочка”, со временем трансформировавшееся в “Боча”. Она это прекрасно знала и принимала с долей юмора. Но причиной такого прозвища была не только фигура. При малом росте Екатерина Константиновна обладала очень низким голосом, звучащим как из бочки... Говорила она с четко выраженным вологодским акцентом, напирая на “о”. Даже в одеяниях своих она была оригинальна: всегда ходила в каком-то теплом темно-синем салопе с большими карманами, в которых хранились записные книжки для каждого класса, где она работала: она не признавала классные журналы, и за один урок могла в свою книжку выставить по три-пять оценок одному и тому же ученику за разные виды работ, за знание разных тем. Отличала ее прекрасная память: она и через месяц помнила, за что тебе “влепила двойку”, красующуюся между четверками и пятерками. Оказывается, ты где-то ответил нсвпопад...

Никогда не забуду, как Екатерина Константиновна на выпускном вечере сказала моему однокласснику: “Володя! У тебя очень светлая голова и сильный характер. На Руси такие либо далеко идут, либо спиваются. Прошу тебя, не пей вина! Твоя голова нужна

людям". Мне же она пожелала "жить своим умом", явно намекая на то, что в школьные годы я иногда попал под чье-то влияние...

В старших классах школы математику преподавала прекрасный методист Ольга Яковлевна Лихачева. Женщиной она была крупной. Гордо посаженная голова, острый нос, волевые губы делали ее лицо весьма характерным. Близкой дружбы в учительском коллективе она ни с кем не водила. Учеников держала на некоторой дистанции от себя, чуть большей, чем остальные учителя. Ко всем обращалась на вы.

Математиком она была прекрасным. Ее уроки отличались многословностью. Оценки ставила жестко, даже безжалостно... Совершенно не терпела лодырей и бездельников, особенно — из способных ребят, зато к откровенным профанам в математике относилась иначе: она их просто не замечала, выставляя натянутые тройки. Помню, как она пришла в наш класс, замечая заболевшего учителя. Я решил задачу у доски, а она сказала: "Весьма посредственно! Небрежность оформления свидетельствует о несобранности в мыслях!"

В конце пятидесятых годов она перешла на работу в пединститут, преподавала методику математики и там пользовалась большим уважением среди коллег и студентов.

Дальней родственницей Ольге Яковлевне приходилась еще одна учитель математики Хиония Александровна Лихачева. Ни по личному характеру, ни по стилю работы она не походила на остальных математиков. Она была в самом лучшем смысле этого слова типичным традиционным учителем.

Если Екатерина Константиновна и Ольга Яковлевна своих семей не имели и могли всю энергию и время отдавать школе, то Хионие Александровне было гораздо труднее: на ее плечах остались четверо детей, после того, как в 1944 году арестовали мужа. И, несмотря на это, проводила она в школе целые дни: сложно было найти в коллективе более трудолюбивого и заботливого классного руководителя.

Происходила она из крестьянской многодетной семьи. Родители подметили в самой младшей из дочерей тягу к учебе и потому решили дать ей образование. Только с третьего захода смогла она поступить на учебу в Великоустюжскую учительскую семинарию. Училась в самые трудные годы революции и поехала работать учителем начальных классов в одну из старейших школ Вологодчины — Зоникневскую. Там и замуж вышла за директора школы. Позднее перебрались в Вологду. Уже имея троих детей, поступила учиться на заочное отделение физико-математического факультета педин-

ститута и прекрасно его окончила. Из опыта педагогической работы она опубликовала ряд статей.

Хиония Александровна любила брать классы сразу после начальной школы и вела их, как правило, до восьмого. Методы ее преподавания опирались на большой опыт работы в начальных классах. Результатом было то, что у ребят не возникало широко известных трудностей при переходе из начальных классов в среднюю школу. Теперь это называется преемственностью в работе. Отличало Хионию Александровну умение помогать не только детям, но и их родителям: она не жаловалась на ребят, просто умела вовремя налаживать взаимоотношения и помощь в семьях. К великому сожалению, этому в пединститутах будущих учителей не учат. Поэтому, когда я пришел в ту же школу учителем и принял от Хионии Александровны ее класс, я долгое время вынужден был обращаться к ней же за консультациями и поддержкой.

Ко всем ученикам она относилась ровно, независимо от их личных успехов в математике. И в коллективе учителей она была едва ли не самым скромным человеком: мало с кем водила близкую дружбу, никогда не досаждала администрации просьбами и требованиями. Помню, что моя мама, работавшая с Хионией Александровной, отмечала ее замкнутость: учителя-женщины в коллективе часто откровенно обсуждали свои домашние проблемы, а Хиония Александровна обычно не участвовала в таких разговорах. Своих детей, учившихся в школе, она будто бы и вовсе не замечала. Надо сказать, что все дети ее учились прекрасно. Сын Лев еще десятиклассником был награжден медалью “За трудовое отличие” за то, что прекрасно руководил всеми нашими летними работами на полях пригородных колхозов, и в том же 1945 году он получил Золотую медаль за успешное окончание школы.

С таким сильнейшим коллективом математиков школа славилась своими успехами на всех олимпиадах и не только в Вологде: ее выпускников с распростертыми объятиями принимали в известной своими требованиями Бауманке и в других столичных вузах.

Еще школа гордилась замечательным учителем физики Михаилом Александровичем Перфильевым, построившим над школьной крышей первую в Вологде астрономическую обсерваторию с настоящим телескопом. К сожалению, мне уже не пришлось у него учиться: он умер в самом начале войны. Учителем географии был большой знаток геологии Северного края Константин Александрович Садоков. Немецкий язык блестяще преподавала Елизавета Николаевна Слугинова. Историком и завучем школы был Александр Фео-

досьевич Мартемьянов. Все они со временем стали преподавателями педагогического института, где мне довелось быть их студентом.

Традиция творческого роста учителей нашей школы продолжается и теперь. Профессором Московского автодорожного института стал математик С. Б. Норкин, профессором Пятигорского института иностранных языков — В. А. Хомяков, доцентами Вологодского педагогического университета — З. Ш. Щерцовский и В. И. Чуглов. Заместителем декана факультета там же был и С. В. Смирнов. На смену приходят в школу их ученики.

Биологов в мою пору в школе было два: Мария Николаевна Богословская и Мария Павловна Брянцева. Обе были коренными вологжанками. Обе как бы олицетворяли в коллективе самую интеллигентность и деликатность, сочетающуюся с глубокой компетентностью.

Мне посчастливилось больше учиться у Марии Николаевны. Она окончила Вологодский пединститут в первом его выпуске, сразу после революции. Как дочь священнослужителя, ее отчисляли из института. Потом как лучшую студентку ее восстанавливали... Работать ей пришлось и в школах, и в педтехникуме. Ни разу в жизни она не писала заявлений о переходе на другую работу, но ее много раз переводили с места на место, ставя на самые трудные и важные участки. Была она делегатом одного из первых всероссийских съездов учителей. Не миновали и ее репрессии тридцатых годов, но повезло — вернулась домой. Вернувшись, она очень тонко и незаметно помогала многим детям, в чьи семьи пришло горе... Я это чувствовал и на себе. Как и Екатерина Константиновна Монастырева, Мария Николаевна унаследовала от родителей — священнослужителей умение говорить с людьми и слушать людей.

Уроки Марии Николаевны были целеустремленными, логичными, прекрасно оформленными наглядными пособиями. Отношение к ученикам было очень благожелательным даже тогда, когда нарушалась дисциплина или возникали, как теперь говорят, “нештатные ситуации”. В памяти сохранился такой забавный эпизод. В ту пору мы сдавали экзамены каждый год и почти по всем предметам. На экзамене по ботанике нашему однокласснику — самому большому лодырю достался вопрос об опылении растений. Он сказал, что хвойные деревья опыляются... животными. Мария Николаевна с неподдельным ужасом в голосе попросила: “Ну, пожалуйста, подумайте, какие же животные могут опылять хвойные деревья!” Ничтоже сумняшеся, парень тут же ляпнул: “А по елкам лазают белки и медведи!...” Выждав, когда класс вдоволь насмеялся, Ма-

рия Николаевна, сдерживая улыбку, сказала: “Не то плохо, что вы ошиблись, а то, что не захотели подумать. Вот и попали мы с вами в неловкое положение...”.

И сына Марии Николаевны Андрюшу, такого же скромного, доброжелательного и приветливого в школе очень любили. Его имя тоже на доске выпускников-медалистов. И он пошел по стопам родителей: преподает в вузе, как когда-то преподавал его отец.

Недавно мы снова встречались с Марией Николаевной. Она уже далеко перешагнула рубеж своего столетия. Но поражает собеседников ясной памятью и умом: каждый вопрос продиктован жизненным опытом, каждое воспоминание точно проецируется на день сегодняшний, каждое суждение мотивировано! Главной своей гордостью считает успехи учеников, многих из которых она очень хорошо помнит.

Вспоминая Первую школу, Мария Николаевна говорит: “Главным достоинством школы было то, что она воспитывала в учениках высокую общую культуру, уважение к знаниям и умение мыслить. Потому и пошли в науку и искусство очень многие выпускники!” Как выпускник этой школы полностью подтверждаю вывод моей любимой учительницы.

Прекрасный и старейший учитель биологии России Мария Николаевна Богословская недавно Международной Соросовской программой Образования в области точных наук” удостоена звания “Заслуженный Соросовский Учитель”.

Наша учитель географии Наталия Александровна Матафгина происходила из старого вологодского рода. Уроки строила нетрадиционно, пытаясь каждым своим рассказом пробудить в нас живой интерес к предмету. После ее уроков казалось, что мы сами побывали в дальних странах, а ведь она никогда не говорила, что до революции объездила всю Европу. В ту пору об этом лучше было молчать...

Была она еще и режиссером школьного театра, и его душой. Я тоже пробовал себя в нем, играя в разные годы то роль Острого Угла в пьесе о геометрических фигурах, то роль Хлестакова в сценах из “Ревизора”. Для меня эти пробы не имели продолжения, а первая помощница Наталии Александровны Адочка Епихова с годами стала выдающимся кинорежиссером Аидой Манасаровой.

Театр наш пытался ставить даже отрывки из “Евгения Онегина”. Музыкальную часть помогала готовить моя мать — учитель музыки. На спектакль собрались не только все мы, но и девочки из женских школ. От невообразимой жары у актеров потек грим, а у

Онегина отклеилась бакенбарда. Он решительно оторвал другую и каким-то не своим голосом пропел: "О, жалкий жребий мой!"...

Много меньше мне повезло с учителями литературы: они менялись почти каждый год, не успевая оставить о себе яркую память. Но на определенном этапе по просьбе матери мне взялась помочь замечательный педагог и человек Манефа Сергеевна Перова. Могу теперь сознаться, что она чуть было не повернула мою судьбу в сторону литературы. Манефа Сергеевна заставила взглянуть на нее другими глазами. Начала с ликвидации элементарной неграмотности, а привела к Толстому и Горькому, заставила понять Островского и полюбить Грибоедова. Помогала не только мне. Со мной и моими друзьями она обсуждала книги, заранее договорившись не прибегать к аргументам и оценкам школьных учебников. Пришлось читать Беллинского и Писарева... Так открылся нам совсем незнакомый Пушкин.

1947 год. Экзамен на аттестат зрелости. Пушкин -- в билете. Я начинаю отвечать. А в комиссии сидит незнакомый седой человек с маленькими умными и добрыми глазами. Он останавливает поток моих слов и просит: "Прочтите, пожалуйста, наизусть, что вы любите из Пушкина". Запас был не особенно велик, но я начал не с заученного на уроках письма Татьяны, а с непрограммных тогда стихов:

*Сажу за решеткой
В темнице сырой,
Вскормленный в неволе
Орел молодой...*

Тотчас последовал вопрос: знаю ли я, при каких обстоятельствах были написаны эти строки. Старик перебил мой по-школьному примитивный ответ, и начался его увлекательный рассказ, который более получаса слушал и весь экзаменуемый класс, и вся комиссия. Экзамен возобновился не скоро. Я получил свою пятерку, так и не поняв, с кем имел дело...

Вечером в нашей квартире раздался телефонный звонок, и я сразу узнал характерный, с южным акцентом голос незнакомца с экзамена. Оказалось, что это был профессор Вологодского пединститута Виктор Азриелевич Гроссман, видный исследователь творчества Пушкина. Через отца он пригласил меня в гости. Короче: "Старик Державин нас заметил..."! Но дальнейшее наше знакомство отложилось на много лет. Вскоре Виктор Азриелевич в третий раз "получил срок" -- восемь лет. Вернулся он из лагеря, когда я был уже учителем химии. Дружба с Виктором Азриелевичем и его

семьей длилась долгие годы. Очень жалею, что не записывал его интереснейшие рассказы о времени и о себе.

Из литературных воспоминаний школьных лет осталось большое впечатление от первой встречи с творчеством Есенина. Друг нашей семьи часовой мастер и прекрасный ювелир Иосиф Яковлевич Ружже дал мне почитать прижизненное издание сочинений Есенина. Меня поразили строки:

*Но эту мразь,
Холодную планету
И солнцем-Лениным
Пока не растопить.
Вот почему
С больной душой поэта
Стал хулиганить я,
Озорничать и пить.*

(Цитирую по памяти тех лет).

Я рассказал о прочитанном Манефе Сергеевне. Выслушав, она похвалила меня за интерес к Есенину: “Оставьте Есенина в своей душе и не делитесь пока с другими. Вас могут неправильно понять!...”. Так нас учили осторожности люди, на себе испытавшие жестокость времени.

Цену такой осторожности Манефа Сергеевна знала хорошо. Сначала был арестован ее муж. Затем и она: добивались, чтобы жена “рассказала о вредительстве мужа”. Манефу Сергеевну сослали в вологодскую глубинку. Муж вернулся только через восемнадцать лет. А дочку чуть не исключили из школы за чтение стихов Есенина...

Манефа Сергеевна много позднее рассказывала близким людям, что самым страшным для нее был момент, когда ученики могли увидеть свою учительницу, сидящей на корточках посередине лужи, куда охрана загнала этап перед погрузкой на пароход...

В Вологде у нее остались сын и дочь. Позднее сын ушел на фронт и погиб. А Манефа Сергеевна возвратилась в Вологду только в 1942 году и еще несколько лет оставалась “лишенкой”, т.е. человеком, лишенным гражданских прав.

Справедливости ради следует сказать, что “вынужденная осторожность”, весьма свойственная людям поколения годов тридцатых, иногда отступала перед внутренней порядочностью, принципиальностью и человеческой честностью.

Та же Манефа Сергеевна явилась однажды на прием к высокому начальнику и заявила решительный протест против его вмешательства в итоги школьных экзаменов. Крутому, как теперь говорят, авторитарному руководителю она прямо заявила: "Ваша позиция не прибавит вам ни авторитета в глазах учителей, ни доброй памяти учеников". И он вынужден был отступить в возникшем конфликте.

И в семье Манефы Сергеевны Перовой тоже "яблоко от яблони недалеко катится". Дочка успешно окончила филфак пединститута, а внук — Игорь Шайтанов стал известным не только в России литературоведом, доктором филологических наук, профессором. Игорь Шайтанов — выпускник все той же нашей Первой школы.

С моими одноклассниками мы с благодарностью вспоминаем нашего учителя черчения и рисования Сергея Владимировича Смирнова. Был он когда-то одним из последних выпускников Вологодского реального училища, от которого ведет свое летоисчисление наша Первая школа. Поэтому его всегда считали "хранителем школьных традиций". Рисование в реальном училище преподавал выпускник Российской Академии Художеств Агапов. Сергей Владимирович рассказывал, что был этот человек блестящим рисовальщиком, талантливым педагогом. В реальном училище он организовал школу-студию. Видимо, от него Сергей Владимирович унаследовал и профессию, и мастерство. Он умел привить ребятам хороший вкус, любовь и уважение к своему предмету.

Нас удивляло, как он радовался даже самой маленькой удаче в ученической работе. А меня лично удивляло то, что он никогда не ругал меня за мои работы... Бог не наградил меня талантом художника.

Еще с первого класса ребята звали меня "Зеленой лошадью": я раскрасил в книжке лошадь яркой зеленью, а деревья — красной краской. Услышав однажды о таком прозвище, Сергей Владимирович рассмеялся и рассказал нам о картине Петрова-Водкина "Купание красного коня". Именно тогда не я один, а многие ребята впервые услышали о художнике, чье творчество явно не вписывалось в тогдашние школьные программы.

Прошло много лет и я познакомился с творчеством замечательного немецкого художника Франца Марка: увидел табуны его коней едва ли не всех цветов радуги. Спасибо Сергею Владимировичу! Этот художник-реалист учил нас понимать настоящее искусство.

Память хранит достаточно печальный эпизод, связанный с Сергеем Владимировичем. Наверное, многие помнят, что в школьные годы в детских коллективах как эпидемии возникали увлечения да-

леко не безобидными забавами: то сразу чуть не пол-школы вооружалось стрекательными резинками, то по всему школьному двору из окон летели бумажные вороны, носы которых предварительно обмакивались в чернильницы. То на ниточках вертели пуговицы, которые начинали мелодично петь... Я не помню деталей, но свершилось неприятное: пулька попала в лоб Сергею Владимировичу, неожиданно вошедшему в класс. Все замерли, готовые к любым наказаниям, но то, что произошло дальше, просто потрясло нас: Сергей Владимирович тихо сел к столу и ... заплакал, заплакал горько и беззвучно. Он держал голову руками, слезы бежали по щекам, плечи тряслись: "...За что? За что? За что?" Слова эти больно били нас, наверное, больнее, чем гимназические розги: ведь мы любили Сергея Владимировича. Первым не выдержал виновник происшествия. Но вместо его прокуренного хрипловатого голоса раздалось что-то совсем на него не похожее: "Ребята! Так я же не нарочно!..." Почему он обращался к нам, а не к Сергею Владимировичу? Наверное, понял, что обидел общего любимца. И сразу весь класс бросился к учительскому столу хором извиняться: вид плачущего пожилого мужчины для нас, великовозрастных балбесов, был невыносим...

Урок долго не начинался. Сергей Владимирович с трудом успокаивался. Мы подсовывали ему работы наших лучших художников: Володи Лукина, Бори Мазалецкого, Юры Кузнецова, но он обратил внимание на чей-то неприметный для нас пейзаж: "Не правда ли, в нем что-то есть! Здесь чувствуется настроение автора. Вы со мной согласны?" Мир был восстановлен. Мы поняли искренние мужские слезы человека, перенесшего на своем веку много несправедливостей. И 1937, и пятидесятые годы прокатились по личной судьбе интеллигента с тонкой художественной душой.

Выйдя на пенсию, Сергей Владимирович самым серьезным образом взялся за пейзажную живопись. Собрания его картин многократно выставлялись на персональных и общегородских выставках. И в его семье педагогическая династия продолжается: вслед за отцом и мамой — замечательной учительницей начальных классов учителем математики стала дочь, за нею в пединститут поступила и внучка. Не научил меня рисовать Сергей Владимирович. Зато черчение и начертательную геометрию в институтах мы все преодолели сравнительно легко только с его помощью.

Одна учительская фигура вспоминается с улыбкой: наш учитель истории в десятом классе. Учебники в очередной раз изъяли в связи с очередной "переоценкой ценностей". Учителю приходилось диктовать нам тезисы изучаемого материала. Медленно и монотонно

звучало: “Кавычки откройте... (далее следовала длинная цитата...), кавычки закройте. Напишите: И-точка, В-точка, Сталин – точка”. Однажды мы не уловили, где начинается и где кончается цитата. Записав предложение, один из наших учеников тихо спросил: “А это кто сказал?” Последовал столь же тихий и серьезный ответ: “А это сказал я”. Воистину верно в те годы говорили, что лучший доклад должен иметь кратчайшие расстояния между цитатами.

Да! Были и у нас учителя, которых можно считать “моральными жертвами” своего времени. Не о них сегодня речь. Зато из песни нельзя выкинуть слово, тем более такое страшное слово, как “репрессии”. Только на моем веку в мясорубку политических преследований кроме тех, кого я уже упомянул, попали блестящий завуч школы, всеобщий любимец Апполос Васильевич Аристов, математик Николай Михайлович Милицын, историк Александр Фео-досьевич Мартемьянов, преподававшие еще в гимназии и реальном училище люди преклонных лет литератор Потаницкий и языковед Усков. Сгнула в лагерях прекрасная учительница Зинаида Алексеевна Чудинова. И это только те, о ком помню я... Чем более заметной в коллективе фигурой был учитель, чем больший интеллект и авторитет его отличали, тем быстрее добирался до него карающий меч классового правосудия.

Правы были древние китайцы, говорившие, что для победы над народом не нужно убивать всех подряд: достаточно выбить три поколения интеллектуалов этого народа. И в России, оказывается, говорят: если вырубить дубовый лес, то на его месте вырастает смешанный, а если вырубить и его, то останутся только осины...

Горько расплачивается страна за потерю цвета нации в революции, гражданской войне, в ежовско-берневской “варфоломеевской ночи”, в Великой Отечественной войне и ...”несть им числа”... Но кто остался победителем?

Бывшее реальное училище после долгих преобразований, уже на моем веку ставшее Первой мужской школой, всегда славилось лучшими директорами.

Из директоров моих первых лет помню Анну Ивановну Ходневу, маленькую, кругленькую, трогательно заботящуюся о школьном имуществе и чистоте. В войну она организовала при школе столовую для учителей и пенсионеров старшего педагогического поколения. Анна Ивановна глубоко верила в людей, умела без лишнего шума организовать учителей и детей на большие дела. Вспомню, как мы разгружали большие баржи с дровами для школы, а потом всей школой пилили и кололи их до поздней зимы.

К ученикам Анна Ивановна была очень добра и мягка. Помню, когда ввели плату за обучение в старших классах, за одного из моих одноклассников, семья которого оказалась в очень сложном положении, она сама внесла деньги и запретила ему кому-нибудь говорить об этом.

Сменившая А. И. Ходневу Наталия Семеновна Пальмова, женщина волевая и властная, строго требовала от всех соблюдения дисциплины и Устава школы. Но то, как она умела искренне и от души смеяться и радоваться на веселых школьных концертах и смотрах художественной самодеятельности, выдавало ее внутреннюю доброту. Позднее я знал Наталию Семеновну в семье, где она была идеальной тещей своего в прошлом хлопотного ученика Володи Ванчикова. Недавно в школьном архиве мне показали тетрадь с приказами военных лет. Я прочел: “Ученику 6-а класса Ванчикову Владимиру объявить выговор за нарушение Устава школы и неуважение к директору”. Засвидетельствую, что в своей семье заместитель председателя Госплана страны, министр СССР, Заслуженный изобретатель СССР, Лауреат Государственной премии (а ранее — генеральный директор Череповецкого металлургического комбината) Владимир Алексеевич Ванчиков к Наталии Семеновне Пальмовой относился не только с глубоким почтением, но и с сыновьей любовью. И любовь эта была взаимной.

И еще чем запомнилась наша Первая тех лет? Запомнилась прекрасным родительским комитетом, который знала и уважала вся школа. В войну мало у кого отцы оставались дома. Потому и родительский комитет состоял из женщин. Чем только они там не занимались: организовывали фонды помощи особо нуждающимся ученикам, распределяли скудные добавки к пайкам, добывали списанные валенки для многодетных семей, готовили вместе с учителями школьные вечера, а кой-кому даже помогали в учебе. Мои друзья недавно напомнили мне такой факт: в 1942 году, в самую тяжелую пору наши мамы вышили и передали школе два красных знамени. Родительский коллектив был таким дружным, что некоторые мамы продолжали в нем работать и после того, как их дети оканчивали школу. Для администрации школы такой родительский комитет был большой опорой.

Когда я оканчивал пединститут, в билете на государственном экзамене по педагогике мне достался вопрос об организации работы родительского комитета школы. Я не очень хорошо помнил “руководящие материалы” по этому вопросу, а вместо теории рассказал про наш школьный родительский комитет. Комиссия слушала с ин-

тересом, было много вопросов, а в чем-то высказывании прозвучала даже нотка недоверия. Но у одного из экзаменаторов сын учился в нашей школе. Он негромко сказал: “Все подтверждаю”. А когда я сам стал директором школы, опыт того родительского комитета военных лет мне очень пригодился.

О директорстве и учительстве Александры Ивановны Мухиной я расскажу дальше .

И еще одно доброе воспоминание. К десятому классу мы по-настоящему узнали и оценили все прелести читального зала областной библиотеки. “Читалка” стала для нас и кладезем мудрости, и ... местом свиданий с девочками из женских школ. Помню, как умные библиотекари подсовывали нам самые стоящие и дефицитные книги: кто-то читал, рекомендовал другу, и начиналась “цепная реакция”. К каждому сочинению и докладу здесь находились нужные материалы. И теперь, встречая милых женщин из библиотеки, умевших расширить круг нашего чтения, формировать литературные вкусы, наконец, нашу общую культуру, каждый раз мне хочется сказать им спасибо. У друга Николая Рубцова, поэта Юрия Шавырина я нашел слова, в которых услышал что-то знакомое:

*Неощутимая война
эпох,
укладов,
мыслей,
мнений —
серьезный повод
для волнений.
Но в людном зале тишина.
Я без нее не жил и дня.
И не казенной,
не публичной,
она библиотекой личной
давно уж стала для меня.*

О ВРЕМЕНАХ ВОЕННЫХ

*Меня война огнем не опалила.
По детству темной тучей проползла.
Нас в школе уважать учили силу
Добра и ненавидеть силу зла.*

СЛОЖНО складывались в военные годы мои отношения со сверстниками. Отчасти мешали болезненность, неумение постоять за себя. С другой стороны, нужно сознаться, что мне мешала “интеллигентность” в наилучшем смысле этого слова. Мамина любовь ко мне, ребенку единственному, в чем-то отрицательно сказалась на моем воспитании. Хотя я и не был в полном смысле слова “маменькиным сыночком”, но долго был огражден от окружающего мальчишеского мира системой запретов, а потому отставал от сверстников, по крайней мере, в ребячьих проказах.

В годы войны и детские поступки отличались от проказ мирного времени. Мы с двоюродным братом и его друзьями решили летом сорок третьего податься на фронт. Сэкономили заработанные на разделке школьных дров недельные пайки хлеба и в тайне от родных на товарном поезде тронулись в направлении Ленинграда.

До Череповца добирались едва ли не двое суток, еще двое болтались на череповецком вокзале, остались без продовольственных запасов и, в конце концов, угодили в военную комендатуру, откуда нас, грязных и голодных, препроводили в ВОШОР. Эта забытая нынче аббревиатура означала — Вологодская областная школа особого режима. Располагалась она в селе Юношеское Грязовецкого района на месте бывшего Павлово-Обнорского монастыря, в прошлом одного из богатейших на русском Севере. Нас встретил там друг мамы, преподаватель музыки Иван Павлович Смирнов. Из-за перенесенного незадолго до войны туберкулеза его не взяли на фронт, а назначили заместителем начальника ВОШОР.

Это он по телефону сообщил о наших похождениях маме, совершенно потерявшей голову от “геронческой” записки: “Уехали на

фронт!”. Это он поддерживал в школе такой порядок и дух, при которых никто не сбегал из спецшколы “особого режима”, несмотря на то, что в ней никогда не было ни охраны, ни колючей проволоки. У него все мальчишки пели в сводном хоре... Иван Павлович со своим коллективом умудрялся кормить ребят вполне сносно по тем временам. Наш рацион пополняли рыба и раки, которых мы ловили в реках Обноре и Нурме. И работа со скотом, с лошадьми была нам в удовольствие, и разделка дров шла в духе соревнования: кто быстрее расколет витиеватый чурбак.

Дружбу с заслуженным учителем музыки Иваном Павловичем Смирновым мы пронесли потом через всю жизнь.

Из ВОШОР в Вологду нас вернули к осени. Тех, кто был постарше, отправили работать на заводы. Кто помоложе — продолжил учебу в школах, а некоторых отправили в многочисленные вологодские госпитали. Денег нам в госпиталях за работу не платили, иногда подкармливали обедами и выдавали половину хлебной карточки. Хлеб был дороже денег!

Звали нас в госпитале “подай-прими”: мы бегали по этажам и отделениям, носили бумажки, истории болезней, рентгеновские снимки, кормили с ложечки лежачих, писали солдатские письма, до одурения крутили стиранные медицинские бинты, километры которых сушились в госпитальных дворах. Сколько же рассказов раненых мы выслушали в те годы! И занимательных, и трагичных, и просто фантастичных...

Госпиталь был сортировочным: здесь оставляли тяжелораненых, тех, которые нуждались в неотложных операциях, и тех, кто имел легкие ранения, чтобы после долечивания их можно было вернуть в строй. Какое-то время приходилось работать на рампе. Рампа -- это сооружение вроде высокого перрона, куда из вагонов и теплушек выгружали раненых или ленинградских блокадников, эвакуированных по Ладожской Дороге жизни. Когда приходили ВСП -- военно-санитарные поезда, было легче: мы были “на подхвате” у команды поезда. Когда же приходил эшелон с “дистрофиками”, становилось гораздо труднее: многие ленинградцы не могли подняться с нар, а рядом с ними лежали умершие... Смерть поджидала эвакуированных даже в, казалось бы, спасительных продовольственных сухих пайках. Дело было в том, что сразу же на Большой земле эвакуированным выдавали небольшие порции хлеба, масла и сахара. Предпожидали, что на следующий день им дадут горячую пищу на станциях железной дороги. Но многомесячный голод лишил способности мыслить здраво: немедленно начинался неуправляемый “мен”. Кто-

то внушал себе, что главное — это хлеб: меняли на него свои пайки сахара и масла, с жадностью съедали сухой и тяжелый хлеб и погибли от заворота кишок.

Но не менее опрометчиво поступали и те, кто считал, что изголодавшемуся организму поможет тройная порция масла: в этом случае отказывала печень, отвыкшая от жиров... И сахар не давал шансов на выживание: поджелудочная железа не вырабатывала инсулин... Медикам трудно было убедить людей в правильности выбранного начального рациона.

Нашей мальчишеской команде поручалось проверять теплушки и вагоны, помогать немощным, выносить тела умерших, изымать у них документы и ценности. Не сразу мы привыкли к такому делу... Одно могу утверждать: все найденное, включая украшения “из желтого и белого металла”, до последней копейки мы сдавали старшине нашей команды, взвешивавшему драгоценности на хлебных весах. Чужое к нашим детским рукам не прилипало. За каждый день работы старшина выдавал нам “денежку” на кино: сначала это была “зелененькая” трешка, потом — “Синенькая” пятерка, “красненькую” тридцатку нам дали, как мне помнится, только раз.

Есть у художника Верещагина известная картина “Апофеоз войны”: пирамида из человеческих черепов смотрит на вас сотнями пар пустых глазниц... Для меня же апофеозом войны стал распухший труп женщины, который мы с трудом вытащили из теплушки. В сумерках зимнего дня я нагнулся над ним, чтобы найти документы, и в ужасе отпрянул: поверхность шубы вроде бы шевелилась, усыпанная массой вшей... А вшей мы в то время боялись страшно: сыпной тиф был смертельно опасен. Эта картина так тяжело подействовала на меня, что на рампу я больше не ходил.

Пользуясь тем, что ВСП были подчинены РЭП-95 — распределительно-эвакуационному пункту, где к тому времени служил мой отец, я “по благу” несколько раз ездил с поездами за ранеными в сторону Череповца. Мне кажется, одна такая поездка была на поезде, описанном Верой Пановой в романе “Спутники”, экранизированном уже в более поздние годы под названием “На всю оставшуюся жизнь”. Особых воспоминаний от тех поездок не сохранилось, но хвостовой вагон с поросятами я помню. Да еще одна метка в памяти — тяжелое воспаление легких, полученное после того, как я в ноябрьский холод по сигналу “Воздушная тревога” неудачно выскочил из вагона в кювет с водой, подернутой тонкой коркой льда.

В начале 1945 года я угодил в госпиталь, замученный фурункулезом. Спасла меня вместе с врачами старуха-санитарка, принесшая

из деревни пузырек с медом: она смешивала его с мукой в лепешки и прикладывала к ранам. Спасибо ей: этот народный метод лечения я потом применил на сборах в армии, когда вместе с плохо постиранным бельем в наш дивизион была занесена поганая инфекция. Мед действовал чудесно! Этот эпизод я вспомнил, чтобы сказать, что врачи госпиталей в жестких условиях нехватки лекарств весьма поощряли использование рецептов народной медицины. Помню, когда не хватало бинтов для наложения гипсовых повязок, по предложению старушек-нянь и санитарок в ход пошла солома, становившаяся каркасом для гипса. Эта история описана, кстати, в одном из романов Юрия Германа.

В последние годы группы энтузиастов-историков Вологды и Вологодского пединститута под руководством профессоров П. А. Колесникова и В. В. Судакова совершили гражданский подвиг: издали “Книгу-мемориал воинов, умерших от ран в госпиталях и захороненных на территории Вологодской области в годы Великой Отечественной войны” и книги “Реквием” со списками блокадников Ленинграда, умерших на нашей земле.

В связи с этим я вспомнил такую деталь. Ребята на рампе знали, что у меня в блокадном Ленинграде остались многие родственники, а потому, когда попадались документы с еврейскими именами, звали меня... И случалось такое довольно часто. Через сорок пять лет после войны я перелистал книгу “Реквием” и увидел массу типично еврейских имен. Из тысяч захороненных ленинградцев таких оказалось больше 3,5%.

Но если в “Реквиеме” числятся только гражданские ленинградцы, то в “Мемориале” собрана память о солдатах, призывавшихся на фронт со всех концов страны. Там процент погибших, имевших явно еврейские имена, составил более 1,7, что существенно превышает долю евреев в общем населении Советского Союза в довоенные времена.

На вологодских кладбищах покоятся умершие от ран солдаты-ленинградцы Арон Донкин, Юрий Веттер, Вульф Биргер, сержант Миша Гольдин, череповчанин военврач Давид Шенкман. В этой же земле встретились земляки из далекого курортного Пятигорска, жившие на соседних улицах ефрейтор Мерия Каплун и младший сержант Самуил Коган. Мерин был 21 год, а Самуилу — 28.

Лежат они рядом с тринадцатью Степановыми, двадцатью семью Кузнецовыми, рядом с пятьюдесятью двумя Ивановыми... А рядом — Умарбековы, Узбаевы, Турзоевы, три Рахманова, Трамаускас, Сингатулин, Сикора из Западной Украины, прибалты Эльмар

Сакс, Эдуард Саак, грузин Сабашвили, Юлиан Русакович из Белоруссии.

Открываю наугад страницу: по алфавиту следуют Андрей Решетов с Алтая, Аксель Решня из Карело-Финской ССР, Марьян Ржешицкий из-под Киева, Александр Рикконен из Башкирии, Альберт Риста — и узнать не успели, откуда он родом. Георгий Робу — из Молдавии, вологжанин Сергей Рогалев.

Внуки и правнуки должны знать, что война не делила людей ни по нациям, ни по вероисповеданиям: православные и мусульмане, иудеи и католики, безбожники всех национальностей в защите своей страны были равны перед пулями и бомбами, перед голодом и болезнями... И тому я тоже был свидетелем!

Прошу читателя вернуться к строкам, вынесенным в эпиграф. К традиционной встрече моих одноклассников я продолжил их:

*...А жизнь вела нас не по школьным картам,
Порою, всем легендам вопреки.
И цену истин не за школьной партией
Открыли для себя ученики.
Нас жизнь мотала по делам и странам,
Но верность нашей юности храня,
Как подобает добрым ветеранам,
Храним мы искры школьного огня.
Теперь, конечно, времена другие,
Другие песни празднует народ.
Другую стала матушка Россия.
Но трудно знать, что будет наперед...*

ПИСЬМО АЛЕКСАНДРА УСКОВА

*Мне кажется: весь мир в одном
Простом, чуть склеенном конверте.
А горькой муки больше в нем,
Чем в ледяном дыханье смерти.*

Рюрик Ивнев.

В ОТВЕТ на книгу “Из записок счастливого человека” я получил много писем от моих школьных друзей. Одно с разрешения автора хочу привести практически без сокращений. Судьба семьи Усковых точно передает людские судьбы той эпохи. Здесь я — свидетель.

Дорогой Исаак!

Огромное тебе спасибо за книгу. Растревожила она мне душу. Нахлынули воспоминания так остро, так зримо.

Вологда — город, в котором прошло мое детство и юность — самая лучшая пора жизни. В то же время это место, где мне пришлось испытать неисчислимые страдания и горе утрат.

Вспоминается 1942 год, война. Старший брат заканчивает десятый класс. Я вынужден бросить шестой из-за болезни. Лежу дома. Рядом лежит мой отец и медленно умирает от голода. Нас пятеро детей и мама — учительница литературы бьется, как рыба об лед, и не может прокормить нас на свою учительскую зарплату.

Перечитываю место, где ты пишешь о своем отце. Да, и мой отец тоже был арестован, но раньше, в 1931 году. Его бросили в камеру уголовников и подвергали там ужасным унижениям: все из-за того, что он не хотел подписать компрометирующие заявления против известного вологодского врача Кадникова, жившего по соседству. Кадникова хотели осудить по 58 статье: кому-то, кровь из носа, нужно было вечера за преферансом в его доме выдать за контрреволюционные сходы...

Издевательства длились девять месяцев, но, ничего не добившись, отца выпустили. Повезло...

В феврале 1943 года отец умер. На кладбище в сарае в то время штабелем стояли незахороненные гробы: был трескучий мороз до 40 градусов и некому было копать могилы. Две недели мы не могли похоронить отца. В одной из комнат вынули раму и создали там холод...

Одноклассники брата под руководством могильщика вырыли могилу, но могильщику пришлось отдать наш дневной паек хлеба (нам — иждивенцам — по четыреста граммов, а маме — служащей — шестьсот). Учителя где-то достали две пачки махорки: их пришлось отдать за гроб. Положили гроб на дровни, и отправился он в свой последний путь...

Отец когда-то преподавал в реальном училище и рассказывал нам, что на большой перемене школьный сторож в знаменитую учительскую с ее подковообразным столом, где каждый учитель имел свое место, вносил большой самовар, а на стол ставились блюда с нарезанными булками, сливочное масло, сахар... А умер отец, фактически, от голода...

Потом я потерял с болезнью почти пять лет. От вас отстал, хотя был годом старше. Остальная семья войну пережила. Брат Володя после войны стал адвокатом и очень высоко ценил твоего отца. Старшая сестра стала заместителем генерального директора большого объединения молочной промышленности. Она не случайно выбрала эту специальность: наголодалась во время войны. Я закончил Ленинградский политехнический институт, отработал 35 лет. Младший — полковник в отставке.

Смотрю на обложку книги — Красный мост, а его-то уже и нет, как нет и нашего дома: одно пустое место. Сердце щемит. Всех, кого упоминаешь, помню и я. Особенно твою маму, которая приносила в наш класс патефон и учила слушать и понимать классическую музыку. Обаятельной и доброй она мне запомнилась.

Одним словом, ты разбередил душу...

Твой друг Александр Усков.

К такому письму ничего не добавишь, ничего не убавишь! Оно — документ времени.

АДВОКАТСКИЙ ВОПРОС

*Война бетховенским пером
Чудовищные ноты пишет.
Ее октав железный гром
Мертвец в гробу — и тот услышит!*
Д. Кедрин.

ДАВНО стало литературным штампом выражение “Книга жизни”. Но если пишется книга, то следует подумать и об иллюстрациях.

Тяжелые послевоенные годы рисуются в памяти в черно-белых тонах. Редкими яркими иллюстрациями в книге жизни моего поколения были встречи с интересными людьми и их судьбами, встречи, влиявшие на наше миропонимание. Расскажу о первых встречах с иностранцами. Это были немецкие пленные, появившиеся в Вологде в самом конце войны и сразу после Победы.

Многочисленные колонны пленных сначала провели под конвоем по улицам и площадям Москвы, затем посадили в эшелоны и развезли по лагерям. Первые колонны пленных шли по Вологде строем под командой своих офицеров. Шли аккуратно выбритые, подтянутые, в чем-то даже стремившиеся сохранить и продемонстрировать свое достоинство. Пели немецкие песни. У кого-то можно было видеть маленькую губную гармошку. Вокруг шагала многочисленная охрана в форме войск НКВД.

А потом началась повседневная тяжелая работа. Пленные разгружали баржи с лесом, вручную пилили на доски сырые бревна. Сначала строили жилье для себя, затем появились на всех вологодских стройках. Недолго они ходили строем. С Победой исчезла охрана: группы грязных и оборванных пленных на работу сопровождала бабушки из домоуправлений, расписывавшиеся за них в каких-то журналах, как за полученное имущество...

Жилось в ту пору всем тяжело и голодно. Помню, как на крышке стола студенческой аудитории прочел четверостишие:

Я на голод не в обиде,
Хоть не ел уже три дня:
Кто-нибудь на белом свете
Пообедал за меня.

Многие годы спустя в разговоре с поэтом-фронтовиком Сергеем Орловым я случайно узнал, что эти горько-шутливые строки написал он в бытность студентом Вологодского пединститута.

Понятно, что пленным жилось не слаще, чем победителям. Освоили они все мыслимые и немыслимые строительные профессии. Порой дело доходило до курьезов: пленные сами искали себе подработки. Однажды к директору нашей школы пришли два пожилых немца и предложили расписать стены актового зала. Поскольку школа не могла платить им деньги, сошлись на том, что выполняют они работу “за обеды и ужины, плюс по буханке хлеба в день каждому”. Долго их рисунки явно скромного любительского достоинства украшали зал.

В разгар лета 1946 года я взглянул на пленных другими глазами. Однажды в нашем доме собрались мои одноклассники и попросили маму поиграть для них на пианино. Зазвучали популярные в те годы мелодии — вальсы Штрауса, полонез Огинского, аккорды первого концерта Чайковского.

Жили мы на первом этаже, и в какой-то момент я почувствовал шорох за открытым окном. Оказалось, там стоял молодой паренек — пленный: он с робкой улыбкой слушал музыку. Мы пригласили его в дом и, упражняясь в своем скромном немецком языке, скоро поняли, что перед нами студент берлинской консерватории — пианист, лауреат каких-то конкурсов. Огрубевшие руки его были в глине и извести. Прежде чем сесть к инструменту, он долго и старательно мыл их, тер пемзой. Не менее долго он не мог поднять с колен свои руки к клавиатуре. А подняв, вдруг заплакал...

Потом он сбивчиво объяснял нам, что не нацист, что даже не воевал, так как всю войну имел бронь от призыва, а форму на него надели за месяц до падения Берлина.

Расчувствовавшаяся мать накормила парня, чем Бог послал. Через день он появился снова. Играл уже больше часа. Слушать его собрались все соседи. Так продолжалось некоторое время. Но однажды вместе с юношей пришли еще двое пленных. Рыжий верзила сидел и слушал молча, а уходя, не попрощался, как другие, а что-то недовольно буркнул сквозь зубы. На завтра “наш” немец извинился и сказал, что рыжий — нацист и был очень недоволен, что его привели в дом к евреям...

“Воистину, горбатого могила исправит!” — сказала мама, а мне наказала, чтобы немцы-пленные в наш дом больше не приходили. Ее тоже можно было понять: старшая сестра матери Нина, солистка Рижской оперы, со всей семьей погибла в концлагере Саласпилс.

Кстати сказать, к судьбе немецкого юноши-пианиста мама имела отношение и в дальнейшем. К ней обратился один из высоких вологодских военных чинов с просьбой подыскать педагога-пианиста для дочери. “Зачем далеко ходить? Есть среди пленных блестящий пианист, и лучшего педагога в Вологде трудно сыскать!” — сказала мама. С немецким педагогом девушка занималась около года и весьма продвинулась в мастерстве. Думается, что и для молодого музыканта такая работа была больше по душе, чем профессия каменщика и штукатура. Я иногда встречал его в городе чисто одетого. Завидев меня, он издали приветливо улыбался. Но так и не узнал “наш” немец, кто составил ему в столь трудный момент счастливую протекцию.

Образ немца-врага в сознании народа после войны размывался не сразу и не у всех. Помню, после войны на вологодском стадионе “Динамо” вместо дальней трибуны около пруда была танцплощадка. Танцевали там под духовой оркестр. Но летом 1946 (или 47 — точно не помню) там появилось нечто новое: заиграл оркестр, который по нынешним меркам мог бы называться, вероятно, симфоджазом, зазвучали новые модные танцевальные ритмы. Молодежь сразу перекечевала с других площадок на “Динамо”. Поговаривали, что среди пленных в конце войны оказался чуть ли не полный состав оркестра Берлинского радио, призванный в армию Гитлера по приказу о тотальной мобилизации накануне краха. И оказался тот оркестр в Вологде.

Но вскоре на площадку вернулись наши духовики. Нашлись люди, написавшие “куда следует” о том, что советской молодежи плясать под фашистские дудки негоже. Вот такая была музыка...

Конечно, были среди пленных и убежденные нацисты, вроде того рыжего, что заходил к нам с пианистом. Помнится, одному из моих друзей попал немецкий офицерский фонарик: его принес отец парня, работавший в охране лагеря. Когда батарейки иссякли, мы извлекли вместе с ними со дна фонарика маленький портрет Гитлера, аккуратно завернутый в тонкую бумагу. Вера в фюрера прочно сидела в иных головах, настолько прочно, что некоторые ее исповедуют и по сегодня, да и не только в Германии...

А портретик тот ребята расстреляли! Да-да! Именно — расстреляли! У одного из нас была малокалиберная винтовка. Всей мальчи-

шеской компанией пошли в пригородную рощу Кирики-Улиты и там стреляли в портрет с разных расстояний до тех пор, пока от него не остались одни ошметки.

Когда мы рассказали отцу об этом “расстреле”, он после короткого молчания спросил: “А могли бы вы стрелять так же, если бы перед вами был не портрет, а сам Гитлер?” “Конечно!” — хором воскликнули мы все. “Ну, а если бы перед вами оказался не портретик, а владелец фонарика, могли бы вы стрелять?” Мы не были готовы к такому вопросу, тем более, к ответу на него.

Отец задал вопрос и медленно вышел из комнаты, а мой самый близкий друг Мирком Шекун после долгого общего молчания с каким-то восхищением произнес: “Вот что значит быть адвокатом! Всего один вопрос!..”

Как жаль, что наше поколение над многими вопросами задумывалось позднее, чем следовало...

"НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ТОЛЬКО МЕРТВЫЕ"

Так назвал свою повесть о войне и плене вологодский учитель Владимир Дмитриевич Четверухин. Мне довелось прочесть рукопись. Убежден, что ее следует опубликовать. И дай Бог здоровья и сил автору для завершения работы. С его разрешения я воспользовался названием...

Я РАССКАЗАЛ о немецких пленниках в Вологде. Но в жизни мне пришлось столкнуться и с теми, кто прошел через немецкий плен. Не могу не рассказать о том, что я узнал из их воспоминаний.

Еще в студенческие годы я оказался в больничной палате с двумя бывшими военнопленными. Они были совершенно разными людьми: один — коренной москвич, кадровый командир Красной Армии, капитан-пограничник, второй — солдат, крестьянский паренек со смоленщины с четырехклассным образованием. Имена я со временем забыл, но их рассказы на всю жизнь врезались в память. Так и буду называть их: Капитан и Солдат.

Капитан был ранен в первых же кровопролитных боях на границе. Он командовал оперативным отрядом в погранзоне. Отряд состоял из кадровых пограничников и курсантов сержантской школы. Все были коммунистами и комсомольцами. О себе Капитан говорил скупой, а о самоотверженности бойцов группы рассказывал подробно. Уже на второй-третий день они поняли, что оказались в окружении. Пробивались к своим с большими потерями. В конце первой недели войны он был тяжело ранен: пуля пробила легкое. Истекающего кровью его спрятали в деревне крестьяне. Несколько месяцев он сидел в темном погребе, пока не почувствовал силы для дальнего пути. Несмотря на уговоры, решил уходить на Восток, к своим, но через пару недель попал в облаву.

Фамилию свою он изменил, личные документы, партбилет и секретные бумаги, оставленные группой, успел зарыть все в том же погребе. Сказался рядовым. Несколько раз из концлагерей пытался

бежать, но неудачно: то его ловили полицаи, то предавали трусливые хозяева на вынужденных ночлегах. Он говорил, что ни разу не попадался немцам. Полицаи били страшно, но не расстреливали: часто предлагали служить немцам вместе с ними. Все время Капитан удивлялся, откуда взялось столько предателей на Украине: “И куда глядело НКВД? Видно, совсем не тех забирали!” В одном из лагерей его опознали. Кто-то донес, что он командир и коммунист. Немедленно перевели в лагерь особого режима, а в итоге он оказался в Маутхаузене — страшном немецком концлагере на территории Австрии. Об ужасах этого лагеря написаны книги. Повторять все то, что я впервые узнал от Капитана, не буду. Скажу только, что он рассказывал нам об этом лагере в 1948 году, когда в советской печати воспоминания узников еще не печатались.

Был он в лагере “К”-заклученным 20-го блока смерти. Здесь содержались особо охраняемые советские офицеры, бежавшие из разных лагерей и вновь пойманные. Буква “К” к их имени означала немецкое слово “Kugel” — пуля: все заключенные с такой буквой должны были быть расстреляны выстрелом в затылок...

Около 500 заключенных этого блока в начале 1945 года устрешили побег, но в живых из них остались всего десять человек. Остальных фашисты уничтожили.

Рассказал он и о подпольной организации, о том, как зрело даже в этих невыносимых условиях сопротивление фашизму. Самым же страшным и невероятным показался рассказ о том, как за участие в этом сопротивлении группа командиров Красной Армии была выведена на плац: на морозе их поливали из шлангов холодной водой, пока живые люди не превратились в ледяные статуи. Во главе этой группы, по рассказу Капитана, был советский генерал, отказавшийся служить немцам. А весь лагерь стоял на плацу и должен был смотреть на эту страшную картину...

На следующее утро в бараках как бы случайно обнаружили еще два трупа: так пленные расправились с теми, кого заподозрили в предательстве... “Имена их я помню, но не скажу: пусть они пропадут во Времени...”, — хрипло выдал из себя Капитан.

Запомнилась мне и такая его мысль: “Зря чекисты после освобождения искали среди нас предателей. Век предателя и изменника Родины в таких лагерях, как Маутхаузен, был короток...”

Фамилию генерала он не знал, но клялся, что до своей смерти все равно узнает и будет искать его родных и семьи тех из двухсот заживо погребенных в лед командиров, кого он знал лично, чтобы рассказать людям историю их гибели. Он мечтал о том, чтобы геро-

ям и мученикам Маутхаузена был поставлен памятник. Капитан много раз повторял: "Больше всего все мы там боялись погибнуть так, чтобы на Родине ничего о нас не узнали. У умиравших была последняя просьба рассказать о них на Родине. Имена и адреса друзей заучивали наизусть". И еще, что мне запомнилось: Капитан говорил, что среди узников блока смерти многие в прошлом были учителями советских школ.

Из Маутхаузена после Победы почти без пересадок Капитан проследовал ...в Сибирь. Спасло его то, что одним из высоких лагерных начальников оказался едва ли не последний участник той самой группы пограничников, что оставила раненного командира в украинской хате. Написали родным, нашли закопанные документы, наконец, выпустили ...с правом прописки на 101 километре от Москвы.

Я так и не знаю, сумел ли выполнить свое обещание Капитан: после ранения и концлагерей он страдал тяжелым туберкулезом. Вряд ли такая жизнь могла быть долгой: его ночные рассказы прерывались приступами сухого кашля, тяжелой одышкой. Не знаю, почему Капитан выбрал меня в слушатели исповедальных рассказов... Может быть, предчувствовал свою судьбу. Однажды он сказал: "Вы — молодые: вам это нужно знать и помнить". Пусть он простит меня, что рассказываю я это поздно, за то, что не сохранил в памяти его имя.

Сколько же таких Капитанов было на Руси! Вспомнить хоть тех же толстовских капитанов Тушина на Бородинском Поле, Хлопкова из "Набега", Жилина и Костылина из "Кавказского пленника". А может быть вспомнить симоновских Капитанов из "Живых и мертвых", некрасовских — "В окопах Сталинграда"... Несть им числа...

Об истории генерала Карбышева стали говорить и писать у нас много позже. Я читал книги и очерки о подвиге генерала Карбышева, встречался с другими узниками этого лагеря смерти. Довелось мне побывать в Маутхаузене, увидеть памятник, о котором мечтал Капитан. Но я не встречал имена тех, кто вместе с Карбышевым принял мученическую смерть... Знает ли о них Родина? Именно там, в Маутхаузене я дал себе слово рассказать о всем услышанном еще в студенческие годы...

Совсем иначе сложилась судьба пленного Солдата. Он рассказывал о себе охотно и бесхитростно. Тщедушного, щуплого, всегда угодливо улыбающегося паренька сначала гоняли из лагеря в лагерь, пока он не попал под Винницу." Поставили нас копать длинную и глубокую канаву. И было нас видимо-невидимо сколько... А

я был все при лошади, как в нашем колхозе... Исправная моя работа приглянулась коменданту, и стал я его возить на бричке. Очень он хвалил меня за то, что люблю лошадей! Однажды, когда канава была уже почти готова, он взял меня и еще двоих пленных - повара да сапожника, и приказал перевезти груз в другой лагерь. Когда мы собрались возвращаться, он сказал, что нашего лагеря уже нет: все расстреляны до единого... Приказал помолиться за него, дал свой немецкий адрес и пообещал встретиться, если останемся живыми. А пока — сдал нас в другой лагерь. Немецкий офицер был в солидном возрасте, русский язык немного знал: работал в России раньше”.

Долго ли, коротко, но отправили Солдата в Германию, где он работал на шахте в кошмарных условиях. Однажды ему помогли написать по заученному немецкому адресу. Вскоре за ним приехали, увезли работать в поместье, приставили к лошадям. И опять он сытно ел, на мягком спал... Дошли до семьи слухи, что хозяин сам в последний год войны попал в русский плен. Сразу к русским пленным в хозяйстве стали относиться еще лучше.

Освободили его из плена американцы. А потом — возвращение на Родину в товарных вагонах и под той же охраной, под какой возвращался и Капитан. Та же Сибирь. А почему отпустили скоро, он так и не знал. То ли все тот же туберкулез, то ли что другое помогло (многоопытный Капитан тихонько шепнул мне: “Поди, завербовали и отпустили: такой любую бумагу у следователей подпишет... А ты слушай его, да помалкивай”).

Прошло много лет, и я прочел в журнальной статье о том, что под Винницей немцы оборудовали Восточную ставку Гитлера. Пленных, рывших траншеи для кабелей связи, после окончания работ всех до единого расстреливали ради сохранения секретности...

Много сделал для безымянного Солдатика безымянный Немец: спас от верной смерти,... но для чего? Чтобы сделать рабом? Моего родственника Анатолия Сергеева-Израилева после первой неудачной попытки побега из плена спас такой же пожилой немецкий офицер. Но этот тоже по-русски сказал иначе: “Ему нужно вернуться домой живым! Его там мать и девушки ждут!” А потом, обращаясь к разъяренному эсэсовцу-охраннику, уже передернувшему затвор винтовки, по-немецки произнес четко и ясно: “А тебя разве дома не ждут?”. Разными были и немцы...

Дома ждали всех... Только путь домой для моего родича лежал через три года партизанской войны в Литве и Белоруссии. В том же бою, где попал в плен Анатолий Сергеев-Израилев, в плен

угодил и его школьный друг Владимир Дмитриевич Четверухин. О молодости, прошедшей через фронт, плен и проверочные лагеря, он написал повесть. Можно обсуждать степень готовности рукописи к изданию. Вероятно, требуется еще определенное литературное редактирование. Но главное, что удалось автору, это галерея портретов тех людей, с кем он встречался на трудных дорогах.

Здесь — и пленные, и угнанные на каторгу, и немецкие охранники, и те немцы, с которыми приходилось встречаться... Нет только ни одного из тех, кто отправлял в наши лагеря, кто охранял там... Читаешь рукопись и еще раз видишь, какими разными могут быть люди, тем более в таких страшных условиях как война и лагеря.

Я спросил Владимира Дмитриевича: "Где было хуже?". Он ответил: "Трудно было везде, а у нас было еще и обидно...".

Находятся люди, которые не верят в правдивость рассказов тех, кто прошел через все круги ада фашистского плена. Но как не поверить такому? В Железноводской водолечебнице я познакомился с киевлянином, лечившим травмированный позвоночник. Однажды он рассказал, что попал в плен, за побег был отправлен в Маутхаузен. В новогоднюю ночь в их барак ворвались пьяные эсэсовцы, приказали всем лечь на пол лицом вниз и на спинах лежащих устроили пляски, отбивая чечетку кованными каблуками сапог... Через двадцать пять лет в музее Маутхаузена я увидел фотографию, сделанную немцами в ту самую ночь. Назвал ее фотограф "Пляска смерти". Придумать такое невозможно!

Расскажу еще об одном учителе математики Первой школы и весьма типичной для тех времен истории, приключившейся с ним. История эта оставила в памяти малоприятные воспоминания. Был я в то время секретарем первичной парторганизации школы.

Примерно раз в месяц к нам приходил "куратор ОТТУДА" — так его называла директор школы (читай — из КГБ). Иногда на встречи приглашали и меня. Совсем неназойливо задавался один и тот же вопрос: "Все ли у вас в порядке? Нет ли вопросов к нашему ведомству?". Однажды я, может быть, по наивности задал вопрос: "А что вообще может случиться в нашей школе такого, что было бы интересно для вас?". Тон разговора сразу сменился: "В вашем коллективе два учителя раньше привлекались к ответственности по политическим статьям, четверо прошли через плен, один был судим военным трибуналом, один вообще, родом из-за границы. Вам этого мало?". Нам этого было достаточно, потому и директор школы, и я на все расспросы ограничивались характеристиками в превосходных степенях, о ком бы нас ни спрашивали... В ответ мы всегда видели скептическую улыбку.

Но однажды меня вызвали в директорский кабинет прямо с урока. Там сидели двое. Я понял, что предстоит серьезный разговор. Гости ОТТУДА попросили пригласить в кабинет учителя математики, бывшего фронтовика с кучей орденов и медалей, служившего в контрразведке.

Войдя в кабинет, он, очевидно, понял, кто его приглашает, сел к столу и тихо спросил: "Чем могу?". Столь же спокойно ему предложили вспомнить, не был ли он в плену у немцев. Учитель беззвучно заплакал, плечи его затряслись, кисти рук судорожно сжимали локти... Смотреть было страшно!

Старший из гостей сухо сказал: "Идите домой и подробнейшим образом опишите, как все это было. Завтра явитесь к нам".

Оказалось, что наш учитель в 1941 году после училища попал на фронт, кажется, в печально знаменитую вторую ударную армию генерала Власова. Из окружения, где эта армия погибла, выбираться приказали малыми группами. Тогда-то он и попал в плен. Но документы он сохранил, спрятал в сапог, а через пару дней бежал со скотного двора, где держали пленных. Немцы еще не успели составить списки, а потому, вероятно, и не спохватились. Через несколько дней удалось выйти к своим. Окруженец был направлен на проверку в СМЕРШ (Смерть шпионам так называлась эта служба).

Ему повезло: командовал этим подразделением вологжанин, сосед по улице, с кем он вместе бегал в школу. Тот вспомнил: "А ты ведь хорошо успевал по немецкому языку. Оставайся у нас." Короткие курсы военных переводчиков, а далее безупречная служба до самого Дня Победы. Были и рейды по немецким тылам, и ранения, и награды.

Потом вернулся домой, вырастил хороших сыновей, был добрым человеком, хорошим учителем. А о том, что два дня был в плену, он молчал всю жизнь, зная, чего это могло стоить.

С большим трудом коллективу школы удалось отстоять своего коллегу. Особенно билась директор школы, чтобы отменили тут же последовавший приказ об увольнении учителя "за неискренность". Этот эпизод, едва не поломавший судьбу бывалого солдата, очень характерен для своего времени, хотя со смерти Сталина прошло к тому времени уже много лет.

И еще одна мысль. Мне довелось встречаться с немцами, побывавшими в русском плену. Почти каждый из них говорил о том, что не держит зла на наш народ и нашу страну. "Ведь нас туда не звали...", — говорят они. Это понимание приближает их к идее покаяния и примирения народов.

С другой стороны, все мы сегодня являемся свидетелями жесткой позиции многих российских ветеранов Второй мировой войны по поводу установки памятников немцам, погибшим в Сталинграде. В российских ветеранах никогда не ослабнет чувство гордости за победы в справедливой войне и скорбь по неизмеримым потерям, понесенным народом. Но к примирению народов пути искать все равно придется. Начало этого пути, вероятно, показал нам Петр Великий, пригласивший на победный пир всех плененных под Полтавой шведских генералов. Путь примирения лежит через уважение к могилам павших, и своих, и чужих.

По всей Европе я видел ухоженные могилы российских солдат. Одна потрясла меня особо. В Братиславе на горе Славин стоит памятник четырем тысячам российских солдат, погибших в апреле 1945 года, всего за месяц до окончания войны. Четыре братских могилы по тысяче... Отдельные плиты — генералам и Героям Советского Союза. И одна плита — старшему лейтенанту медицинской службы Марии Илларионовне ДОБЛЕСТНОЙ. Мимо этой плиты не проходит никто! Есть у каждого народа имена-символы. Есть могилы — символы. Здесь — они слились воедино... Мне думается, если мы когда-либо поставим памятники убитым в войне немецким солдатам, это заставит и нас самих, и весь мир еще более уважительно относиться к памяти погибших россиян, к памяти не возвратившихся мертвых.

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

ХОТЯ моя мама и была учительницей, я об учительстве не помышлял. Перед окончанием школы весной 1947 года меня пригласила в свой кабинет Александра Ивановна Мухина и неожиданно то ли спросила, то ли предложила: “А может быть, тебе стоит поступать в Вологодский пединститут?”

До сих пор не понимаю, что такого педагогического она во мне разглядела! Был я не блестящим учеником, хотя вроде бы претендовал на медаль. И поведением не отличался примерным, хотя озорником и проказником не слыл. И у ребят не пользовался особым авторитетом лидера, хотя имел много хороших друзей.

Сама мысль о “педе” меня даже испугала. Я совершенно искренне ответил: “Не пойду! Мало что ли Вы со мной повозились? А теперь хотите, чтобы и я с другими так мучался? Я же не смогу так, как вы!..”

Столь же неожиданно, мне даже показалось, обиженно, Александра Ивановна прервала разговор, занявшись бумагами. Я извинился, попрощался и направился к двери. Вдогонку, не поднимая головы, она сказала: “Подумай!”

Через много лет, когда Александра Ивановна уходила на пенсию, она, вероятно, вспомнила тот разговор. Прощаясь с коллективом, на последнем педсовете она сказала: “Я счастлива тем, что многим из вас помогла стать хорошими **У**чителями, а кого-то привела на этот путь”. И посмотрела на меня с едва заметной улыбкой. К этому времени я уже утвердился в роли учителя.

Так что же было между этими двумя разговорами?

МИТХТ

Студент бывает весел

От сессии до сессии,

А сессии всего два раза в год..

Из студенческого фольклора.

Еще в школе я мечтал поступить в Ленинградскую военно-морскую медицинскую академию. С одной стороны, профессия военного медика после войны была весьма престижна и мне знакома, а с другой стороны, очень нравилась красивая курсантская форма.

Я успешно прошел все комиссии, сдал экзамены и “погорел” на повторном медицинском осмотре. Старик-полковник терапевт слушал меня не через обычную медицинскую трубку, а ухом через вчетверо сложенный платочек. При этом он заставлял повторять шепотом “шестьдесят шесть чашек чая”. Был он таким маленьким, а я таким длинным, что ему пришлось усадить меня верхом на стул. Потом он стал выстукивать мои бока: как дятел он стучал пухленьким средним пальцем правой руки по двум сложенным пальцам левой, скользившим вдоль тела. А казалось, что каждый такой удар через мои ребра проникает куда-то глубоко внутрь...

Осмотр длился непривычно долго. Наконец, сев к столу, полковник, глядя мне в глаза, как бы очень доверительно, почти шепотом спросил, сколько раз я болел воспалением легких. На этот раз я соврать не смог: это бывало не однажды.

Вот тут полковник “вскипел”: совсем не печатными словами он начал крестить рентгенологов, написавших “легкие — без видимых изменений”. Затем он опять поменял тон разговора, как-то по-отечески, но на “вы”, мягко сказал: “Мне совсем не нравятся ваши легкие, особенно левая верхушка. Поезжайте домой и скажите вашим родителям, чтобы они вас лучше кормили. И постарайтесь в жизни не простужаться!”

Заплакал я от обиды: так хотелось надеть курсантские погоны!

Недолго погоревав дома, я поехал сдавать экзамены на химфак МГУ: недаром же я слыл в школе заядлым химиком! Но и эта попытка не увенчалась успехом: я набрал лишь “скользящий балл”, с которым иногородним прописку в Москве не давали. И тогда по совету знакомых я отнес документы в институт тонкой химической технологии — МИТХТ имени М. В. Ломоносова. Там же я встретил многих из тех, с кем сдавал экзамены в МГУ, тех, кто, как и я, оказался за бортом конкурса. Меня зачислили в одну группу с Карлом Минскером, Ильей Моисеевым, Юрой Буслаевым, Валею Сморгонской. Многим, кто знаком с современной химической наукой России, вероятно, известны эти имена... Только год мне было суждено поучиться с ними, но этот год дал мне очень многое!

В нашей Первой мужской, прекрасной, но в чем-то немножко провинциальной школе, среди мальчишек ценились в первую очередь знания и физическая сила. А в Москве среди однокурсников я впервые почувствовал в полной мере тягу и уважение к общей культуре, некоторую критичность в оценке событий окружающего мира, тех событий, которые я привык принимать как данность...

На первый же студенческий вечер я пришел в рубашке, из-под

ворота которой слегка виднелась матросская тельняшка — память о несостоявшейся мечте. И тут же получил тихое замечание: “К чему этот стиль?”.

От однокурсников я впервые узнал, что такое ГосЕТ — Государственный еврейский театр. Впервые и в последний раз увидел на сцене великого артиста Соломона Михоэлса, а вскоре попал на его похороны. Немногие могут похвастаться тем, что видели молодую Сиди Таль в спектакле “Ди соним аф цулохес” — “Врагам на зло”. В черном гриме она играла негритенка, которого травят белые люди за цвет его кожи. Аналогии лежали на поверхности. Люди плакали... Спектакль запретили...

Меня поразило лицо сидевшего недалеко мужчины, поразило печатью скорби. В антракте мне сказали, что это Перец Маркиш — знаменитый еврейский поэт, а назавтра принесли почитать его сборник. А потом не стало и Переца Маркиша...

Открытиями для меня были и Большой Театр, и Третьяковка, и оперетта с молодым Георгом Отсом. А с каким трудом мы пробирались на концерты Утесова и Цфасмана! Соблазнов было столько, что времени для занятий явно недоставало. А я еще увлекся баскетболом: опять меня за собой позвали москвичи.

Как результат, первую сессию я сдал весьма посредственно, несмотря на то, что преподавали нам блестящие педагоги и ученые.

Лекции по неорганической химии читал академик Лебединский, громогласно обещающий с кафедры “каленным железом выжечь из нас все, что мы вынесли из школы”. Но студенты сразу поняли, что строже всего он спрашивает за ошибки из школьной химии.

Физику читал профессор Антоний Болеславович Млодзеевский — человек и вовсе легендарный: кроме того, что он заведовал кафедрой молекулярной физики в МГУ, он еще дирижировал в симфоническом оркестре дома ученых, устраивал выставки своих картин и был редактором всемирно известной “Занимательной физики” Я. И. Перельмана.

Первый час лекции, как правило, Антоний Болеславович очень популярен на опытах, а иногда на пальцах объяснял физический смысл явлений, а на втором часе все то же оформлял на доске в виде строгих математических выкладок. Начиная в верхнем левом углу, он заканчивал записи со звонком в правом нижнем углу доски. Ни сантиметра пустого места, ни минуты задержки. В этом был еще один его педагогический фокус. А фокусы и головоломные задачи он очень любил.

Случилось так, что я вошел в конфликт с ассистентом, который

вел физический практикум. В итоге он восемь раз выгонял меня с первого полузачета и, наконец, подал в деканат докладную о моем отчислении. Раз в семестр консультацию по физике проводил сам профессор. Антоний Болеславович предлагал занимательные задачи и вместе со студентами их анализировал. И тут мне пришла идея, как можно упростить решение задачи. Выслушав меня, профессор искренне обрадовался, похвалил и потребовал “матрикул” — так по-старинке он называл зачетку. Когда он выставил мне за семестр отличную оценку, в аудитории возник шумок. “Чем я вас обрадовал, господа студенты?” — спросил профессор. Староста курса сказал, что этой оценкой он спас меня от исключения из института. Узнав о конфликте с нашим ассистентом, Антоний Болеславович коротко бросил: “...Можно пренебречь...”. Узнав, что я из Вологды, он и вовсе проникся ко мне симпатией: одна из первых его книг по молекулярной физике, как оказалось, когда-то печаталась в нашем городе.

Высшую математику читала тоже легендарный педагог Ольга Николаевна Цубербиллер, по задачнику которой училось студенчество всей России. Маленькая, щупленькая старушка с неожиданно мощным басом перихонской трубы совершенно блестяще объясняла самые сложные разделы курса, а на экзаменах была великим либералом. И тем не менее математику я сдал плохо: эта наука требует систематических занятий, а системы-то мне и не хватало.

Доцент Ханютин в курсе “Начертательная геометрия” часто приводил собственные методы построений. На экзамене мне досталась задача: “...по методу Ханютина”. Я же знал только то, что было в стандартном учебнике. Он поставил “пять” и тут же объяснил все отличия своего подхода. Будто извиняясь, он сказал: “Я ведь все это изобретаю не просто для удовольствия, а для того, чтобы было проще понять, а затем использовать. Не правда ли, так — проще? А вы — молодец, справились с тем, что труднее”. От такой похвалы я густо покраснел: стало стыдно, что прогуливал его лекции.

Самобытные и яркие типажы ученых-педагогов МИТХТ остались в памяти всех студентов и потом не раз служили нам некими эталонами сравнения.

По общежитию тех лет мне тоже запомнились многие ребята, но особенно — одессит Саша. В войну он потерял отца на фронте и мать в далеком казахстанском селе, куда их забросила эвакуация. Оставшись один, он зарабатывал себе на пропитание тем, что преподавал в начальной казахской школе русский язык и математику. Экзамены на аттестат зрелости он сдавал экстерном. В Москву соби-

рали его всем кишлаком... И были у него одни сто раз штопанные брюки, ботинки практически без подметок, на зато с калошами. И было у него две страсти: решать самые головоломные задачи и “травить” одесские байки. Его любили все и старались помогать в быту, где он был по младенчески беспомощен.

Совершенно неожиданно выяснилось, что Саша является единственным законным наследником большого дома в дачном пригороде Одессы. Всем миром собрали его за наследством. Вернулся он “как денди лондонский одет”: в бостоновом модном костюме, в кожаном пальто и лакированных туфлях. Карманные часы, тросточка и шляпа-котелок делали его вылитым Чарли Чаплиным!

Одесские маклеры здорово надули парня, отделившись приобретением такого почти опереточного наряда и весьма скромной суммой денег, получив взамен дарственную бумагу на владение домом. А Саша искренне (или шутя?) рассказывал, как ловко он надул маклеров: “Ну, когда бы я мог купить себе такой стильный наряд, на который заглядываются все девушки, перед которым расшаркиваются официанты и от которого шарахаются лошади на одесском Привозе. Бы бы эту картинку видели!” Он умел оставаться одесситом во всех ситуациях...

Через много лет мы встретились снова. Саша был уже крупным ученым, автором серьезных открытий, имел больше ста авторских свидетельств. И мы оба с удовольствием вспоминали Чарли Чаплина...

Запомнился мне по институту еще один студент. По годам он был старше нас, прошел службу в армии. По внешнему виду и фамилии типичный еврей, а вот по характеру... В первые же месяцы учебы он выдвинулся в актив, стал членом комитета комсомола. Наконец, выбрав в качестве объекта воспитания меня и еще одного парня из другой группы, он буквально третировал нас своей комсомольской ортодоксальностью.

И появилось у меня мальчишеское желание, как теперь говорят, устроить с ним “разборку”. Неожиданно на студенческом вечере ко мне подошел известный в институте забяка, чемпион по боксу однокурсник Вася и сказал: “Как ты терпишь этого жидовского антисемита? Пойдем, поговорим с ним!”

От одного эпитета “жидовский” я будто очнулся: мне больше не хотелось бить притеснителя, а добрый друг Вася оказался сразу как бы по другую сторону немедленно возникшей психологической баррикады... Слово “жид” для людей моего поколения всегда вызывало внутренний протест.

Еще одно воспоминание из того времени для меня остается страшным на всю жизнь. Я мало кому рассказывал о нем, но теперь хочу, чтобы о нем узнали и внуки.

Ближе к весне первокурсников, живших в шестнадцатиместном бывшем читальном зале, стали расселять по комнатам общежития. Мои соседуями оказались старшекурсники. У одного из них, в прошлом армейского старшины, в Москве были приятельницы и он часто не ночевал в общежитии.

Буквально на первой же неделе после переселения меня пригласили на день рождения к моей землячке в “Стромынград” — студенческое общежитие МГУ на Стромынке. Купив на последние гроши скромные цветы, я отправился в гости. Был я там самым младшим. Затянувшаяся студенческая пирушка со стихами и гитарой мне очень понравилась. Когда я спохватился, уходить было поздно: метро закрылось, добираться от Стромынки до нашего Дорогомиловского студгородка было не на чем. Меня уложили спать на матрасе, но... под кроватью: в те времена ночами часто устраивались проверки, напоминавшие облавы военных лет.

Утром мы все, естественно, проспали. Вторую половину дня я отработывал пропущенные лабораторки в институте. Вечером вернулся на Стромынку за “арестованным” на проходной студбилетом. Потом вечеринка продолжилась в более тесном кругу и я снова заночевал там. Наконец, третью ночь я ночевал у тетушки, куда решил поехать, чтобы “подхарчиться” и одолжить денег до стипендии.

Когда же я появился в общежитии, то сразу понял: в комнате что-то произошло... Оказалось, что у одного из соседей пропали деньги и немалые. Мне сразу стало страшно: я понял, что подозревают в воровстве меня. Трехсуточный “загул”, деньги в кармане в самый канун стипендии хоть и косвенно, но оборачивались против меня. Назавтра предстояли разбирательства в институте и в милиции...

Ночью я чуть не повесился, но не разум спас меня от такого страшного шага, а страх, что моей записке о невинности могут не поверить.

Утром я раньше всех поехал в институт. Весь день искал выход из положения. Продал свои часы и любимую модную в те годы зажигалку, пытался безуспешно занять у кого-то деньги, решив тем самым замять скандал. Вечером я боялся вернуться в общежитие, шел два часа пешком от института, чтобы хоть как-то оттянуть минуты новых разбирательств. Пришел почти к полуночи. Сел на край койки, ожидая новых расспросов...

Но мне налили чай и начали странный разговор, в котором я уже не почувствовал нотки обвинений. И тут я разрыдался в голос, заплакал от бессилия доказать свою невиновность. Меня обнял за плечи самый тихий и немногословный в нашей комнате Юзик Кричевский и сказал, что деньги нашлись. Он еще накануне поверил мне... Не буду рассказывать, как обнаружили эти деньги зашитыми в матрац нашего старшины. Деньги оказались те самые, что пропали: хозяин получил на почте новые купюры из пачки и часть оставил в своем кошельке. С найденными совпали даже номера купюр.

А ведь больше всех заставлял меня сознаться в воровстве именно этот старшина. Воистину, вор первый кричит “Держите вора!” Не стану описывать и конец истории: он не так важен. Важно то, что я на всю жизнь усвоил смысл старой истины: “Вор грешит один раз, когда крадет, а пострадавший — столько раз, сколько подозревает других”.

Самому лютому врагу не пожелаю такой страшной ночи в туалете студенческого общежития с веревкой в руках...

Вскоре я заболел и по совету врачей оформил академический отпуск. Хроническое воспаление легких затянулось надолго. В МИТХТ вернуться мне было не суждено.

А с профессором Юзефом Исеровичем Кричевским мы встретились лет через двадцать пять на научной конференции в Уфе. Я узнал его сразу, а он — с трудом, только когда я назвал свою фамилию. Мы вспомнили соседей по общежитию, а о той истории промолчали: мне хотелось поблагодарить его, но в какой-то момент показалось, что он умышленно уходит от тяжелого для обоих воспоминания.

Приходилось мне встречать и других однокурсников по МИТХТ. Большинство из них состоялись как инженеры и ученые. Мы вспоминали гимн МИТХТ, родившийся на мотив знаменитой студенческой “Крамбамбули”:

*На Пироговской Малой улице —
Всей тонкой химии редут.
Светило химии советской
Стоит наш славный институт!*

Был в этом гимне и такой куплет:

*Спортсмены наши — чемпионы.
Отдали приз — другой возьмут:
Ведь нас калошами снабжает
Рукою щедрой институт.*

ВГПИ

*Уйдут от нас учителя,
И станем мы учителями
И то, на чем стоит Земля,
Вдруг станет нашими плечами.*

Виктор Коркия.

Весной 1948 года я заболел, оформил академический отпуск и вернулся домой. Болтаться без дела было скучно, и я стал посещать лекции в Вологодском педагогическом институте, где училось много моих друзей. Постепенно я так втянулся, что возвращаться в Москву не захотел. Перевод в Вологду мне оформили задним числом.

Поначалу привлекали меня в пединституте химические лекции ученицы академика Зелинского Софии Соломоновны Норкиной, только что вернувшейся из ссылки, увлекли не только содержанием, но и блестящей формой, железной логикой и глубокой культурой. София Соломоновна так умела построить личные отношения со студентами, что любой из нас не мог себе позволить обидеть ее плохим ответом.

Ассистент Нина Александровна Пахарева как бы жила идеей научить всех студентов неорганической химии. Для этого она не жалела ни сил, ни времени. Помню даже, как мы сдавали зачет в ночь под Новый год, когда в институтском зале уже гремела музыка. После занятий Нина Александровна мастерски играла вместе с нами в волейбол. Уважали ее студенты глубоко и искренне. Вероятно, в институте не было другого такого работника, у которого бы в трудовой книжке было записано столько поощрений.

Анатомия в изложении профессора Николая Александровича Чулкова казалась нам едва ли не главным предметом. Был он несколько сух и немногословен в общении, предельно требователен и справедлив в оценках. Любил работать с мужчинами, а потому мои одноклассники пошли в его кружок, а потом и в аспирантуру...

Ассистентом у профессора Чулкова был удивительно скромный и обязательный военфельдшер с орденами и медалями, выпускник той же кафедры Корнилий Дмитриевич Медведев.

Его доброжелательность к студентам, готовность помогать каждому, несколько смягчали жесткость профессора. Таким Корнилий Дмитриевич оставался все сорок лет своей работы в институте.

Зоологию читал доцент Михаил Игнатьевич Зехнов. Его рассказы о животном мире были интересны, но в моей памяти осталась только описательная часть курса. Теоретические проблемы мы стали

лучше понимать тогда, когда на кафедре появился профессор Павел Викторович Терентьев. Его, доктора биологических и кандидата физико-математических наук, проректора Ленинградского университета, сослали в Вологду, обвинив в низкопоклонстве перед заграницей за то, что книга Павла Викторовича “Лягушка” впервые была издана в Канаде, а не у нас, где многие годы рукопись валялась без движения по издательствам. Вологда и в те годы для многих оставалась “подмосковной Сибирью”.

Чета Авдошенко начинала свою педагогическую карьеру в Вологодском пединституте на нашем курсе. Наталия Дмитриевна вела занятия по исторической геологии. В моей памяти — пора, когда эта милая молодая женщина только разрабатывала свои учебные курсы. Казалось, что она немного стесняется своих студентов, а потому даже улыбается реже, чем ей самой хотелось бы...

Хотя динамическая геология с ее минералогической частью мне, химику, была больше по душе, но и историческая — с ископаемыми чудовищами — в изложении Наталии Дмитриевны не могла оставить нас равнодушными. Только вот я никак не мог запомнить, что следовало за чем: то ли палеозой за археозоем, то ли мезозой... Зато хорошо запомнил: триас, юра, мел — но только после того, как на практическом занятии Наталия Дмитриевна даже обиделась: “Ну, неужели это так трудно?”

Видит Бог, на экзамене первый вопрос я знал прилично, а ответ на второй привел в уныние не только меня, но и Наталию Дмитриевну: я все ответил правильно, но очень коротко, поскольку пересказал экзаменационную программу, добавив к каждой ее строчке по паре слов. Наталия Дмитриевна проявила максимум доброжелательности, попытавшись задать какие-то дополнительные вопросы. Но я и тут не смог блеснуть знаниями... Тогда-то и была произнесена фраза, запомнившаяся на всю жизнь: “Ну, хватит! Еще один вопрос, и я не смогу поставить Вам даже четверку!”

Мы до сих пор очень дружны с прекрасным человеком Наталией Дмитриевной. Когда вспоминаем старые годы, тот экзамен, оба смеемся, но я почему-то еще немного и краснею...

Так уж случилось, что больше привлекали меня на первых курсах химия и биология, а к ботанике я относился прохладно. Когда же мы поехали на полевую практику в Молочное, нашим руководителем оказался новый преподаватель кафедры Алексей Кондратьевич Авдошенко. Демократичность характера этого человека мы оценили с первого же дня. После первой недели поняли, насколько он эрудирован в ботанике: в комнате общежития он рассказывал нам

столько интересного о растениях, о своих наблюдениях в природе, что мы сидели “развесив уши”.

После долгих вечерних “посиделок” чертовски хотелось утром поспать. А вставать нужно было рано... Без десяти восемь к нам в комнату стучался Алексей Кондратьевич: “Молодые люди! До занятий осталось десять минут. Чайник вскипел. Заварка — на столе”. Мы не могли не оценить такую отцовскую заботу о нас!

А тут еще подвернулся день рождения одного из нас. И пошли мы в Молочненское кафе, располагавшееся на верхнем этаже старой церкви. Взяли на троих бутылку вина, а когда она подошла к концу, в дверях кафе появился Алексей Кондратьевич. Смущение наше было понятным... Он осведомился: “По какому поводу праздник?”. Сказали. Алексей Кондратьевич отошел, а потом вернулся еще с одной бутылкой, чтобы поздравить новорожденного...

Послал однажды меня Алексей Кондратьевич нарезать веник для уборки комнаты. Я нарезал веток, сложил, перевязал шнурком, принес, но очень смутился от одного взгляда, который бросил Алексей Кондратьевич на “творение рук моих”.

Не сказав ни слова, он вышел из аудитории и скоро вернулся с таким веником, что можно было его выставлять как произведение искусства. И мне захотелось научиться... Веник этот оказался чем-то большим, чем просто веник... Нужно быть хорошим педагогом, чтобы ученикам захотелось подражать тебе. Это я понял позднее и выписал в свою “Педагогическую тетрадь” слова из книги Тадеуша Катарбинского: “Нет обучения без подражания!”

Много лет мы принимали с Алексеем Кондратьевичем государственные экзамены. После каждого из них он подводил “средний балл”, называя его “коэффициентом мизантропии”. Очень характерно, что для него этот средний балл не был “коэффициентом либерализма”...

Удивительным было и то, что о трудных дорогах войны Алексей Кондратьевич вспоминал вслух не очень часто. Даже в старости он больше любил жить настоящим, а не воспоминаниями о прошлом.

Большим авторитетом среди студентов пользовался Роман Валентинович Бобровский — молодой аспирант кафедры ботаники.

С последнего курса Вологодского пединститута его отправили в сельскую школу замещать учителя, ушедшего на финскую войну. Едва он успел сдать госэкзамены, как началась Отечественная война. Он прошел ее до конца и закончил командиром саперного батальона. После демобилизации был секретарем Череповецкого рай-

кома партии. Но кто-то дознался, что его то ли отец, то ли отчим был священнослужителем. Такой “грех” считался великим, и он оказался бедным аспирантом, хотя и здесь о порочащем родстве не забывали...

Работал Роман Валентинович с увлечением, изучал влияние Рыбинского водохранилища на местные леса. А мы ему старались помогать, как могли.

Нас связывает с Романом Валентиновичем давняя дружба и почти три десятилетия совместной работы. И всегда его отличали удивительная работоспособность, тщательность, с какой он брался за любое дело, и высокая человеческая порядочность.

И вообще мы оказались с ним “дважды однокашниками”: он окончил нашу же школу еще в 30-х годах и очень тепло отзывался о ее педагогическом коллективе тех лет.

В недавнем письме ко мне он горько вспоминает о том, что многих из учителей перемолол молох репрессий тридцатых годов...

Серьезно в институте было поставлено изучение общественно-политических дисциплин. Историю ВКП(б) преподавала нам дама, редко вынимавшая изо рта “беломорину”. Была она типичным партработником своего времени. Лекции читала четко, не оставляя и тени сомнения в своей правоте. Вопросы ставила отточенные, ответов требовала конкретных и “...никакой отсебятины!” Я благодарен ей за то, что она научила нас конспектировать книги.

Уж не помню, за какие грехи меня на втором курсе сделали редактором институтской стенгазеты. А в партбюро этим сектором руководила та самая дама с “беломориной”.

К очередной Октябрьской годовщине я решил взять интервью у старого вологодского большевика Евгения Максимовича Шекуна. Был он в революцию рабочим ВПВРЗ, был членом Губкома большевиков, но потом запил горькую и ко времени интервью трясущимися руками с помощью жены перетягивал дома старые пружинные матрасы.

Мне удалось застать его в редкие минуты трезвости, и он рассказал о днях революции в Вологде многое такое, о чем мы вовсе не слышали. В конце беседы он горько заметил: “Зачем записываешь? Все равно не опубликуют... Кому это нужно? Моих товарищей нет в живых, кто-то теперь на Колыме, а я за свою судьбу заплатил водкой!” Я не понял тогда двусмысленности его самооценки, в пылу юношеской запальчивости заверил, что непременно опубликую все, о чем услышал.

Когда газета вышла, я получил в партбюро такую взбучку, ка-

кую теперь и представить трудно. Наша “партийная кураторша” чуть не кричала на меня: “Где вы отыскиали это ископаемое? А вы уверены, что среди упомянутых им лиц нет меньшевиков? А где гарантия, что и сам он не участвовал в оппозициях? Ведь среди этих старых большевиков половина оказалась врагами народа! Вы упомянули вологодских эсеров, а знаете ли вы, что все архивы партий эсеров находятся в спецхране?”.

А я тогда даже и не знал, что такое “спецхран”. Статью приказали вырезать. Таким был первый урок политической цензуры. Но он имел для меня и другое значение: кажется, именно тогда я и заинтересовался вологодским краеведением, стал собирать в памяти то, что по условиям времени нельзя было опубликовать.

На третьем курсе вместе с группой студентов-активистов меня приняли кандидатом в члены партии. Дали испытательное поручение — вести занятия кружка по истории партии на швейной фабрике. В кружке этом числилось полтора десятка смазливых швей-мотористок почти такого же возраста, как и я. На меня они смотрели на первом занятии, как на чудака...

На одном из следующих занятий при всей серьезности политической учебы тех времен пригласили на танцы, а потом и на день рождения одной из моих слушательниц. Ушел я из общежития с большим трудом..., но взаимопонимание было достигнуто.

Почти каждое занятие контролировалось всякого рода посетителями. После короткого визита следовало: “Продолжайте в том же духе”. Но на одно из занятий пришел журналист из центральной газеты и стал свидетелем такого эпизода. Рассказывая о стачке иваново-вознесенских ткачей, одна из девушек сказала, что ею руководил передовой рабочий-стахановец Петр Моисеенко. Сработал стереотип мышления: для девчонки само слово “передовой рабочий” ассоциировалось со словом “стахановец”, и было ей невдомек, что появились стахановцы в середине тридцатых годов, а стачка была еще в революцию пятого года... Я корректно поправил ошибку, сказав, что все члены нашего кружка — передовики-стахановцы, и это высокое звание они с удовольствием мысленно делят с пламенным революционером давних лет. (Впрочем, я уже и не очень помню ту пышно-словоблудную тираду). Вскоре в высокой партийной газете появилась статья, где в качестве примера педагогического мастерства молодого пропагандиста приводится именно этот случай.

В партийном бюро меня поздравляли “на полном серьезе”, а в комитете комсомола — “качали воду”... Когда же я шутя рассказал отцу о таких различных реакциях, он, по своему обычаю, задал

только один вопрос: “А ты не задумывался о причинах столь разного восприятия одного и того же факта?” Пришлось задуматься.

Должен признаться: “умных преподавателей слушал я невнимательно”, особенно — преподавателей педагогики и психологии: то ли они меня не увлекли, то ли я еще не осознал важность их предметов. Почувствовал я этот пробел на педагогической практике.

В последний год учебы в институте на кафедре педагогики и психологии появились новые молодые и очень интересные преподаватели Игорь Кон, Артур Петровский и Борис Лихачев. На их занятия потянулись студенты, раньше просто игнорировавшие педагогику. А там обсуждалось совсем не то, что мы слышали раньше на лекциях. Там можно было спрашивать и говорить, не только соглашаться, но и возражать.

Нашим руководителем на практике оказался мой ровесник — Борис Тимофеевич Лихачев. Его анализ уроков заставил задуматься. Он хвалил какой-то фрагмент урока, а потом просил объяснить, ПОЧЕМУ я сделал именно так. Объяснения не было: поступал я скорее интуитивно, выбирал методы не “...на основе педагогической науки”, а по принципу подражания своим бывшим школьным учителям. Помню, как Борис Тимофеевич говорил нам: “В педагогике есть ремесло и есть искусство. Не овладев ремеслом, вы не сможете подняться до искусства. Будете довольствоваться частными удачами”. Только с его слов я начал понимать, что такое “педагогическая система”.

Игорь Семенович Кон ненавязчиво показал, чем могло мне на практике помочь знание психологии. А до него эта наука существовала в моих представлениях в отрыве от учительской профессии. Пришлось взяться за книги по новому.

Артур Владимирович Петровский на семинаре предложил каждому сначала определить свой характер, черты своей личности, чтобы выбрать наиболее выигрышные для каждого “педагогические портреты”, выработать свой стиль.

Жаль, что в Вологде эти люди проработали недолго. Теперь все трое — академики.

Конечно, были в институте и такие преподаватели, которые мало что могли нам дать, или вовсе нас не устраивали. Но, как говорится, “об ушедших — или хорошо, или ничего”.

Настало время получать свою первую трудовую книжку. Первая запись в ней такова: “Принят на работу учителем химии в Вологодское музыкальное училище”.

УРОК В ШКОЛЕ ЖИЗНИ

*Пить можно всем,
Знать надо только:
Когда и с кем,
И где, и сколько.*

С. Я. Маршак.

В 1952 ГОДУ карточка кандидата КПСС спасла меня от неприятности, грозившей обернуться трагедией.

Из-за болезни я очутился в санатории. В день заезда в палате мы поселились вчетвером: три работника обувных артелей и я — студент. Для знакомства пошли в ближайшее кафе. Рассчитался за всех один. На другой день — другой. Когда рассчитался я, то понял, что оставшихся денег у меня хватит только на обратную дорогу. Дальше я отказался пировать с соседями даже за их счет, а были они при больших деньгах.

Однажды подгулявшая компания стала приставать ко мне: “Брежнев, ты пьешь с нами?” Тут и я не сдержался: когда на меня замахнулись, я ударил первым.

На мое несчастье, в дверях оказалась дежурная медсестра. Она тут же доложила о драке дежурному врачу, появился милиционер и отвез меня в кутузку. Оформили уголовное дело о мелком хулиганстве. Соседи и медсестра дали свидетельские показания. Это грозило тремя годами тюрьмы.

Отправляя дело в суд, следователь спросил, где моя кандидатская карточка. А я ее сдал накануне в местный райком на хранение. И тогда меня послали за ней, полагая, что без документов и денег я не сбегу. В райкоме я пробился к первому секретарю и как на духу рассказал всю историю. Меня слушал фронтовик с обожженным лицом танкиста или летчика. Я видел в госпиталях такие лица.

Выслушав, он вызвал инструктора, коротко приказал повторить. “Поезжайте и разберитесь. Если он соврал хоть слово, пусть судят по всей строгости”. Я очень огорчился: кто же мог подтвердить мой

рассказ, опровергнуть написанное в деле? Казалось, мышеловка захлопнулась.

В санаторий добрались только к вечеру, зашли в нашу палату. То, что мы там увидели, спасло меня. Стол, полный бутылок, на постели в сапогах валяется смертельно пьяный сосед, другой не может встать со стула, третий сразу полез в драку. Пили в палате второй день подряд.

Во избежание конфликта меня тут же отправили в больницу: я и в самом деле сильно простыл на полу милицейской камеры. Компанию эту из санатория выписали.

Когда я в конце лечения пришел в райком за кандидатской карточкой, меня вызвал к себе секретарь. Моралей не читал: "Надо знать, с кем пьешь! Запомни!" И резко выгнал из кабинета. Настоящие люди в любых кабинетах остаются людьми. Урок этот был для меня жестоким. Я его запомнил.

ЕГО САТИРА КАК РАПИРА...

Иная вера, как скала!

Не сокрушит ее хула.

- Не сокрушит? - Конечно, нет.

Ведь на хулу введен запрет!

И. Тарабукин

В ОЛОГОДСКИЙ педагогический институт времен моего студенчества жил интересной литературной жизнью. Здесь еще хранились традиции, шедшие, вероятно, от Александра Яшина.

Стенгазета института постоянно печатала стихи наших студентов, литературные рецензии, обзоры новинок. Но были среди студентов и “серьезные”, на наш взгляд, поэты. Так, Валерий Дементьев опубликовал уже сборник детских стихов. За него, правда, он был бит столичными критиками, но в наших глазах эта критика звучала вроде похвалы: заметили в столице! Валерий руководил институтским драмкружком, читал там свои стихи, которые всем нам нравились. У Валерия в доме я познакомился с “дядей Костей” — с очень интересным писателем Константином Коничевым: он рассказывал нам, как работает над романом из времен Петра I. Я впервые как бы побывал в лаборатории настоящего писателя.

Сергей Викулов читал свои сочинения редко, публиковал еще реже, но мы чувствовали в его стихах серьезные ноты...

Саша Романов охотно давал свои стихи в стенгазету. Студентам, а особенно студенткам, они очень нравились: в них звучали совсем знакомые вологодские нотки.

Все трое с годами стали профессиональными литераторами и лауреатами Государственных премий.

От рождения незрячий Саша Власов писал прекрасные басни и даже издал свой сборник. Студенты Юра Герт и Костя Нотман приносили в стенгазету литературные обозрения и критические статьи.

С годами Юрий стал писателем, а Костя журналистом. В какие-то моменты и мне хотелось попробовать писать... Но первые попытки стихотворчества мне самому показались беспомощными. Попробовал писать очерки. Получилась голая мораль. Для себя я решил, что писать никогда не буду...

Но именно в этом плане заметное влияние на меня оказала дружба с Игорем Тарабукиным, хотя наши встречи были не столь уж часты.

С Игорем и его другом Волькой мы были знакомы с раннего детства: дружили еще наши родители. Но ребята были старше меня года на четыре, а в том возрасте это была слишком большая разница, разделившая поколение на воевавших и не воевавших. Мы, младшие, смотрели на Игушку и его друзей-старшекласников с каким-то особым почтением: они казались нам такими умными и сильными, даже... стихи сочиняли! Нам хотелось быть ближе к ним, но только Игушка и Волька Трифонов удостаивали нас — школьную мелюзгу вниманием.

В тридцать седьмом арестовали комбрига Афанасия Павловича Трифонова и его жену. Исчезли из школы и их дети. Волька пошел по детдомам... Поверить в то, что все они были врагами народа мы никак не могли. Я спросил у мамы, а она сказала: “Разберутся и обязательно выпустят”. Но я до 1940 года так и не слышал, чтобы кого-то выпускали.

Пришла война и Игушка, как все его звали, попал в армию, но довольно скоро был демобилизован по болезни. Вернувшись домой, поступил на вологодское радио корреспондентом и пошел снова учиться в вечернюю школу. Тут-то мы с ним и сошлись ближе. Мне предстояли экзамены на аттестат зрелости, а он советовал мне, как лучше готовиться к сочинению, как выбирать тему. Я предпочитал темы современные, а он убеждал, что “...гораздо интереснее писать, например, по Салтыкову-Щедрину”. Я же никого из салтыковских героев, кроме Иудушки Головлева да Премудрого пескаря и не помнил... Пристыдил он меня, а потом как-то просто извинился: “Впрочем, у каждого — свой вкус. Кому нравится поп, кому — попадья, а кому — попова дочка!” От него первого я услышал такую присказку.

Поступил Игушка на факультет журналистики в Свердловский университет и стал приезжать на каникулы. Мы любили в ту пору поздними летними вечерами гулять по городу, особо — наблюдать солнечный закат на Соборной Горке. Игорь часто читал свои стихи, смакуя каждую удачную рифму. Он просто требовал, чтобы я признал рифму то ли абсолютно новой, необыкновенно глубокой, а то и

вообще гениальной... А я в стихах разбирался слабо. Поначалу мне казалось, что Игорь хвастается своими строчками и просто поддакивал ему, а потом я понял, что он ищет во мне слушателя и критика. Начал возражать, и сразу почувствовал, что ему со мной стало интереснее.

От Игоря я впервые узнал о Надсоне, о Саше Черном. Он же дал мне прочесть “Максимы” Ларошфуко. Помню, как до хрипоты мы обсуждали “Горе от ума”, восторгались афористичностью грибоедовского языка.

И еще, он все время уговаривал меня попробовать писать стихи: “Это же так интересно, так помогает точно мыслить! Главное, чтобы не было ни одного слова лишнего. Эпиграмма — мой идеал!” Когда же я стал редактором институтской стенгазеты, он первым пытался раскрыть для меня многие профессиональные секреты журналистики: ему очень нравилось это делать и наблюдать за тем, какое впечатление на меня производят его уроки.

А потом была еще одна интересная встреча. Я возвращался из-под Троицка с кумысолечения в Вологду. В Свердловске должна была быть железнодорожная пересадка, но билетов на ближайшие три дня не оказалось. В студенческом кармане же оставалась последняя трешка. Я решил найти общежитие, где жил единственный знакомый мне во всем Свердловске человек. Зашел в адресный стол. В итоге одна из сотрудниц, одетая как-то по-праздничному, предложила проводить меня по нужному адресу. Всю очень дальнюю дорогу она была со мной крайне любезна, а я даже усомнился, туда ли меня везут... Но вот и дом, и подъезд, и уверенный звонок в дверь, а там — шумное застолье. “Я к вам заблудившегося гостя привела!” — сказала провожатая. Так я попал... на свадьбу Игушки! А мама невесты была начальницей того самого адресного стола... Я оказался единственным вологжанином на свадьбе. Три дня в Свердловске пролетели незаметно, а в памяти остались на всю жизнь и еще больше скрепили нашу дружбу.

С 1962 года Игушка стал ответственным секретарем редакции журнала “Уральский следопыт”. Но первый свой поэтический сборник он решил опубликовать в 1959, а потом — сразу свет увидели еще две книги. И их хватило на то, чтобы сам мэтр российской поэзии Самуил Яковлевич Маршак дал нашему Игушке рекомендацию в члены Союза писателей.

Всего за жизнь Игорь опубликовал одиннадцать книжек сатирических стихов. Одна вышла в Вологде. Смее утверждать, что эта небольшая книжица “Как дважды два”, вероятно, одна из самых

удачных в его творчестве.

Сборник начинался таким “предисловием” автора:

*Нет ничего яснее в мире,
Чем то, что дважды два — четыре!
Но мне твердят о том раз двадцать,
А затвердив, долбят опять...
И начинает вдруг казаться,
Что дважды два в итоге — пять.
Ведь если дважды два — четыре,
Зачем так долго убеждать?*

В 1977 году мне пришлось быть свидетелем реакции разных людей на стихи из этого сборника. Отправляясь в Крым, я захватил пахнувший типографской краской экземпляр сборника. За три недели его зачитали до дыр, не единожды переписали в тетради и блокноты почти построчно.

Каждый с восторгом рассказывал, что узнает в эпиграммах своих знакомых, сослуживцев, начальников и подчиненных. И ни один не сказал, что нашел в них собственный портрет, даже случайные черты своего лица.

Санаторий был “партийный” и все тарабукинские рифмы разошлись по ответственным докладам вплоть до пленумов ЦК. То, что стеснялись сказать вслух от собственного имени, говорили словами поэта. Пара тарабукинских строк попала даже в доклад Никиты Сергеевича Хрущева:

*С милым рай и в шалаше,
Но, квартира — больше по душе...*

Карикатурист и художник Дени (В. Денисов) когда-то сказал: “Смех сатиры только тогда значителен, когда за ним стоят невидимые миру слезы чуткой души и большого культурного ума”. Были у Игоря и природный ум, и внутренняя культура, и тонкая душа потомственного российского интеллигента. Критики говорят, что сатириков той поры родила политическая оттепель шестидесятых годов. Может это и так. Нынешнюю гласность тоже считают едва ли не главным достижением перестройки. Критиков и сатириков появилось великое множество. Но если сравнить творчество Игоря Тарабукина с образцами сегодняшними, то придется признать, что не было в его стихах того раздражения, развязного тона, который присущ наиболее “смелым” литераторам нашего бурного времени. Нет в его стихах ни апломба опровергателя авторитетов, ни холодного скепсиса социального циника.

Именно эту сторону его творчества подметил и оценил великий Аркадий Райкин, когда к нему случайно попала рукопись одного из

сборников. Кажется, впервые и всего один раз в жизни Райкин написал предисловие к поэтической книге: “Жизнь движется любовью, а не ненавистью, а Тарабукин воюет с тем, что мешает нам любить”.

Все испытал на себе талант этого человека: и добрые признания друзей, и цензурные запреты, и читательскую любовь, и административные притеснения. Вот некоторые его строки:

*Так много лозунгов везде
О достижениях в труде,
Что если их читать всегда
-Призывы, здравницы, салюты,
-То не найдется и минуты
Для достижений и труда.*

Со школьной скамьи мое поколение заучивало работы о краеугольных камнях... И вдруг такие строки:

*На нем философы веками
Углы срезали без конца.
И стал краеугольный камень
Круглей пасхального яйца.
Все “за” и “против” подытожив,
Со вздохом к выводу придешь:
Конечно, истина дороже...
Но много выгоднее ложь!
Кузькин жулик... Кузькин вор!
Только должность крупновата.
Не случайно прокурор
Стал похож на адвоката.*

Изредка попадались цензоры со своим “профессиональным” чувством юмора. Когда вышла в свет последняя прижизненная книжка Игоря “Пантеон курьезов”, на высоком государственном совещании цензор сказал: “Еще один такой курьез, и нам придется отправить автора в пантеон!”

Верно говорят, что лучше всего дух времени выражают анекдоты, эпиграммы и бардовские песни. Хотя бардовских песен Игорь не писал, но песня композитора Родыгина “Зовет гора Магнитная, и сам магнитогорский я...” на слова Игоря была долгое время визитной карточкой промышленного Урала.

Муза Игушки не замолчала и в самые трудные времена после оттепели... В конце 80-х годов тяжело уходила из жизни старая учительница – тетя Катя – мать Игоря. К матери приехал сын. На Каменном Мосту мы встретились случайно и на короткий миг. Выглядел Игорь очень плохо. “Провожу маму и самому настала пора

уходить...” — без всякого пафоса сказал он и протянул мне два машинописных листка: “При жизни это опубликовано не будет. Прощай! Прочтешь дома...”.

То была наша последняя встреча. Игорь чувствовал близость своей кончины. Организм большого и сильного человека подточил диабет, принесенный еще с войны. Он жил на постоянных уколах. Недаром о себе он писал:

*То втык,
то ВТЭК.
И так весь век...*

В тот вечер дома я прочел его “Собакизмы” — рассуждения Джима из породы боксеров в телепатическом подстрочном переводе и поэтическом изложении его хозяина”. Поразило:

*Привык ходить на поводке.
Но, если лаять откровенно,
Вся наша жизнь несовершенна...
И поводок не в той руке.*

Да, при жизни эти строчки Игорь не увидел опубликованными. Так случилось, что Игорь умер раньше своей мамы, а первой оплакала его смерть верная собака...

В 1985 году вышел посмертный сборник “Завтрак с процентами”. Там были и “Собакизмы”, но чья-то бдительная рука внесла в них свою иезуитскую правку, изменив всего одно слово, а смысл...

После войны Игушка встретился снова с другом детства Володей Трифоновым. Пройдя через детдома, овладев самыми разными специальностями, Волька остался таким же чистым и преданным другом. Недавно он передал в Вологодскую областную библиотеку архив своей многолетней переписки с Игушкой. В этих письмах много того, что по условиям времени не могло быть опубликовано. Есть в них и такие слова, которые больше обращены не к адресату. Сурово проанализировав нашу действительность, он прибавил: “... если кто-то перлюстрирует мои письма, то я этих людей не боюсь, так как свою Родину люблю не меньше, чем они...”. Володя же так на всю жизнь и остался одним из первых критиков Игушкиных книг, мнением которого он дорожил.

Замечательный французский сатирик Франсуа Рабле писал: “Здоровый народ не может жить без смеха!” В таких людях как Игорь, Володя “...и сок земли, и соль земли”.

Я благодарен Игорю за то, что в определенный момент он помог мне преодолеть “психологический барьер” на дороге к творчеству. “Пиши! Не боги горшки обжигали!” — говорил Игорь.

НУЖНА ЛИ МУЗЫКАНТАМ ХИМИЯ?

“Химия — это область чудес”.

Слава Морозов

ПЕРВАЯ ступенька моей педагогической карьеры — год работы учителем химии в Вологодском музыкальном училище — была маленькой, но я бы сказал, забавной. Меня, студента четвертого курса, пригласил на работу директор училища, обаятельнейший человек Илья Григорьевич Гинецинский. Там же мне оформили трудовую книжку.

Ох, и интересная это была работа! О каком преподавании химии могла идти речь? Нужна она была пианистам и скрипачам, баянистам и духовикам, певцам и дирижерам-хоровикам, как рыбкам — зонтики! Понял я это быстро. Но урок есть урок. И я стал тщательно готовиться, перерывать кучу литературы, чтобы рассказать студентам занимательные эпизоды из истории науки, из биографий видных химиков-музыкантов Бородина и Ньюлендса. Многие мои рассказы были посвящены драгоценным и поделочным камням: я нашел тогда весьма редкое издание книги А. Е. Ферсмана “Самоцветы России” и с удовольствием пересказывал ее на уроках. Обсуждали мы легенды о лаках и клеях замечательного скрипичного мастера Страдивари, о том, как получают канифоль, о красках старых мастеров живописи, об особенностях кирпичной кладки с добавкой яиц в известь, о целебном и губительном действии многих химических веществ. Наконец, много времени уходило на примеры из книги “Химия в быту”.

Короче говоря, на моих уроках было интересно. Быстро прекратились массовые прогулы, утихли посторонние разговоры на уроках (это — если не считать того, что я сам вел беседы, весьма далекие от учебных программ...). Очень строгая и требовательная завуч училища Антонина Ивановна Паникарова, посетив один из моих уроков, как-то двусмысленно хмыкнув носом, с улыбкой в уголках глаз, строгим голосом сказала: “А я и не знала, что ваша химия

— такая интересная наука!” Больше за весь год нас никто и не потревожил.

Училище помогло понять, что люди любят слушать только то, что им понятно, интересно или очень нужно... И жаль было, когда через год химию вовсе изъяли из учебного плана.

Преподавать в училище было приятно и даже лестно еще и потому, что здесь училась моя мама. Многие педагоги знали меня ребенком, внимательно следили за моими первыми педагогическими шагами, и я не мог позволить себе работать плохо!

НЕТ! НЕ "ШАРАМЫГА"!

Легко учить того, кто хочет учиться.

Из письма А. И. Мухиной.

ПОСЛЕ окончания пединститута в 1953 году я очутился учителем химии и биологии вечерней школы № 1 Вологды. Звали эти школы ШРМ, а в народе иногда "шарамыгами". Но если говорить серьезно, то такое обидное название мало подходило к вечерним школам, какими они были в середине пятидесятых годов.

Занимала она верхний этаж Первой мужской школы у Красного моста, и горел там свет в окнах с вечера и почти до полуночи. Обе школы дружно сосуществовали в одних и тех же классах.

Главным отличием от нынешних школ было то, что учились в ШРМ в большинстве своем те люди, кто не смог получить образование из-за войны, послевоенной разрухи и нищеты. Они знали, зачем пришли в школу, и готовы были к большому напряжению.

Умными и многоопытными были руководители школы — "два Василия", как их звали за глаза. Директор — Василий Григорьевич Воробьев был раньше партийным руководителем высокого ранга, отличался прекрасными организаторскими способностями, требовательностью в работе, четкостью в оформлении документов. Он умел разговаривать по душам и с учителями, и с учащимися, пользовался у них не просто уважением, но и любовью. Но мог он быть и чрезвычайно жестким: тогда с ним спорить было трудно.

Была у Василия Григорьевича одна, если можно так назвать, "генеральная идея", которую он постоянно повторял на педсоветах, стремясь донести до каждого учителя, особенно до молодого, начинающего свою педагогическую карьеру. Он считал, что в его вечерней школе не может и не должно быть неуспевающих учеников: "У нас ведь школа не всеобщая обязательная... Сюда приходят люди, желающие получить аттестат зрелости. И мы обязаны им помочь в этом". Консультационные занятия с теми, кому программа давалась с трудом, затягивались до половины летних каникул.

Василий Григорьевич говорил: “Это полбеда, если ученик не успел выучить материал! Беда будет, если мы его плохо будем учить!” И тут в его голосе появлялся металл, а с лица исчезала привычная добрая усмешка. Заранее становилось жаль того, на кого падет упрек в нерадивости: пощады тому не было! Случалось же такое редко: в школе был хорошо устоявшийся дружный коллектив.

Человеком другого склада был завуч — Василий Васильевич Паничев. Небольшого роста, коренастый, лицо спрятано за большими, массивными очками, движения быстрые и даже суетливые. Он все время куда-то торопился...

Но это только так казалось. На самом деле Василий Васильевич был очень вдумчивым и опытным учителем учителей. Казалось, он знает прекрасно не только свою любимую химию, но и все школьные предметы, одинаково глубоко анализирует уроки физики и истории... Только на уроки иностранных языков ходил редко: “Что я там могу советовать учителю? А для галочки — не хочу, да и времени жалко”. Учеников он знал по имени и фамилии, кажется, всех, но уж слабых и лентяев — это точно! В черной его тетради, каждому классу отводилась своя страница, где значились те, кто нуждался в помощи или контроле. Тандем “два Василия” работал четко и дружно, поддерживая школу в постоянном рабочем ритме.

Началась моя педагогическая работа в школе с того, что уже на второй день, не сговариваясь, оба руководителя пришли ко мне на урок. Я же растерялся и провалил урок настолько, что и вспомнить стыдно. Расстроенный ужасно, я готов был к заслуженному разному. Но Василий Григорьевич лишь спросил: “Вы сами-то уроком довольны?” Я только тяжело вздохнул. А Василий Васильевич предложил: “Давайте не будем его обсуждать, дадим недельку осмотреться, а потом еще раз (и не раз!) посмотрим”. С тем и разошлись, а я остался мучиться стыдом: “Испугался, а кого больше — учеников или администраторов — и сам не понял!” Позже об этом уроке в школе мне никто не напоминал.

Зато я на весь год попал “под колпак” к Василию Васильевичу: редкий день не приходил он ко мне на уроки, подробно анализировал достоинства и недостатки каждого их этапа.

Часто он приглашал меня и других учителей до работы, учил определять и четко реализовывать главную задачу уроков, правильно распоряжаться рабочим временем, рационально сочетать новый материал с повторением, выверял с нами каждую строчку конспектов.

В его завучевской манере было такое: он заранее предупреждал, что в такой-то день придет только на опрос, и просил заранее предупредить тех, кто должен отвечать. Чаще это были фамилии из его черной тетради. Так он контролировал не только меня, но и своих подопечных учеников. а дальше он спешил в другой класс — посмотреть, как организована самостоятельная работа на уроке. Успевал он делать очень многое.

Вполне понимая, что работающему человеку на выполнение домашних заданий времени не остается, “два Василия” требовали обучать ребят на уроках. Написал я слово “ребят” и подумал: а ведь там-то в классах рядом с ребятами сидели такие дяди и тети, что порой были старше учителей. Именно им было труднее учиться.

Вторая педагогическая идея “двух Василиев” была в то время — время “обязательных государственных программ и единых требований” — в чем-то даже крамольной. Они убеждали нас, что учить “вечерников” следует не всему подряд, а, в первую очередь, тому, что им в жизни нужно. А помогать, в первую очередь, следует тем, кто хочет учиться. Мне предложили много дополнительных уроков для тех, кому предстояло сдавать химию в вузе, а рядом историки обсуждали свои проблемы прямо в кабинете директора, литераторы писали дополнительные сочинения.

По ряду же индивидуально мало значивших предметов оценки ставились, да простится это нам, с закрытыми глазами. Жизнь и судьбы большинства выпускников ШРМ № 1 показали, что “два Василия” в своих взглядах по большому счету были правы.

Были и курьезные моменты в нашей работе. Поручили школе вести занятия в классах, организованных при женской исправительно-трудовой колонии. Уроки-то можно было вести в зоне, но что было делать с практикумами по химии и физике, предусмотренными программой? Мои ученицы очень просили организовать такие практикумы “на воле”: уж очень хотелось им вырваться хоть на час за колючую проволоку. Я предложил провести практикумы в школе по воскресеньям, когда здание пустовало. И тут уж мы не сокращали занятия ни на час, бывало, даже растягивали, как могли... Охранники, привозившие двенадцать девчонок, с удивлением смотрели на наши занятия, порой даже просили повторить интересные опыты. А потом вместе с нами пили чай с баранками.

Через много лет одна из учениц “из зоны” увидела меня в метро в Москве, долго не решалась подойти, но остановила в переходе, и мы с улыбкой вспоминали те уроки. Чего я себе не позволяя принципиально, так это спрашивать у девчат, за что они попали “в зону”.

“Не мое это дело!” — решил для себя.

А была и такая ситуация: вдруг вышло постановление уволить из милиции всех сотрудников, не имеющих среднего образования и не учащихся в школах. Тут же были организованы “милицейские” классы, в которых за одними столами с рядовыми милиционерами, с участковыми-лейтенантами сидели и старшие офицеры, прошедшие войну. Нам помогало Управление внутренних дел, выделившее прямо в милиции комнаты для занятий. А начальник Управления сам пришел на педсовет, предложил любую поддержку, но скромно попросил об одном: “Вы хоть при подчиненных не спрашивайте моих заместителей!” Пришлось нам ввести систему индивидуальных зачетов, а что там отвечали великовозрастные майоры-полковники, какие писали уравнения химических реакций, кто теперь вспомнит? Но были и такие, кто химию учил серьезно, а криминалисты и вовсе загоняли меня в угол своими неожиданными вопросами из специальной химии, которую я не знал совсем. Пришлось мне учить и ее. Целое поколение вологодских милиционеров сегодня уважительно раскланиваются с нами — бывшими учителями ШРМ № 1.

За год работы в ШРМ ученики помогли мне пополнить кабинет химии весьма полезными вещами. Кто-то принес ацетиленовую горелку, кто-то диковинку тех времен — газовую плитку, кто-то — коробку пробирок, бутыл с кислотой, барабан со щелочью. Тащили с работы все, как тогда говорили, “методом народной стройки”... Вместе с нами суетился на ремонте кабинета и Василий Васильевич, и это еще больше сближало меня с ним, и с учащимися. Дружбу с В. В. Паничевым мы пронесли через всю жизнь. Многие наши выпускники сохранили добрые чувства к своей “вечерке”.

Помню, как на одном из уроков получил я записку с последней парты: “Кончай поскорей, курить хочется!” Автор ее улыбался и хитро подмигивал... Впоследствии Альберт Вадимович Разумовский окончил Московский химико-технологический институт имени Менделеева, стал большим столичным начальником и здорово поддержал меня, изготовив на предприятиях своего главка всю специальную мебель для нового корпуса Вологодского пединститута и кафедры химии. Ни о каком мздоимстве за такую услугу речи не могло идти: просто, сидя у него дома, мы распили бутылочку привезенной с родины “Клюковки”. А очаровательная жена Альберта Вадимовича с наигранной серьезностью при этом уговаривала мужа: “Уж ты, Бетенька, подумай хорошенько, чем еще можешь помочь своему любимому учителю!” В этой фразе была добрая ирония: учитель и ученик до седьмого класса учились вместе, а в ШРМ я оказался классным руководителем Альберта.

СТУПЕНЬ ТРЕТЬЯ — ШКОЛА ПЕРВАЯ

“Мы живем в ореоле света, который излучаем.

*Мы растем и развиваемся постольку,
поскольку помогаем делать это другим”.*

Ф. Адлер.

Я БЫЛ здорово удивлен, когда к нам домой пришла моя школьная учительница химии Мария Ивановна Магарцева и сказала: “Хватит! Ухожу на пенсию: стало трудно работать. Идите в гороно, оформляйте документы на мое место”. А мне-то всегда казалось, что она меня недолюбливала, вечно ко мне придиралась... Так после года работы в вечерней школе я оказался в родной мужской № 1.

Поначалу я испугался: после такого сильного учителя, каким была Мария Ивановна, смогу ли работать со старшеклассниками? Поэтому я взялся за 7-8-е классы, а в старшие пришла другая, более опытная учительница из техникума. Однако уже к концу первой четверти у нее с десятиклассниками возник конфликт: ребята требовали, чтобы химию у них вел я. “Он знает, как учила нас Мария Ивановна. Он был у нас на практике, и мы его знаем. Нас не уstraивает пересказ школьного учебника: читать мы и сами умеем”.

Педсовет решил пойти навстречу этим требованиям. Моя старшая коллега честно призналась: “Вероятно, я недооценила возможности ребят и учила их только по школьному учебнику, как привыкла в техникуме”. Конфликт был решен без взаимных обид. Мы поменялись нагрузками.

Какую же методiku от меня ждали ребята? В изучении нового материала Мария Ивановна опиралась на известный вузовский учебник Н. Л. Глинки, сопровождая уроки большим химическим экспериментом. На уроках у доски отвечали только самые сильные ученики. Это было им наградой. Для остальных — четко отработанная система индивидуальных заданий и зачетов. Задания для всех были единые, предельно сложные, без всяких скидок, зато система оценок

— индивидуализированной. Оценка пятерочника включала знание школьного и вузовского учебника, навыки экспериментатора, многочасовой труд по решению массы химических задач, а еще — обязательные занятия с отстающими, в том числе и из младших классов. Отличная оценка ставилась ученику только после того, как получал свой троечный зачет последний из отданных ему в обучение.

Жесточайший контроль был, вероятно, одним из самых главных элементов педагогической системы Марии Ивановны. Она почти наизусть помнила оценки своих учеников за весь год по каждой теме.

Я постарался внести в опыт Марии Ивановны нечто свое, опробованное на первых шагах педагогической карьеры. Из “музучилищного” опыта привлек элементы развития познавательного интереса к химии, широко используя материалы научно-популярной литературы и журналов. Особо выделялось на уроках практическое применение химии в быту. Из вечерней школы принес с собой опыт организации работы учеников с книгой непосредственно на уроках: это существенно повышало плотность использования учебного времени.

Еще одной отличительной чертой моей личной методы стала система опережающих домашних заданий: я задавал на дом тот материал, который мы еще только должны были изучать на следующем уроке. Ребятам предлагалось сформулировать свои вопросы ко мне. Со временем удавалось делать так все чаще, и я убедился, что на хорошем уроке ученики должны больше спрашивать учителя.

Завучам уроки понравились, и мне поручили доложить о таком подходе на методической комиссии школы. И тут, окунувшись в педагогическую литературу, я, к стыду своему, обнаружил, что “изобретал велосипед”: мое “новое” оказалось хорошо забытым старым. Такой подход к уроку проповедовал еще знаменитый немецкий педагог Фридрих Адольф Вильгельм Дистервег, в середине прошлого столетия провозгласивший самостоятельность непременно условием всякого образования. Я понял, что взял из институтского курса истории педагогики мало. Пришлось к нему вернуться...

И тогда же я познакомился еще с одной идеей, которой старался следовать всю дальнейшую педагогическую жизнь. Она принадлежит К. Д. Ушинскому: “Неужели, приступая к такому ответственному делу, не стоит прежде убедиться, что ваша метода воспитания или преподавания лучше всех тех, которые употребляются в других местах и другими педагогами, убедиться прежде, чем тридцатилетняя практика заставит вас самолюбиво отстаивать хоть и ошибоч-

ную, но зато вашу методику?”

Опирался я и на опыт других учителей замечательной Первой мужской. У Екатерины Константиновны Монастыревой я заимствовал дифференциацию индивидуальных заданий по сложности и объему. У Александры Ивановны Мухиной — решение химических задач в общем виде и графическими методами. По опыту моей любимой учительницы литературы Манефы Сергеевны Перовой мы, как и литераторы, стали выпускать школьный химический журнал.

Как меня воспринимали в те времена ученики? Чтобы ничего не сочинять, приведу без комментариев текст послания, которое я получил от выпускников 1955 года к моему шестидесятилетию. Автор его — Петр Леонидович Власенко, тот самый Петюня, который за свой добрейший нрав был любимчиком класса, но не очень блистал химическими знаниями.

“Давно это было. Для многих коротко стриженных учеников было крайне любопытно увидеть за классной кафедрой почти одноклассника с прекрасной шевелюрой, тощего и длинного, слегка сутулого, с лицом просветителя, новогоро Шкраба. Его явление, как и явление Христа, не осталось незамеченным и навсегда врезалось в память вечно жаждущих духовной, умственной и физической пищи школяров.

Химия с ее колбами, пробирками, неожиданными превращениями вещества, случайными взрывами и пожарами, прожженными кислотой штанами вдруг стала занимательным предметом. Кто бы мог подумать, что знания, полученные еще в казенных стенах классной лаборатории, могут быть более прочными, чем последующие специальные экскурсии в дебри строения вещества в прекрасно оборудованных лабораториях студенческих лет.

По нашему дилетантскому мнению, это произошло не потому, что школяры любопытны от природы, а потому, что учитель был убежден сам и сумел убедить остальных, что это не только интересно и полезно, но это самое главное, что нам может пригодиться. Таким было его кредо, и он сумел внушить это своим ученикам. Великим помощником в этом была ему культура, культура объяснений, культура общения, культура дискуссии, культура личности. А как тянутся к культуре неокрепшие детские души! Вот чего не хватает сегодняшним просветителям и, соответственно, их ученикам.

Если и в зрелые годы он не потерял своих юношеских качеств, так это заслуга его личная, заслуга того окружения родных, друзей и сослуживцев, которых собрал он вокруг себя за эти благословенные годы.

И хотя сказано — “Не сотвори кумира себе” — хочется походить духом на такого учителя.

Передаем же ему от бывших неразумных учеников 1-ой мужской средней школы г. Вологды в день юбилея лучшие пожелания и долгих еще лет плодотворной жизни на благо родных, близких и химии.

От имени и по поручению, с искренним уважением П. Власенко.”

Уважаемый Петр Леонидович в чем-то, несомненно, поддался юбилейному гиперболизму, но в чем-то я все же узнаю себя.

Что еще было памятного в Первой школе? Удалось продолжить и развить традицию химических олимпиад, подняв их с уровня школьных до городских. Был химический кружок, изучавший местные химические производства. Ходили по предприятиям города, заглядывая во все дырки, куда “пряталась” химия. Особенно любили кислородный цех, где можно было самим делать опыты с жидким воздухом и кислородом. Ездили на экскурсии в Череповец на первую домну, в Сокол, где знакомились с производством бумаги. Ездили на грузовой машине с тентом по булыжной мостовой с ямами и колдобинами. Сидели на дощатых скамейках, после чего и у учеников, и у учителя неделями болели ягодицы, но, по Макаренку, “не пищали”...

В школьной мастерской вместе с учителем труда — последним из рода потомственных вологодских слесарей-умельцев Виктором Александровичем Молчановым — мы соорудили гальванические ванны, где наглядно показывали процессы электролиза, пробовали даже никелировать старые самовары, которые ребята приносили из дома. Именно тогда и родилась моя первая статья для журнала “Химия в школе”, посвященная опыту изучения темы “Электролиз” на уроках химии. Вышла в свет она в 1959 году.

Химией в школе ребята занимались охотно, и с дисциплиной на уроках у меня особых проблем не было. Хотя, как сказать! Случалось и такое...

Однажды в самом лучшем классе я читал лекцию, писал на доске, когда вдруг в полной тишине прозвучал сухой щелчок пистолетного выстрела. Мел прилип к доске. Я боялся повернуться к классу..., но никто не застонал, никто не упал со стула, не произнес ни слова. Наконец, я повернулся. Тридцать пар глаз смотрели на меня неотрывно. Я медленно прошелся взглядом по всему классу. Староста (ныне — заслуженный артист-скрипач) глазами показал мне на впереди сидевшего. Теперь и я заметил особую бледность на лице парня. Коротко спросил: “Тебе выйти нужно?” Он поднялся и неторопливо пошел к двери, зажав левую ладонь правой рукой. На полу я заметил капли крови. “Староста и комсорг! Проводите!” — сказал я и продолжил урок. На перемене обыскал всю школу, но ребят не нашел. В учительской меня встретила вопросом директор: “Вы что там опять взрываете? Это не опасно?”

Комсорг и староста вернулись в конце дня, стулом закрыли дверь в кабинет, чтобы нам не мешали, и попросили никому не рассказы-

вать о том, что произошло. Оказалось, что ребята нашли старый пистолет системы “Монте-Кристо”, но он был рассчитан на малокалиберные патроны старого образца. Всем классом пытались модернизировать оружие, но ничего поделаться не могли. Выстрелил пистолет впервые прямо в школьной парте. Пуля прошла через мякоть ладони левой руки хозяина и застряла в стенке старинного дубового стола. Такими столами школьный кабинет был оборудован еще со времен реального училища. Если бы не стол, пуля точно угодила бы в спину впереди сидевшего ученика... Ребята отвели товарища к своей родственнице — хирургической медсестре, прошедшей фронт. Та обработала рану, сделала перевязку, уверив, что ничего опасного нет.

Пистолет же ребята прямо около школы в сумерках осеннего дня выбросили в реку, чтобы “закрыть историю”, как они понимали, грозившую всем большими неприятностями. Об этом эпизоде я действительно долго никому не рассказывал. Честно молчал и весь класс. А на выпускном вечере класс преподнес мне особо ценный подарок: большую коробку с самыми дефицитными химическими реактивами. Они умудрились достать их в одном из НИИ Ленинграда через своих родственников.

Тогда же они сказали что снимают с меня и с себя “обет молчания”. А незадачливого стрелка через несколько лет я встретил: работал он шофером такси. Один палец на его руке действовал плохо: очевидно, пуля задела нерв. На мой вопрос он сказал: “...Не берите в голову!” Тогда эта фраза входила в моду.

У старших коллег мне приходилось учиться многому: и педагогическому такту, и наблюдательности, и педагогическому анализу.

В последний год существования мужских и женских школ остро встал вопрос об ученической школьной форме. С приходом в мужские школы девочек ребята взбунтовались, а министерское начальство ужесточило требования. Для того, чтобы несколько снизить напряженность, кажется, с легкой руки Зельмана Шмулевича Щерцовского все мужчины-учителя сшили себе одинаковые черные френчи. Когда ребята увидели нас в такой униформе, вопрос об их нарядах сам собой потерял остроту.

Другой, очень любопытный факт произошел тогда же. Я не любил, чтобы в ученических тетрадах на последних страницах ребята разводили грязь и делали посторонние записи. Однажды при проверке тетрадей я обнаружил у Володи Чуглова странную, явно не химическую таблицу: в одной графе стояли даты, а в другой — непонятные мне записи. “Черный в клеточку. Синий в полосочку.

Гладкий черный с искоркой. С красным горошком”, — стояло в этой графе. Я спросил Володю после урока, что это означает. А он улыбнулся и без тени смущения сказал: “Это — Ваши галстуки. Сначала я хотел посчитать, сколько их у вас, а потом стал искать, нет ли закономерности в их смене”. Я чуть со стула не упал от такого открытия. А ведь и на самом деле: моя жена любила дарить мне новые галстуки и каждое утро следила за тем, какой из них я надеваю. Постепенно ее стараниями в мой гардероб перекечевали галстуки моего отца, а это уже была целая коллекция...

Так я впервые обратил внимание на аналитический склад ума Володи Чуглова. На фоне блестящих отличников учебные успехи Володи смотрелись скромно, особенно — в точных науках, но при всем этом он был безоговорочно признан ребятами честью и совестью класса. Ребята разъехались по столичным вузам, а Володя поступил на филфак Вологодского пединститута. Отслужил в армии. Я был к тому времени директором школы и с удовольствием пригласил его к себе на работу. А через несколько лет, когда я кончал аспирантуру в Москве, туда же приехал Володя. Думаю, что моя рекомендация хоть немного помогла ему. Уже около двадцати лет мы работаем в институте вместе с заведующим кафедрой русского языка доцентом Владимиром Ивановичем Чугловым. Тут и подумаешь: как важно уловить момент, когда в твоём ученике открывается для тебя какое-то новое человеческое качество!

Еще один случай, казалось бы, и вовсе незначительный. В трех восьмых классах я провел контрольную работу. Сильный класс “А” и слабый класс “В” справились с заданием, а класс “Б” полностью провалился. Это было неожиданностью, объяснения которой я не находил. Сажу в учительской очень огорченный. Подходит Екатерина Константиновна Монастырева (а было ей в ту пору уже за семьдесят): “Что это ты, батенька так шибко горюешь?” “На себя сержусь: учил одинаково, а результат получил разный. И понять не могу — почему”.

Молча она подошла к расписанию. “А ты сюда загляни. “Ашники” писали на первом уроке, “вэшники” — на втором, а твои несчастные “бэшники” — на пятом, а до того было у них два урока физкультуры. Поди ведь, нормы на лыжах сдавали... Что и требовалось доказать! Сам и виноват, что не перенес контрольную на другой день!” Таким был наглядный урок простейшего педагогического анализа. Екатерина Константиновна с улыбкой посмотрела на меня не так, как на учителя, а как на бывшего своего ученика... и шутливо сказала: “Запомни, милый, учитель первые пять лет работы учит-

ся сам, а учеников — мучает, а потом всю жизнь учит учеников, а мучается сам! Так что не горюй: у тебя еще все впереди". Век не забыть такой урок!

Уж коли вспоминаю отдельные эпизоды, то не могу не рассказать и о забавном случае. Вообще-то никакого специального отбора ребят в школу не было. Но однажды, проверяя пригородную восьмилетку, Александра Ивановна обратила внимание на парня с явно выраженным математическим складом ума. Так в нашей школе появился еще один ученик — Вадим, добрый и общительный, ставший заводилой многих хороших дел. Учился он хорошо, но по ряду предметов у него были проблемы. Перед последним экзаменом по химии я побанвался за него: иногда он торопился и допускал в уравнениях досадные ошибки. А парню нужна была медаль, чтобы с гарантией поступить в институт и получить повышенную стипендию (из дома ему мало могли помочь). Билет он взял одним из первых, сел к столу и... заснул богатырским сном. Чтобы его не тревожить, ребята отвечали вполголоса, даже дверью старались не хлопать. Экзамен подошел к концу, а Вадим спал. Мы очень боялись будить его: парень мог растеряться и ничего не ответить. Я осторожно сказал на ухо: "Скоро твоя очередь отвечать. Ты готов?" "Конечно готов!" — ответил он и смело пошел к доске.

Пока он спал, мозг, вероятно, продолжал работать. Ответ был блестящим, полным, логично выстроенным, доказательным. Когда Вадим вышел из кабинета, ребята бросились его качать... Что же произошло? Оказывается, кто-то дал ему таблетки кофенна, и Вадим две ночи не спал, готовясь к последнему экзамену. Когда же взял билет и понял, что хорошо знает весь материал, он просто отключился...

Много лет спустя я очутился в международном аэропорту Шереметьево. Из толпы прилетевших очередным рейсом африканцев кто-то вышел и обнял меня: "А вы, Исаак Абрамович, каким образом здесь?" Вадим прилетел, кажется, из Эфиопии, где читал лекции по электротехнике. Сейчас он — лауреат многих премий, директор крупнейшего электротехнического института России, доктор технических наук. И пусть кто-то попробует отрицать, что лучших ребят нужно отбирать в лучшие школы! "Наука всегда элитарна", — утверждал Френсис Бэкон. Любое государство должно заботиться о своей элите, как о своем будущем. Первая школа Вологды — тому пример.

Хорошими моими помощниками в работе оказались студенты пединститута, постоянно проходившие у нас практику. Официаль-

ные сроки практики кончались, а многие продолжали посещать школу, готовили со мной занятия кружков. Это упрочило связь с институтом, и меня пригласили по совместительству ассистентом на кафедру химии. Школа стала фактической экспериментальной площадкой кафедры. Это опять заставляло меня постоянно поддерживать “химическую форму”.

ШКОЛА ПЕДАГОГОВ. ШТРИХИ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ПОРТРЕТУ

*Мы все зависим друг от друга
На этом жизненном кругу.
Что ты не сможешь — я смогу.
И в этом общая заслуга.*

М. Дудин

КАЖЕТСЯ, еще Гельвеций в трактате “Об уме” писал, что обстоятельства воспитывают человека порою лучше, чем учителя. Так вот, если говорить о самих учителях, то их не могут не воспитывать и коллеги, и ученики, и сама атмосфера, дух коллектива, в котором они живут практически треть каждого своих суток.

Потому было бы непростительной ошибкой не рассказать о моих коллегах, о той педагогической школе, в которой я постигал профессию. В меру возможности ограничусь лишь штрихами к коллективному портрету педсовета Первой школы, эпизодами, ставшими крестиками на канве памяти.

Директор — Александра Ивановна Мухина. Родом из Архангельской глубинки, из семьи староверов, людей с твердыми моральными устоями и жестким характером. И хотя она исповедовала уже совсем иные идеалы, но унаследовала от предков властный характер, прямоту суждений, воистину крестьянское трудолюбие. Иногда ей недоставало дипломатичности, но никогда она не шла на сделки с совестью.

Однажды мы поехали с Александрой Ивановной в колхоз, где работали наши ребята. Ярким осенним днем мы шли по разбитому проселку к дальней деревне и вдруг за деревьями услышали многоэтажные проклятья. По голосу сразу узнали нашего лучшего ученика, единственного ребенка из очень интеллигентной семьи. Александра Ивановна закричала: “Сейчас же прекрати! Как ты можешь?..” Оказалось, ехал парень на телеге, да на ухабе неумело запряженная лошадь распряглась. И лошадь попалась с норовом. Который час

парень ничего не мог с ней поделать. А в деревне ждали его с хлебом. “Зачем же ты ругаешься?” — спрашивает Александра Ивановна. “Так ведь она русского языка не понимает...” — оправдывается парень. Подошла Александра Ивановна к лошади, погладила ее грустную морду, спокойно и уверенно перепрягла, приговаривая: “Моя хорошая, моя милая...” Повернулась к ученику: “Вот видишь, доброе слово и коняге приятно. А ты — “не понимает...” И больше — никаких моралей. Вечером в избе наши городские мальчишки удивлялись, откуда Александра Ивановна так здорово умеет управляться с лошастью.

Утром в деревне появился вдребезги пьяный колхозный бригадир и с теми же ругательствами набросился на школьников. Мое вмешательство его только разозлило. Но в этот момент из соседней деревни на лошади приехала Александра Ивановна. В руках у нее был кнут. Под смех всего класса пьяница и дебошир вынужден был позорно бежать, получив хлесткий удар по спине кнутом. Больше он ребятам не досаждал. А история эта стала в школе легендой и передавалась из поколения в поколение.

В последний год директорства Александры Ивановны произошло следующее. По всей стране на основании хрущевского указания было приказано выращивать в школах кроликов и цыплят. Привезли цыплят и в нашу школу. Но через несколько дней заслуженная учительница А. И. Мухина, надев свои ордена Ленина и Трудового Красного знамени, явилась на прием к секретарю обкома партии: “Каждый должен заниматься своим делом. Я буду учить детей, а вы, если не можете иначе накормить Россию, выводите кроликов у себя в обкоме”. Этот визит, вероятно, ускорил уход нашего директора на пенсию.

Александра Ивановна обещала мне написать воспоминания. Но незадолго до смерти она прислала лишь краткую биографию. Эти полстранички я воспроизвожу с ее автографом.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ МУХИНОЙ АЛЕКСАНДРЫ ИВАНОВНЫ.

Родилась в 1903 году в с. Верхняя Тойма Архангельской области, в семье крестьянина.

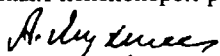
Окончила 3 класса женской гимназии, школу II ступени. Сольвычегодский педтехникум в 1922 году и Вологодский пединститут (физмат) в 1937 году. Работать начала в 1922 г. в школе-семилетке в с. Верхняя Тойма. С переводом мужа ветврача Мухина С. В. в Московскую область работала в г. Озеры учителем физики. С 1933 г. с переводом мужа в г. Вологду начала работать учителем математики, завучем ср. школы № 27, с 1937 г. — директо-

ром женской школы № 3, и с 1945 г. — директором мужской ср. школы № 1 г. Вологды до отхода на пенсию в 1959 году.

Была депутатом Вологодского горсовета 2-х созывов, председателем комиссии по народному образованию при горсовете. Член партии с 1947 года. Награждена ОРДЕНОМ ЛЕНИНА в 1952 г., ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ в 1949 г. В 1952 году было присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР.

Являюсь персональным пенсионером республиканского значения.

20.08.89 г.

(А. И. МУХИНА)

Совсем иным человеком был наш математик и физик Сим Борисович Норкин. Личная судьба его была тяжелой. Вслед за расстрелом отца, крупного инженера-химика, и мать — попала в ссылку, а шестнадцатилетний сын — студент МВТУ имени Баумана очутились в лагерях ГУЛАГА. Вернувшись оттуда через десять лет, Сим Борисович с отличием закончил сразу два института — физмат Вологодского педагогического и мехмат МГУ. Тем не менее в городе работы ему не дали — отправили учительствовать в район. На свой страх и риск (по тем временам — немалый) через год его взяла на работу в Первую школу Александра Ивановна Мухина. Учащиеся сразу же полюбили нового учителя за добрый нрав, за прекрасные, я бы даже сказал, красивые уроки. В этом человеке естественно уживались врожденная интеллигентность и твердость суждений, вынесенное из лагерей знание темных сторон жизни и добрый оптимизм. Ребята с теплым юмором звали его “наш Синус Борисович”. Про него же нельзя было сказать, что он любит ребят: он их уважал. Едва ли не единственный среди нас он обращался к старшеклассникам на Вы.

На физику и математику многие ребята научились смотреть его глазами. Среди его учеников — доктора и кандидаты наук, заслуженные учителя. Сам же Сим Борисович уже много лет — профессор Московского автодорожного института.

В официальном списке его публикаций около полутораста работ. В их числе — монографии, изданные в России и в США.

Чтобы читатели не подумали, что работали мы в каком-то бесконфликтном пространстве, на одних положительных эмоциях, расскажу об одном эпизоде, хотя для милейшего человека Сим Борисовича воспоминание о нем, вероятно, будет не из приятных. Но из песни слова не выкинешь...

Сим Борисович заканчивал урок в десятом классе, а хулиганистый парень из девятого все время открывал дверь и выкрикивал

непристойности. В очередной раз, когда дверь открылась, Сим Борисович, человек крупный и сильный, поймал парня за ворот, как известный Волк известного Зайца. В таком виде он и доставил его в учительскую. И тут при всех учителях и родителях парень обрушил на Сима Борисовича поток сквернословия. Произошел взрыв: Сим Борисович дал ему такую затрещину, что парень улетел под знаменитый подковообразный стол, за которым заседал когда-то Совет Реального училища. Вспышка гнева Сима Борисовича была бурной, мы едва смогли привести его в чувство. Парень же стрелой выскочил в открытую дверь учительской и попал прямо в руки десятиклассникам, наблюдавшим всю эту сцену. Теперь нам пришлось спастись от ребят, вставших за честь любимого учителя.

Конфликт обсудили в тот же день в кабинете директора. Вспоминается такая деталь: у Сима Борисовича, человека далекого от военных порядков и нравов, не всегда складывались отношения с военруком школы Владимиром Андреевичем Рзяниным — отставным майором с двумя орденами Боевого Красного Знамени. Но, оказавшись в директорском кабинете, Рзянин по-военному четко сформулировал свою позицию: “Нештатные ситуации иногда требуют от офицера действий, не предусмотренных Уставами”. Сказал и вышел из кабинета, ни на кого не глядя... Александра Ивановна без всяких назиданий констатировала: “Будем считать, что я объявила вам взыскание”. Коллег мы попросили не предавать эту историю огласке. А девятиклассник притих настолько, что узнать его было трудно.

Слух об инциденте все-таки достиг горкома партии: оттуда потребовали затеять новое разбирательство. Но Александра Ивановна твердо ответила: “Я его наказала и больше не собираюсь возвращаться к этому делу”.

Вскоре Сим Борисович получил документы о полной реабилитации и вернулся в Москву. В школьной книге приказов я не нашел ни строчки об этом инциденте.

Но время иногда сочиняет довольно странные и неожиданные продолжения в книге жизни: недавно я узнал, что “пострадавший” в той истории парень с годами стал хорошим учителем.

Не очень долго работала при мне в Первой школе Ангелина Сергеевна Гниденко — человек чудесный, и учитель от Бога. Она очень хорошо владела методикой преподавания, читала массу методической литературы, всеми новинками делилась в коллективе.

Работу в школе она совмещала с должностью завуча Института усовершенствования учителей. А ее “ребята милые”, как она любила

говорить, до поздней ночи засиживались в институте, решая самые головоломные задачи.

И в учительском коллективе, и среди учеников я не знал ни одного человека, кто мог бы сказать о ней хоть одно недоброе слово. Она первая в нашей области была награждена медалью имени Крупской. В коллективе школы выросло много директоров вологодских школ. Ангелина Сергеевна — одна из них.

Весь этот ансамбль дополняли молодые учителя Наталия Петровна Кононова, ставшая с годами ведущим математиком города, и Елена Ивановна Колегова, отличавшаяся редкой способностью из самых сборных классов организовывать дружные и работоспособные коллективы.

С завучем Ириной Павловной Крыман ладить было непросто. Женщина жесткая, язвительная на язык, она отличалась предельной требовательностью — вплоть до формальных мелочей, терпеть не могла возражений. С первой же встречи я нарвался на конфликт, но опытные коллеги подсказали: “Не горячись, не лезь на рожон. В ее советах много полезного. Благодарни ее чаще за помощь, бери то, что покажется полезным, а то, в чем сам уверен, делай по-своему”. Я вспомнил древнюю мудрость: “Из двух спорящих прав тот, кто первым умолкает”. Скоро все стало на свое место: мы долго и хорошо сотрудничали с Ириной Павловной.

Удивительно непохожими друг на друга были наши учителя литературы. Маргарита Александровна Кудряшова отличалась влюбленностью в свой предмет и в “своих мальчиков”. Однажды я позволил себе нелестно отозваться об одном из них и тут же получил такой отпор, что сразу поверил в “особые черты” этой личности. И в самом деле, стал тот парень генералом-летчиком. Именно эта вера в ребят была, вероятно, источником ответной любви, которую дарил ей старшеклассники. А младшие просто побанвались ее строгости. Педагогический талант Маргариты Александровны полностью раскрылся, когда она стала директором школы, той самой “нашей Первой”, которую она сама окончила в 1939 году.

Другая Маргарита — Витоль — была дочерью латышского стрелка-революционера, загубленного репрессиями тридцать седьмого года. В войну она добровольно ушла на фронт и была хирургической сестрой в медсанбате. Насмотревшись крови и страданий, она поменяла медицину на литературу. В отличие от Маргариты Кудряшовой Маргарита Витоль любила и умела работать с младшеклассниками. Хорошо помню, какой гордостью горели глаза семиклассников, когда она на День Победы пришла при всех орденах и регали-

ях! Ее классы всегда отличались организованностью.

Милейшая и скромная Анна Философовна Чистотина во всех отношениях была чество и совестью педагогического коллектива, как бы хранителем многолетних и славных традиций школы. Ее уроки литературы были самыми традиционными, но отличались особой душевной тонкостью. Когда говорят о роскоши человеческого общения, имеют в виду общение именно с такими людьми.

Наконец, совершенно особой в своем роде личностью был литератор Владимир Дмитриевич Четверухин. Я уже рассказывал, что прошел он войну и тяжелый плен, проверки в наших лагерях... Какой-то особой методой не владел, но качество его уроков сильно зависело от сугубо личного отношения к тому или иному писателю. Помню, как попал к нему на урок по творчеству Лермонтова: весь час он читал наизусть стихи с самыми малыми комментариями. Это был не урок, а спектакль одного актера. Со звонком он сказал: "...А учебник прочтите сами со страницы... и до страницы... Спасибо!" Я первый раз услышал, что учитель благодарит учеников за урок.

Характера он был труднопредсказуемого, за что частенько попадал в опалу. С ребятами мог обсуждать самые "скользкие" и непрограммные вопросы.

Владимир Дмитриевич иногда творил педагогические чудеса. Я был уже директором школы № 7, когда к нам из поселка Лоста передали целый седьмой класс с очень плохой подготовкой и еще более плохой организованностью. Учителя просто отказались от класса, и тогда я пригласил Владимира Дмитриевича. Он выговорил возможность одну четверть поработать с ребятами без всяких посещений и проверок, а еще сам попросил дать ему и классное руководство.

Уже к Новому году мы не узнавали класс. Весной ребята сдали экзамены по всем предметам не хуже остальных.

Иногда "благожелатели" намекали мне на "не совсем педагогические" приемы Владимира Дмитриевича, но ведь и класс у него был не совсем обычным... Итог педагогического эксперимента оказался прекрасным. Признали это все. Удача Владимира Дмитриевича косвенным образом прибавила кое-что и к моему директорскому авторитету.

Пример добросовестнейшего отношения к работе и удивительной личной скромности являл учитель физики, а в прошлом офицер-танкист Владимир Анатольевич Кузьминский. Окончил он эту же школу, прошел войну, учился у своего же отца, заведовавшего кафедрой физики в пединституте. В его трудовой книжке две запи-

си: “Принят учителем в школу № 1” и “Уволен из школы № 1 в связи с выходом на пенсию”. Одному Богу известно, как умудрился он за сорок лет не повысить на ребят голоса. На уроках — никаких “сверхэффектов”, новаторских методик. Зато — четко продуманный план, большая информативность каждого шага, индивидуальный подход к ребятам. За долгие годы знакомства я почти не слышал его выступлений на педсоветах или методических комиссиях. Но он любил и умел слушать, слушать с задумчивой улыбкой. И это тоже привлекало к нему ребят и коллег.

По-своему оригинальным человеком был географ — Анатолий Петрович Тихонов, в прошлом — кадровый командир знаменитой Железной дивизии, не раз раненный, прошедший через плен, партизанские отряды. Свои уроки он часто комментировал примерами из военного опыта. “Посмотрите на карту: здесь мог бы проходить надежный оборонительный рубеж. Слева что? — Болото. Правильно! Труднопроходимое для танков противника препятствие. А справа на фланге что? — Высотка. — Правильно! На ней можно поставить батарею!” Надо было видеть, как его слушали мальчишки. А в старших классах уроки экономической географии часто становились уроками географии политической, наполнялись самыми свежими данными из периодической печати. Анатолий Петрович был, наверное, самым активным читателем библиотеки Дома офицеров.

С лучшими учениками любят работать все учителя, а Анатолий Петрович умел и любил работать с трудными. Когда на педсоветах дело доходило до исключения особо злостных нарушителей дисциплины, последним высказывался Тихонов: “По педагогическим канонам, он, вероятно, заслуживает исключения, но, по моему солдатскому разумению, следует строго наказать и оставить”. Многие его “хлопотные” воспитанники пошли путем Анатолия Петровича в военные училища, а его классы любили называть себя “гвардейскими”. Все он делал обстоятельно и целенаправленно: даже филателия, которой увлекся уже в солидном возрасте, помогала ему на уроках.

Как и Анатолий Петрович, через немецкий плен прошел Владимир Александрович Хомидков — “Папа инглиш”, так его звали ребята. Он отлично владел языком, хорошо разбирался в музыке, немного играл на скрипке. Двоек практически не ставил. Говаривал: “Не хочешь? И не надо! Но не мешай”. Ребята не злоупотребляли его добротой: кто хотел, тот хорошо усваивал язык.

В учительском коллективе слыл Владимир Александрович человеком галантным: умел вовремя заметить и оценить новое платье

или прическу дам, не забывал преподнести цветы к дням рождения. Он и ребят учил этому, по-мужски обсуждал с ними увлечения. Не с каждым из нас ребята были столь откровенны, как с ним. Теперь Владимир Александрович — профессор Пятигорского педагогического института иностранных языков. Преподавал он и в Англии.

Однажды я оказался в купе поезда “Красная Стрела” с человеком, читавшим немецкую газету. Меня он узнал первым. Это был выпускник нашей школы, золотой медалист, а теперь — ведущий специалист-химик оборонного НИИ. Я спросил о немецкой газете. “Вы меня заразили химией, а Зельман Шмулевич — немецким языком!” Оказалось, что он так увлекся языком со школы, что всю жизнь занимался сам и даже преподавал искусство технического перевода.

“Железный Зельман” пришел в школу еще в 1945 году, не имея законченного специального образования. Такое имя он получил от ребят за жесткую требовательность, а еще, наверное, за то, что, живя в комнатке при школе, каждое утро занимался с гантелями. В сороковом году он бежал из Польши в Советский Союз и, как тогда водилось, оказался сразу на лесозаготовках в Вологодской глубинке. Еще не овладев русским, стал помогать тамошним детям в немецком, а в войну, когда учителей катастрофически не хватало, сам оказался в роли преподавателя. Проверяющие отметили, что через год дети научились общаться между собой на языке. И неудивительно: ведь немецкий язык стал языком общения с учителем. Закончил затем Зельман Шмулевич Щерцовский два факультета — немецкого и английского языка.

Уроки его всегда были насыщены и индивидуальной и групповой работой. Каждый элемент урока заранее продуман, ни минуты не теряется даром. Требовательность — предельная, похвалы — скупы. Ни слова по-русски. Но иногда “Железный Зельман” срывался: “Бездельник! Зеленого понятия не имеешь! Марш на место! Слушай сюда!” — четкий польский акцент гремел в классе. И ребята не только не обижались, даже горделиво рассказывали: “А здорово он меня сегодня отчитал!”

В школьные годы мы были одними из первых учеников Зельмана Шмулевича. За войну у нас сменилось много преподавателей, но знания наши в “фашистском языке” оставались аховыми: никто не хотел его учить. С приходом “Железного Зельмана” все изменилось в корне: сначала драконовскими методами он заставил довольно быстро ликвидировать наше “дремучее невежество” в языке, а потом дело пошло как по маслу. Мы почувствовали “вкус к языку”. Но

оценили мы Зельмана Шмулевича по-настоящему позднее. Вот что пишет мне наш одноклассник Володя Филиппов почти через полвека от нашего выпуска.

“1947 год. Мы с Юрой Ушаковым (тоже из наших) поступаем в военно-морское инженерное училище. Экзамен по немецкому языку. В комиссии двое преподавателей из училища и трое штатских. Выходит отвечать Юра: ни одного слова по-русски. Оценка “Отлично”. Выхожу я, и снова та же ситуация. После экзамена нас обоих пригласили на беседу: откуда такие знания в языке, такое правильное произношение? Узнав, что мы из Вологды, один из членов комиссии говорит: “Вот тебе и провинция! Какое знание языка! И это в обычной школе.. Какой прекрасный педагог готовил этих ребят!” Как же мы были благодарны Зельману Шмулевичу, как легко было заниматься потом языком. Я и до сих пор свои специальные тексты могу читать без словаря”.

А Юра Ушаков к этому рассказу с легкой и многозначительной улыбкой добавил: “Не с того ли самого экзамена на меня “положили глаз”? Не тогда ли отобрали на военно-дипломатическую службу?”

Опираясь Зельман Шмулевич не только на жесткость требований. Вместе с шефами создал в школе первый в области лингафонный кабинет, долго еще превосходивший по методическим возможностям заводские образцы. Участвовал во многих союзных конференциях с докладами. Сегодня среди преподавателей факультета иностранных языков Вологодского пединститута много учеников Зельмана Шмулевича — от ассистентов до профессора. И сам Зельман Шмулевич — ведущий преподаватель в институте, заслуженный учитель школы России. Это его стараниями заложен фундамент нынешней Первой школы — школы с углубленным изучением английского языка. Воистину, стал наш “Железный Зельман” живой легендой Первой школы! Благодарен и я — один из первых его учеников.

Биологом в школе была Людмила Александровна Болдырева, моя приятельница по студенческим годам. Институт она окончила блестяще, но были в ее характере две черты, немного мешавшие в работе. Во-первых, порой ей доставало уверенности в себе: ее обуревали сомнения в том, что делает, правильно ли поступает. Оттого она становилась суетливой, не до конца последовательной. Второй недостаток проистекал из ее несомненных достоинств: она очень любила ребят и не всегда могла сочетать эту любовь с требовательностью. Находились такие, кто злоупотреблял ее добротой, но боль-

шинство любили на уроках слушать эмоционально окрашенную речь Людмилы Александровны. Недаром многие с ее уроков начали свою дорогу в медицину и биологию!

Два фронтовика преподавали в школе историю. Без ноги вернулся с фронта выпускник этой же школы Валерий Венедиктович Починок. Происходил он из семьи потомственных вологодских интеллигентов. Уроки вел интересно, учил ребят думать, сопоставляя и оценивая исторические события. И с учащимися, и с коллегами держался ровно, с каким-то особым внутренним достоинством. Но до конца его талант раскрылся тогда, когда он стал директором школы, а затем и заведующим Вологодским гороно. Это был прекрасный администратор, умевший дипломатично строить отношения и с руководством, и с подчиненными.

Приходилось ему принимать, как теперь говорят, и непопулярные решения, но он умел объяснять людям их необходимость. Я завидовал его долготерпению в общении с людьми: мне такого часто не доставало.

Интересным человеком был историк Сергей Дмитриевич Куприянов. Воевал в морской пехоте, был ранен.

На уроках постоянно втягивал учеников в дискуссии, споры. “А иначе, — говорил он, — не интересно”. Вместе с ребятами и учителями собрал музей истории школы, создал зал Боевой Славы выпускников. Отношения Сергея Дмитриевича со старшеклассниками были несколько короче, чем это принято. На дальней скамейке в сквере он мог угостить папироской одиннадцатиклассника, а другому сказать: “Не кури! Посмотри на меня: вот что делают с человеком болезни!” А выглядел он в последние годы совсем плохо: после войны его мучил тяжелый диабет. Когда становилось плохо, он извинялся перед классом и прямо с урока спешил в директорский кабинет, где всегда хранились шприцы с инсулином. В это время ребята самостоятельно работали с учебниками или слушали чьи-то интересные рефераты, которые Сергей Дмитриевич любил раздавать в качестве зачетных.

Выпускник первой школы Станислав Галуничев рассказывал мне, как весной, прервав рассказ посередине урока, Сергей Дмитриевич вывел ребят на берег реки, где саперы взрывали ледяные заторы около старого деревянного Красного Моста.

“Смотрите, ребята, как красиво! А скоро этот мост снесут, построят бетонный, и то, что вы сейчас видите, станет для людей историей...” Это же очень здорово: научить ребят видеть и ценить историю в дне сегодняшнем!

Было горько хоронить этого человека: ушел он одним из первых, незадолго до того получив звание заслуженного учителя.

Вместе с нами работал и брат Сергея Дмитриевича — Алфей Дмитриевич. Он вернулся с фронта, потеряв глаз. Преподавал географию и военное дело. Был он очень добрым человеком и честным тружеником, но ему не хватало эмоциональности, живости на уроках. Может быть, стесняясь своего ранения, он был несколько замкнут, малоразговорчив. Погиб он трагически: все из-за того же фронтового ранения не заметил приближающийся поезд...

Не нужно говорить, какую роль в мужских школах должны были играть уроки физкультуры. Однако школа, расположенная в старинном здании, практически не имела спортзала. И в этих сложных условиях Игорь Александрович Кузнецов умудрялся делать много интересного и нужного: школа славилась своими спортсменами. Под его руководством девочки-баскетболистки стали победительницами первенства России.

У Игоря Александровича были золотые руки. Он мог нарисовать портрет, выполнить резьбу по дереву, изготовить мебель, починить автомашину. К ребятам подходил всегда с улыбкой, часто — с шуткой или легким розыгрышем. Это нравилось. Позднее Игорь Александрович стал директором детской спортивной школы, вырастил целое поколение прекрасных баскетболистов, с которыми летал в качестве тренера даже в Америку.

С уходом на пенсию С. В. Смирнова на должность учителя рисования и черчения в школу пришел отставной офицер КГБ Флегонт Флегонтович Лебедев. Педагогического образования он не имел, но зато умел замечать и поддерживать детские таланты. На выходные дни вместе с ним на этюды в природу уходили большие группы ребят из разных классов. Среди его воспитанников из Первой школы есть большие художники и архитекторы. И сегодня Флегонт Флегонтович пишет картины с фантастическими сюжетами открытой им самим “планеты Ле-Фле” (Лебедев Флегонт).

И еще не могу не вспомнить об уроках, которые нам давала инспектор облоно Галина Ивановна Коркина, курировавшая нашу школу. На всю область она была известна своей строгостью и компетентностью. Опытные учителя говорили: “С ней не спорят, ее слушают!” Много же надо было знать и уметь, чтобы заработать такую репутацию в учительской среде, всегда склонной к критицизму.

Пришла Галина Ивановна на мой урок, предупредив заранее. Я ждал ее и, конечно, готовился особо тщательно. Пришла, села за последний стол, закрыла глаза и так просидела весь урок. Я был

буквально шокирован: у меня на уроке инспектор спала... Но когда мы начали разбор урока, я услышал такой детальный анализ с дословным цитированием моих оговорок и неудачных выражений, такие компетентные рекомендации, которые и меня сделали на всю жизнь поклонником несомненного таланта этой женщины. Я не боюсь высоких слов: к сожалению, не так часто приходилось сталкиваться со столь компетентными проверяющими. Много раз она бывала на моих уроках, а потом стала приглашать вместе ездить на проверки сельских школ. Для меня эти проверки становились уроками педагогического анализа. Мне она говорила: “Видите недостатки — помогите”.

Но однажды Галина Ивановна устроила мне серьезное испытание. Поздно вечером позвонили: “В Вологду приехал министр просвещения и пожелал, чтобы ему показали уроки молодых учителей. А мы готовили к посещению уроков опытных. Поэтому я прошу вас, быть готовым к такому визиту”. Министр пришел на рядовой урок в десятый класс. С ним пришла и его свита. Ребята меня не подвели. Да и сам я сумел собраться: на пользу пошла наука, когда я провалил свой первый урок в вечерней школе, испугавшись визитеров.

Со звонком все посетители ушли, не сказав мне ни слова, будто меня забыли вовсе. Тут-то я и растерялся под градом вопросов своих коллег: урок как урок, а реакция — нулевая... Только на итоговой встрече министра с учителями города я услышал с трибуны: “Урок крепкий, время спрессовано, знания учеников говорят о систематичности такой работы молодого учителя”. Проща моя обида на Галину Ивановну, “подставившую” меня под столь трудное испытание. Мы были дружны, и я не переставал долгие годы удивляться ее жизненной энергии.

Годы работы в Первой школе позволяли по-новому осмыслить и прописные истины, и устоявшиеся традиции, и привычные слова.

Позволю себе небольшое отступление и спрошу: вы никогда не задумывались над семантическим разнообразием слова “школа”? В привычном толковании оно обозначает и учреждение, где обучают и воспитывают детей, и само здание этого учреждения. Но мы говорим и о скрипачах школы Ойстраха, о художниках голландской школы натюрморта, о певцах итальянской школы. На соревнованиях фигуристы выполняют упражнения, называемые школой”.

Можно было бы посоветовать на бедность языка, как это делается в известной присказке о встрече школьных друзей: выяснилось, что многие бывшие одноклассники занимаются чем-то похожим... Первый изучает корни растений, второй — корни слов, третий — выры-

вает корни зубов, четвертый — извлекает корни из чисел, пятый — пытается искоренить преступность...

Но ссылки на язык были бы отражением лишь внешней стороны семантических противоречий. Заглянув в словари, вы убедитесь, что почти все они говорят о греческом происхождении слова “школа”. Однако многие умалчивают о том, что слово это когда-то означало “досуг”. Вероятно, авторов смущает кажущееся парадоксальным несовпадение современных понятий “школа — досуг”. Именно эти мысли я записал когда-то в свою тетрадь, как требующие ответа.

Только позднее, читая древних авторов, я понял, что досугом греки называли вовсе не время отдыха, а время, свободное от физического и ратного труда, свободное от развлечений, время, отводимое ими на самосовершенствование, на образование. Греческий досуг требовал предельного напряжения воли, концентрации внимания, памяти, всех душевных сил. Досуг был временем максимально напряженной умственной деятельности, не допускал лености мысли, которую Диоген считал величайшим пороком.

В книге академика И. А. Кассирского “О врачевании”, ставшей едва ли не раритетом, я нашел неожиданно для себя замечательные рассуждения о школе как научном направлении.

Вот, например: “И, может быть, самая важная отличительная особенность школы, направления состоит не в стремлении всегда давать готовые ответы, а постепенно ставить новые вопросы, питать воображение и будить в нем мысль... В школе воспитывается подлинная коллегиальность в научно-исследовательской и педагогической работе. Все учатся друг у друга и — не скроем — старые у молодых, учителя у учеников. Страстное внимание ко всему новому, воспитание чувства нового у своих учеников, творческое понимание значения больших и новых проблем, выдвигаемых жизнью, практикой... борьбы с тянущей назад “силой привычки” — основная задача в деятельности любой научной школы”.

Академик имел в виду клиническую научную школу, но разве то же определение не годится для творческого педагогического коллектива, желающего работать, как теперь говорят, “в режиме развития”? Именно такой “школой педагогов” хотела видеть свою Первую школу Александра Ивановича Мухина.

Парисованный мной коллективный портрет педсовета первой школы образца пятидесятых годов наверняка не полон и, конечно, далек от совершенства. Но, выражаясь близким мне с детства языком музыки, я постарался дать штрихи к портретам солистов замечательного ансамбля.

Разные по характерам, по культуре, по жизненному опыту эти люди были самобытными Личностями, способными воспитать Личности из своих учеников. В классической педагогике давно известна формула: “Педант может воспроизвести только педанта”.

Сила Первой школы была и в том, что из этих “педагогических разностей” складывался единый ансамбль, в котором Александра Ивановна Мухина была прекрасным дирижером, блестящими концертмейстерами — ее помощники — завучи.

Был, конечно, и еще один ключик к успехам этого педагогического коллектива: по крайней мере, в старших классах почти половину учителей составляли мужчины, многие из которых прошли трудными дорогами войны. Не очень разговорчивый и не очень красноречивый военрук майор Рзянин однажды буквально выдавил из себя: “На фронте каждый день перед нами были враги, а здесь — дети... Это же надо понимать...” К сожалению, сегодняшние школы практически забыли о мужских педколлективах. А жаль!

В 1991 году в московском издательстве “Просвещение” вышла книга для школьников “О природе”. Ее автор — наш золотой медалист Михаил Балашов — на первой странице поместил посвящение: “Мой скромный труд — моим умным и добрым учителям школы № 1 г. Вологды: А. И. Мухиной, А. Ф. Чистотиной, С. Б. Норкину, З. Ш. Щерцовскому, С. Д. Куприянову, В. В. Починку, благодарная память о которых всегда со мной”.

Должен сказать, что это посвящение — не просто знак признательности бывшего ученика, а нечто большее. Миша Балашов окончил московский физико-технический институт. Был участником первых команд КВН. Еще в студенческие годы попал в отряд вожатых Всесоюзного лагеря “Орленок”. После недолгой работы в исследовательском институте принял ответственное для себя решение: “Будет лучше, если я подготовлю десяток хороших физиков, чем сам сделаю два-три маленьких открытия в науке!” И стал он одним из лучших учителей физики Москвы. Наверное, на такой шаг в педагогике его подвигли примеры учителей, которых он благодарит в своей книге.

Недавно мы вместе с Михаилом Михайловичем провели семинар учителей физики Вологодской области. Его участники смогли убедиться в оригинальности предложенных методических идей и в высоком личном педагогическом мастерстве ученого-педагога.

Тот семинар был задуман нами как “Фестиваль выпускников Первой школы”. О физике высоких давлений учителям рассказывал золотой медалист, выпускник 1948 года, лауреат Государственной

премии Леонид Юрьевич Максимов, об акустике — его одноклассник кандидат технических наук Генрих Павлович Калугин. А об успехах ядерной физики и атомной энергетики учителя прослушали лекции заместителя директора института из Обнинска доцента Валерия Михайловича Лебедева. Выпускник Первой школы, он посвятил выступление памяти отца — учителя математики той же школы.

О своем опыте преподавания физики рассказали прекрасные педагоги Майя Игоревна Лобанцева и Анна Михайловна Гришаева. Они тоже выпускницы Первой школы.

Во время лекций я сидел сбоку, наблюдая за своими друзьями-учеными, и невольно сравнивал их с нашими учителями. Слушал и думал: “Хорошее яблоко падает недалеко от хорошей яблони”.

Надо же было такому случиться: почти тогда же в издательстве Санкт-Петербургского университета вышла в свет принципиально важная для педагогики книга. Ее автор — тоже медалист первой школы Владислав Гинецинский. Закончив философский факультет ЛГУ, он стал профессором кафедры педагогики университета. Книгу “Основы теоретической педагогики” открывают трогательные строчки: “Памяти моего отца, Нихамкина Бориса Григорьевича, погибшего под Сталинградом в 1943 году, и моего отчима, Гинецинского Ильи Григорьевича, посвящается”.

В этом посвящении — связь поколений. А для меня было большой честью получить книгу с дарственной подписью: “...с ученическим почтением. Автор”.

Читая книги с такими надписями от профессоров И. О. Шайтанова и Г. А. Воробьева, от кандидатов наук В. М. Лебедева и М. М. Балашова, от других выпускников Первой школы, невольно вспоминаю любимую мысль моего научного руководителя по годам аспирантуры заслуженного деятеля науки, профессора Степана Афанасьевича Балезина: “Учитель! Воспитавай ученика, чтобы было у кого учиться”.

Ловлю себя на мысли, что мог бы долго рассказывать о выпускниках школы. Но на встрече с учителями и учениками Михаил Михайлович Балашов предложил коллективно написать книгу “О времени. О школе. О себе”. Верю и надеюсь, что такая книга рассказов тех, кто работал и учился в Первой школе, станет хорошим документом эпохи.

Пусть ни на меня, ни на Михаила Михайловича Балашова не обидятся те коллеги, которых мы не упомянули поименно в посвящениях и воспоминаниях. Так, в школе были замечательные учителя начальных классов. Просто я со своей химией был от них не-

сколько удален.

Как и в других школах, вероятно, и у нас встречались менее удачные педагоги. И у тех, кого я упомянул выше, были свои недостатки и промахи, может быть, даже серьезные. Но, к счастью, не они определяли лицо и дух школы. А дух этот утверждал в детях культ знаний, уважение к человеческому интеллекту. Я уже говорил, что специального отбора детей в школу не было, но что слыла она элитарной, престижной.

Традиционно в школу после Вологодского педагогического института возвращаются многие выпускники, да и в самом институте сегодня работают выпускники Первой школы чуть ли не на всех кафедрах.

Из школы тех лет вышло много серьезных ученых: в знаменитом городе науки Обнинске и по сей день есть целое землячество вологжан из Первой школы. Среди “наших” есть Герон Советского Союза, Герой Социалистического Труда, посол России, профессора МГУ и ЛГУ, Московского авиационного института, преподаватели знаменитой Бауманки. Есть заслуженные артисты, учителя и врачи, командиры атомных подводных лодок, генералы авиации, директора крупнейших заводов, министры. Были даже крупные деятели разведки.

На крутом повороте очередной школьной реформы в самом конце пятидесятих годов кому-то из местных начальников не понравилось то, что более девяноста процентов выпускников школы поступали в вузы. “Что это за элитарность? Вы просто кичитесь культом знаний! А где рабочие из ваших выпускников? Почему их нет на вологодских стройках?” — с сугубо классовых позиций было заявлено нам. И ввели в школе производственное обучение по специальностям штукатур-маляр и повар-кулинар, а классы углубленного изучения иностранных языков закрыли. Многих ведущих учителей практически принудительно перевели в другие школы, хотя, справедливости ради, следует сказать, что переходили они на новые места с повышением.

Потребовались героические усилия оставшихся и вновь пришедшей молодежи, чтобы сохранить традиции, наработанные годами. Ветераны Первой школы благодарны новому поколению ее руководителей, молодым учителям, благодарны и ребятам за то, что дух Первой школы живет и развивается. Поддерживают его Ирина Николаевна Соловьева, Ирина Марковна Ушкалова, Людмила Николаевна Мазалецкая, Людмила Ивановна Семерикова и целая плеяда учителей, многие из которых сами учились в этих стенах.

ПУТИ К ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ УДАЧЕ

Новое есть хорошо забытое старое

Еще в 1968 году я опубликовал в “Красном Севере” педагогические раздумья, в которых и сегодня не хочу изменить ни одного слова. Они — тоже о школе Первой.

В ГОСТИ к ученикам одной из вологодских школ пришел врач. На детских лицах — неподдельный интерес и восхищение сложным искусством хирурга, оперирующего человеческое сердце. В глазах учителей — гордость, особая учительская гордость за своего бывшего ученика, ставшего руководителем большого научного коллектива.

О чем говорит гость? Вспомнивая школьные годы, сознается, что не был отличником, не выделялся среди сверстников блестящими способностями. “Но я счастливый человек. Мне в жизни везло: рядом со мной всегда были хорошие учителя!”

Вспоминают и учителя, как в вихрастом подростке разглядели увлекающуюся натуру, способную целиком посвятить себя понравившемуся делу. Жизнерадостность и личное обаяние, умение в трудную минуту прийти на помощь другу ставили его всегда в центре ребячьего коллектива.

На этих чертах опытные педагоги “спроектировали”, как говорил Антон Семенович Макаренко, личность своего воспитанника. Из большого увлечения спортом вырос интерес к возможностям человеческого организма, а отсюда был близок путь в медицину. Юношеское стремление помочь людям развилось в воспринятый всем сердцем профессиональный долг врача.

В таких случаях говорят: “Педагогическая удача!” А как хочется, чтобы подобная удача стала нормой!

...Сорок пар глаз смотрят на учителя во время урока. Сорок разных характеров, сорок разных миров. А ведь в каждый из них нужно заглянуть, суметь понять его, вовремя развить склонности,

поддержать интересы, из искры детского любопытства разжечь пламя любви и стремления к знаниям. Без глубокого знания индивидуальности ученика нельзя ждать педагогической удачи!

Трудности учителя начинаются с урока. Работая над конспектом, легче всего ориентироваться на некоего “среднего ученика”. Нужно большое педагогическое мастерство, чтобы на этом уровне в равной мере оказались загруженными “блестящий отличник” и “махровый троечник”. И если не сумел решить учитель эту задачу, то к концу первой же четверти в классе появятся безнадежно отставшие, кандидаты на второгодничество и отсеив, а рядом с ними без повседневных упражнений и должной нагрузки будет чахнуть пытливым ум.

Легкий выход из этого положения — опуститься учителю в своих требованиях до уровня посредственных учеников: для них подобраны легкие упражнения, на них рассчитан замедленный темп урока, “разжевывается” новый материал... “Троечник” обучен. Неудачных нет. Но какой ценой? Ценой полной обезлички коллектива. Потухли маяки, остался незамеченным талант, в учениках не воспитывалось чувство радости напряженного труда.

А вот урок английского языка в средней школе № 1 г. Вологды. Ведет его заслуженный учитель школы РСФСР З. Ш. Щерцовский. Приготовлены магнитофонные пленки с записью текстов и упражнений разной степени трудности. Еще дома, работая над планом, учитель наметил “кому что”. Каждый вопрос, каждое задание, как снаряды, ложатся в цель. Ученик А. плохо усвоил прошлую тему: ему специальное упражнение. Ученик Б. давно интересуется английским языком. Ему текст повышенной сложности. Каждому по способностям! Итог такой работы — 85 процентов хороших и отличных ответов на экзаменах.

Мне могут возразить: такое возможно только в хорошо оборудованных кабинетах отдельных школ. Да, технические средства обучения открывают перед учителями большие возможности. Но разве многие наши лучшие учителя не используют простые карточки с индивидуальными заданиями, не продумывают систему вопросов разной степени сложности к каждому уроку?

Методами индивидуализации требований к ученикам в совершенстве владеют такие лучшие учителя нашей области, как В. В. Паничев, З. С. Медынская, С. Д. Куприянов, Е. И. Илюшичева, З. А. Кузнецова, Н. Д. Воробьева и многие другие.

Уроком не кончается работа учителя. Немалая доля времени тратится на консультации. Но в учительской можно слышать сокру-

шенный голос педагога: “Сколько занятий провел я с отстающими, а класс все равно контрольную написал плохо!” Время потрачено, а результат невелик. В чем причина? Этот вопрос является частью проблемы научной организации учительского труда.

Для ответа на него следует выяснить: нет ли у учителя помощников в борьбе за качество знаний? Таким помощником учителя может и должен стать сильный ученик. Настало время вновь вспомнить и принять на вооружение незаслуженно забытое в целом ряде школ действенное средство — взаимопомощь учащихся.

Хорошо помню, как организовывала такую работу первая в Вологде заслуженная учительница школы РСФСР Е. К. Монастырева. Ее консультации были рассчитаны, как правило, на наиболее сильных и хорошо подготовленных учеников, увлекающихся математикой. Решались усложненные задачи, анализировались нетрадиционные доказательства теорем, возбуждался и развивался интерес к предмету.

Такие консультации и математический кружок формировали вокруг Екатерины Константиновны актив математиков. И вот этому активу поручалась работа с теми, для кого математика становилась камнем преткновения. Задания были самыми различными, но всегда строго индивидуальными. Часто старшеклассники получали “в обучение” младшеклассников. Екатерина Константиновна же только направляла, принимала работу своих помощников.

И можно было слышать от старой учительницы такие слова, обращенные к юному математику: “Нет, ты еще не можешь претендовать на пятерку. Хотя сам ты и решил хорошо эти задачи, но объяснить товарищу не сумел. Только тот заслуживает отличия, кто может сделать свои знания достоянием людей!” Гораздо чаще работа достигала своей цели.

Что дает такая постановка работы учителю? Вокруг него группируется прочный ученический актив, силы учителя множатся на число его помощников. А главное, экономится драгоценное время учителя.

Что получает отстающий ученик? Своевременную помощь товарищей по учебе. А сильный? Знания его углубляются, развивается логическое мышление и речь. Ведь есть доля правды в старой шутке: “Пока другому объяснял, и сам понял!”

Но главный выигрыш получает коллектив. В общем труде он крепнет, развивается чувство локтя. В таком классе каждый найдет себе дело по вкусу и способностям.

И еще об одном хочется сказать. Всегда ли мы в педагогической

практике помним пример Менделеева? Почти все годы учебы в гимназии он был неуспевающим по латыни. И тем не менее стал Менделеевым!

При современной перегрузке школьных программ часто возникает типичная ситуация: увлекшись книгой по химии, юноша не успел закончить сочинение или выучить урок по географии. А наутро — неприятные объяснения с учителями. И пусть простят мне коллеги, но мы еще редко относимся с пониманием к просьбам таких учеников. Чаще просыпается в нас неуместное чувство ревности: “Как? Химию ты нашел время учить, а вот для моего предмета не оставил и получаса!” Но обратимся к самим себе с вопросом: все ли свои дела мы, взрослые, делаем с одинаковым интересом и желанием? Все ли и всегда успеваем сделать вовремя? Искренний ответ поможет нам правильно понять ученика.

Мы выступаем не против всестороннего развития личности, не защищаем лодыря. Но уважать увлеченность ученика каким-либо из предметов — первейший учительский долг. И не случайно мой бывший одноклассник, ныне кандидат медицинских наук, недавно сказал мне полушутя, полусерьезно: “Из всех учителей я больше всего благодарен биологу, поддерживавшему во мне интерес к медицине, и математику, вовремя понявшему, что Пифагора из меня не получится!”

Статистика показывает, что ежегодно в школах остается на второй год большое число детей. Все предметы усвоены, а, скажем, по иностранному языку или физике двойка. Но ведь и физика, и иностранный язык будут изучаться в следующем классе. Может быть, целесообразно продолжить обучение этого ученика именно там?

Может быть, вместо того, чтобы заставлять повторно проходить все дисциплины, лучше путем индивидуальных заданий и консультаций ликвидировать отставание по одному предмету в следующем учебном году? И ученика это убережет от психологической травмы второгодничества, и государство сэкономит огромные средства. Нужен широкий педагогический эксперимент, чтобы однозначно ответить на эти вопросы.

Педагогические удачи можно ждать только там, где в центре внимания учителя находится ученик со всей многогранностью его личности.

УРОКИ МЭРА

*Мне обидно, когда молодое горячее племя,
Продолжая комедию ярмарки прошлых веков,
Всю вину за просчет, тормозящий летящее время,
Громоздит беспощадно на спины седых стариков*
М. Дудин

Р АССКАЖУ о памятных для меня и значимых встречах с председателем Вологодского горисполкома Семеном Ивановичем Гоглевым.

В середине пятидесятых в нашей семье появился сын. Жили мы в маленькой комнатке студенческого общежития, отгороженной фанерной переборкой от соседа-пьяницы. Тяжело заболела жена. Надежды на получение жилья не было: нас, как молодых, отодвигали в очереди на далекое будущее. Я вынужден был обратиться к Семёну Ивановичу Гоглеву, которого уже тогда уважительно называли непривычным для России именем — Мэр города.

Это был красивый мужчина с большой головой, я бы сказал, горделиво сидящей на широких плечах. Собеседников он слушал внимательно, чуть повернув ухо в сторону говорящего: это как бы подчеркивало заинтересованность. Но слушал он только до того момента, пока не становился ясным предмет разговора: далее следовали точные вопросы и заключение. Семен Иванович умел беречь свое и чужое время. Спорить с ним было трудно. Особенно он не любил бездоказательных возражений. Мне он коротко сказал: “Оставьте заявление и больше нигде не ходите”. Ордер на комнату я получил через год: больше нас из очереди не вычеркивали.

И до того, и после у меня было несколько встреч с Мэром. Он внимательно следил за делами Первой школы, ценил ее традиции, поскольку там учились его дети.

В летние каникулы мы с Валерием Венедиктовичем Починком замещали школьных администраторов и по делам ремонта пошли к Семёну Ивановичу. Был уже вечерний час рабочей субботы, и Мэр

пригласил нас к себе на дачу на чай со свежим черносмородиновым вареньем.

“Посмотрите на моих химиков: оба приехали на каникулы”, — сказал он с гордостью. Оба его сына кончили Первую мужскую с медалями и учились на химическом факультете МГУ.

Разговор на даче остался в памяти на всю жизнь. Начался он с обсуждения городских новостей. Расспрашивал Мэр Валерия Венедиктовича об истории города, проявляя при этом и свою большую осведомленность. Потом заговорил о качестве воды в реке Вологде, о ее очистке, и я как химик узнал для себя кое-что новое.

Постепенно Мэр укрупнял тему разговора. Он предложил нам самим выделить главные проблемы городского хозяйства. После долгих переборов мы остановились на трех: строительство жилья, канализационный коллектор с очистными сооружениями, наконец, дорожное строительство. “Теперь сопоставьте все это с реальным городским бюджетом”, — предложил Мэр. С его помощью мы стали просчитывать, во что это все может обойтись городу, и быстро убедились в катастрофической нехватке денег. “Так чем же заниматься в первую очередь?” Мы уверенно ответили хором: “Жильем!” Тут-то и начался урок ведения городского хозяйства. Семен Иванович популярно объяснил нам, что без канализации и очистных сооружений жилищное строительство захлебнется через год, окажется нарушенной санитарная безопасность города, что без прокладки коллектора нельзя асфальтировать дороги, что без окружной дороги улицы города разобьет тяжелый автотранспорт. Все это сопровождалось расчетами и в деньгах, и во времени.

Затем Мэр предложил как бы на наше рассмотрение свой план:

— начать с канализационного коллектора и очистных сооружений, чтобы они потом не ограничивали строительство жилья и дорог;

— основные деньги вложить в создание серьезной базы стройиндустрии, чтобы она как можно быстрее была готова развернуть широкое строительство жилья;

— учитывая нехватку средств и предстоящие работы по прокладке канализации, дороги пока не трогать, а ограничиться прокладкой асфальтированных тротуаров взамен знаменитых вологодских досчатых мостков. Тем временем заказать документацию на мосты через реку Вологду для окружной дороги.

Конечно, все это было давно продумано Мэром: он просто хотел проверить реакцию учительства на свои планы. В конце он задал вопрос, который, видимо, больше других волновал его: “Как вы

думаете, как же мне лучше объяснить вологжанам, что в ближайшие годы мы не сможем сколько-нибудь успешно решать жилищную проблему?” Не следует с водой выплескивать ребенка. Отвергая политическую систему прошлого, стоит помнить, что в ее жестоких рамках было много руководителей, которые грамотно и честно вкладывали все силы в службу людям.

На недавних выборах в местную власть баллотировался по моему округу студент политехнического института. Пришел он в наш дом накануне выборов со своим доверенным лицом, чтобы выяснить пожелания избирателей. Задал и я им вопрос: ради каких перспективных дел они хотят участвовать в управлении городом? Услышал я все те же проблемы: жилье, очистные сооружения, дороги... Но никакого представления о стоимости работ, ни о приоритетах, ни о технических возможностях. Пришлось рассказать им об уроках Семена Ивановича. Слушали с большим интересом. И то хорошо!

Вспоминаю и другую идею Мэра. В то время наши газеты шумно требовали загнать речку Золотуху в бетонные трубы, завалить землей, а территорию благоустроить. Семен Иванович пригласил к себе руководителей школ и объяснил: “Такая работа требует средств, превышающих все, что мы имеем на жилищное строительство года. Я хочу предложить вам такое решение. Город закупит саженцы деревьев и кустарников, а вы поднимите школьников и родителей, и без больших затрат мы озеленим берега Золотухи. Сама же Золотуха станет чище с пуском канализационного коллектора. Трубе придется подождать до лучших времен”. Горожане могут сегодня подтвердить правильность такого решения.

Обсуждал с нами Мэр и просвещенческие проблемы: он был категорическим противником хрущевских нововведений. “Где это видано, чтобы интернатное воспитание заменило ребенку семью?” — возмущался Мэр. Он доказывал нам: “Министерство дает деньги на строительство трех школ-интернатов. Это — минимум — шесть корпусов. На эти деньги можно было бы построить пять-шесть школ, ликвидировать в городе вторые смены, а там, милые учителя, хоть до ночи занимайтесь с детьми. А для действительно нуждающихся мы готовы на деньги города сделать хорошую пристройку к детскому дому. Вы тоже так думаете? Правильно! Так почему молчите?” Мы учили детей Мэра. Мэр учил нас.

Сам Семен Иванович не молчал. В итоге очередной секретарь обкома сослал его на работу в Тотьму. Но секретарь, не знавший ни города, ни области, на этой должности провалился, а вологжане вернули своего Мэра на прежнее место. Не могу утверждать, что все

одинаково разделяли взгляды и методы руководства Семена Ивановича: слишком часто ему приходилось принимать непопулярные решения, и не каждый мог понять их необходимость. Я же для себя делал вывод о том, что для исполнения такой должности, кроме компетентности, нужна и смелость.

Жаль, что беспощадный рак рано увел из жизни этого человека, не дав возможности претворить в жизнь далеко идущие планы. А история Вологды и сегодня развивается по сценариям, в общих чертах написанным Семеном Ивановичем.

ЕЩЕ СТУПЕНЬ — ДИРЕКТОРСКАЯ

Я делаю себе карьеру

Тем, что не делаю ее.

Е. Евтушенко.

Т О, КАК я стал директором средней школы № 7, было чем-то похоже на “ударную возгонку”, описанную в известной книге “Принцип Питера”.

На августовском учительском совещании в перерыве меня подзвал Мэр города и без всякого предисловия сказал: “Поучительство-вали — и хватит. Теперь идите и директорствуйте”. И тут же отошел к другой группе учителей. Я даже не понял куда идти директорствовать...

Долго я сопротивлялся новому назначению, но 13 сентября 1959 года меня вызвали на бюро горкома партии. К нему я готовился, формулировал все доводы: от признания своей полной неподготовленности до справки о слабом здоровье. Дождавшись приглашения, зашел в зал заседаний и, не успев подойти к столу, услышал голос секретаря горкома: “Говорят, вы от нового назначения отказываетесь? Хороший учитель, молодой коммунист, а уже ищите легкую работу... Негодно так! Есть предложение утвердить директором. Возражений не вижу. Единогласно! Если будут трудности, обращайтесь к нам. Заведующий отделом сегодня вас представит коллективу. Вы свободны. Пригласите следующего”. Рта я так и не успел открыть...

Следующим был преподаватель пединститута Борис Тимофеевич Лихачев, только что защитивший кандидатскую диссертацию. Кажется, тем же самым приказом его назначили директором в школу № 13. И ему не дали слово вымолвить: такова была партийная дисциплина. Карьера выбирала нас...

И надо же было именно в тот день случиться трагедии: на учеников третьего класса с классного потолка обрушился толстый на-

мет штукатурки. Пострадали многие вплоть до серьезного сотрясения мозга. Немедленно прибыли бригады скорой помощи, тут же приехали и секретари горкома, и Мэр города, еще раньше пришло все руководство льнокомбината, с которым школу связывала хорошая дружба. При таких скорбных обстоятельствах я знакомился с теми, с кем предстояло сотрудничать.

Поздно вечером уходили последними Семен Иванович Гоглев, заведующий гороно Василий Александрович Кузнецов — бывший директор этой школы, директор льнокомбината Николай Иванович Смирнов. Мы обсуждали в деталях экстренные меры по ремонту здания. Я едва успевал вести протокол совещания, где во многих пунктах стояло: "...ответственный — директор школы. Срок исполнения — два дня." Времени на раскачку не было.

Садясь в машину, Мэр пошутил: "Не успел придти в школу и сразу ее развалил... Но ты не горюй! Когда меня назначали председателем сельсовета, он в первую ночь сгорел дотла". Это слабое утешение не улучшило мое настроение. В тот день все пугало плохим предзнаменованием: и тринадцатое число, и трагедия, напомнившая притчу о "плимфе красной", упавший на голову Ивана Грозного в вологодской Софии... Как же мне хотелось бежать обратно в свою родную Первую, к своему классу! Но с утра нужно было начинать ремонт.

Сегодня мне трудно дать объективную оценку тому, что удалось сделать в седьмой школе за три года директорства. Легче сказать о том, чему эта школа научила меня.

Для начала нужно было преодолеть растерянность, естественную в таких условиях, и познакомиться с учительским коллективом. И то, и другое удавалось с трудом: из-за ремонта пришлось отменить на две недели занятия, а учителя со старшеклассниками превратились в чернорабочих при строительных бригадах. Здесь я сразу смог оценить удивительное трудолюбие большинства учителей и их демократичность в отношениях с ребятами. Для себя я отметил тех, которые смогли привлечь к ремонту даже родителей ребят. И не ошибся: именно на этих учителей я и сумел опереться на первых же шагах.

В беседе за вечерним чаем я пожаловался отцу на то, что не могу сделать многих важных дел. Отец, как всегда, немногословный, процитировал Спинозу: "Пока человек думает, что он не может сделать что-нибудь, он не может этого сделать". Я понял, что спасет меня только уверенность в своих силах. Это был первый важный шаг к преодолению растерянности.

Если не считать науки хозяйствования, главным моим делом стала очередная школьная реформа.

Теперь нужно было распределить обязанности, наметить первоочередность дел. Не нарушая традиций, руководство учебным процессом я оставил за завучами и даже расширил их права, а сам сконцентрировался на организации производственного обучения.

Завучи школы стали для меня не только помощниками, но, в определенной мере, моими учителями. Мария Федоровна Кулакова была старожилом школы, хранительницей ее традиций. Именно она помогла молодому директору лучше узнать и прочнее опереться на сильные стороны коллектива. Мария Федоровна — человек выдержанный, спокойный, аккуратный и предельно исполнительный, умела воспитывать и в молодых учителях те же ценные в коллективе качества. Ее собственные уроки всегда отличались четкостью целей и организованностью самого учителя.

Неонила Александровна Завьялова имела большой опыт работы и завучем, и инспектором, досконально знала тонкости административной работы в школах. Ее отличали личная собранность, четкость и последовательность в работе, требовательность к ученикам и учителям. Но за внешней суровостью и строгостью скрывались добродетельность к людям. Она помогала молодым учителям систематически и целенаправленно, вместе с тем, ненавязчиво. Много раз и я избегал административных ошибок по ее деликатным подсказкам.

И Мария Федоровна, и Неонила Александровна относились к тому типу скромных людей, которым часто забывают сказать спасибо за работу, но с уходом которых все сразу чувствуют их организующую роль в коллективе. Коллегиальность в руководстве мы соблюдали неукоснительно.

В 1959 году началась хрущевская реформа образования с созданием единых трудовых политехнических одиннадцатилеток с производственным обучением. Поскольку наша школа располагалась в поселке льнокомбината и была с ним связана традиционно, то мы организовали производственное обучение будущих ткачих, прядильщиц и помощников мастеров по ремонту и наладке текстильного оборудования. Не могу не отметить, что решающую помощь в этом нам оказали все сотрудники комбината до директора — Николая Ивановича Смирнова и главного инженера — Тамары Аркадьевны Каратаевой до всех начальников производств и цехов. За эту помощь многие из них были награждены значками “Отличник просвещения”, в том числе и будущий директор льнокомбината Виктор

Павлович Мешалкин, в те годы фактический член нашего педколлектива.

Наши девочки быстро освоили профессии и уже к одиннадцатому классу вполне справлялись с высокими нормами кадровых ткачих и прядильщиц. С приобретенных в школе специальностей многие наши ученики начинали дорогу в жизнь.

Вместе с учениками приходилось учиться и мне. Так, главный бухгалтер льнокомбината учил аккуратнo обращаться с бюджетом школы. Запомнилась его поучительная речь: “В нашей матушке России всегда есть сто законов запрещающих, а мое дело найти сто первый — разрешающий. Иначе я буду плохим бухгалтером!” После его консультации такие сто первые законы находились, и все финансовые проверки школа проходила без особых претензий. Начальник отдела материально-технического снабжения учил составлять заявки на оборудование и обеспечивать их реализацию. Инженеры помогли разобраться в водоснабжении, канализации и системе электроснабжения школы. Эта наука мне потом пригодилась при строительстве нового корпуса педагогического института.

Уже не говорю, как я ходил набираться “педагогической мудрости” в одно из лучших в Вологде профтехучилищ льнокомбината.

Но у меня появлялись и некоторые собственные задумки, с которыми я выходил на педсовет, а потом и к шефам. В старших классах я сразу выделил группу ребят, чьи интересы и жизненные планы уходили далеко за рамки уже открытых специальностей. Для них я предложил организовать на базе электротехнических лабораторий ТЭЦ подготовку слесарей по контрольно-измерительным приборам и автоматике. Меня поддержал директор ТЭЦ Файвыш Осипович Виленский, умевший и мыслить масштабно, и говорить с ребятами доступно. В такую престижную группу потянулись ученики из всех школ города.

Началась цепная реакция: потребовалось принципиально усилить преподавание физики в школе. Я пригласил из Белозерска своего школьного друга Леонида Исааковича Вишневого, а затем еще двух выпускников физмата пединститута — Виктора Борисовича Мулевского и Авиадима Семеновича Демидова. Получился блестящий блок: Леонид Исаакович любил и умел работать с сильными учениками, просиживая с ними в кабинете до полуночи. Виктор Борисович, человек очень организованный, обстоятельный в своих решениях и действиях, выдержанный и тактичный, стал моим заместителем по производственному обучению. Авиадим Семенович, страстный радиолюбитель, заражал ребят своим увлечением.

Я понимаю, что отдельно взятые примеры не могут исчерпывающе подтверждать общие выводы. Но не могу не сказать, что именно из этих групп слесарей контрольно-измерительных приборов и автоматики выросли такие специалисты, как один из ведущих прибористов Санкт-Петербурга Николай Бондарь, доцент кафедры теоретической электротехники в Вологодском политехническом институте Виктор Кудряков.

Вместе с учениками росли и учителя: с годами Л. И. Вишнеvский и В. Б. Мулевский защитили кандидатские диссертации по методике преподавания физики, а А. С. Демидов стал заслуженным учителем.

Прекрасным учителем химии в школе была Эльза Константиновна Никишина. Молодая, энергичная, всегда скромно, но с большим вкусом одетая, она по праву была любимым учителем для многих ребят.

Сильной ее стороной было стремление ко всему новому в методике химии. Уроки были очень насыщенными по содержанию и эмоциональному воздействию на учеников. Неудачных по химии у Эльзы Константиновны практически не было, хотя она отличалась высокой требовательностью к ученикам.

Грех было не использовать большой потенциал этого учителя. Изучив потребности предприятий города, мы начали подготовку группы химиков-лаборантов водоочистных сооружений. Углубленное изучение химии подтолкнуло многих наших выпускников в химические вузы.

Прошли годы. Эльза Константиновна оказалась в Москве и там стала одним из ведущих методистов-химиков, руководителем больших творческих коллективов.

Скажу добрые слова в адрес двух преподавателей географии — Галины Григорьевны Плехановой и Глафиры Ивановны Виноградовой. На их уроках я получал буквально эстетическое удовольствие: полное владение вниманием в классе, эмоциональный рассказ, порой далекий от текста стабильного учебника, но в то же время — точно по теме, продуманность каждого вопроса, мотивированность каждой оценки. Словом, мастера своего дела. За преподавание географии в школе можно было не волноваться. Общим мы часто поручали проведение открытых уроков, на которых учили начинающих педагогов.

Эстетическое воспитание в школе № 7 тоже не забывали: очень много работали с ребятами наши прекрасные учителя Клара Альбертовна Арушанян, Любовь Георгиевна Иванова, Галина Михай-

ловна Красикова, устраивая литературные и музыкальные вечера...

Литература и язык в их изложении были не просто школьными предметами, а средством воспитания общей культуры детей.

Может быть, потому среди наших выпускников есть и свои артисты, музыканты, дирижеры, работники культуры, журналисты.

Можно сказать, что по каждому предмету в школе были ведущие специалисты, которым, как обычно это делается, поручали руководить методическими комиссиями.

Одну такую комиссию я взял под особый личный контроль. Это была комиссия учителей физкультуры. Взял не потому, что сомневался в ее работе: наоборот, работоспособность и добросовестность наших физкультурников были выше всех похвал. Молодые педагоги Вадим Овсянов и Сергей Поленов, а с ними и маленькая, ростом едва ли не с шестиклассницу, сероглазая, улыбчивая, но иногда не по возрасту строгая Алла Купленская умели вовлечь в занятия секций чуть не половину школы.

Дело было еще и в том, что в нашей школе классы были донельзя переполнены. Небольшой спортивный зал ежедневно и без выходных был занят с утра и до ночи. Забота о здоровье ребят заставила принять принципиальное решение — проводить максимальное количество уроков физкультуры на свежем воздухе. В непогоду мы умудрялись проводить их даже на верандах детских садиков, а с первым снегом все шли на лыжню. Заботами шефов и с помощью родительского комитета, развертывавшего летом в школе платную гостиницу, мы довели наш “арсенал” до 400 пар лыж с ботинками и для младшекласников, и для старших. Вероятно, мы одними из первых организовали группы коррекции здоровья для освобожденных от занятий физкультурой детей, проложив вокруг школы “тропы здоровья”. Многих ребят мы отправили в различные секции вне школы, очень поощряли семейные лыжные прогулки, туристические походы и даже разделку дров для пенсионеров, нуждающихся в помощи. В середине зимы мы совершали марш-броски на лыжах в зимний пионерский лагерь, где проводили тренировочные сборы наших команд. А ближе к весне вся школа участвовала в лыжных соревнованиях на приз “Пионерской правды” и занимала призовые места по России. Около школы был свой стадион с футбольным полем и беговой дорожкой. Зимой же мы его заливали и превращали в каток.

Основы этой традиции в коллективе заложил мой предшественник на посту директора Василий Александрович Кузнецов, всю жизнь любивший особой любовью лыжи. Кажется, это шло у него еще от

времен финской войны, где лыжники играли немаловажную роль.

Я взял за правило два-три раза в неделю выходить на лыжах вместе с ребятами на уроки. В итоге оказалось, что за первый год директорства я посетил больше уроков физкультуры, чем все директора школ Вологды вместе взятые.

Сборная команда лыжников школы на равных сражалась со сборной области. Ездили мы и на соревнования в другие города. Все это сближало меня с ребятами, составлявшими актив школы. Физкультура стала тем рычагом, которым удавалось поднимать тяжелые грузы воспитательных педагогических проблем...

Я хорошо усвоил в седьмой школе пользу общих коллективных дел. Любой вологжанин, выезжавший хоть раз по шоссе в сторону Грязовца, мог видеть посадки елок вдоль дороги. Плотная зеленая изгородь, надежно защищающая дорогу от снежных заносов, сделана руками ребят из нашей школы. Под руководством замечательной пионервожатой Нонны Зеляниной. Каждую весну по специально разработанному графику классы выезжали на машинах "на елочки": младшие шли в лес на разведку, где искали хвойную поросль. Старшие выкапывали и пересаживали ее вдоль дороги. Потом на кострах варили картошку... Возвращались загорелые и довольные. А теперь надо слышать, как гордо рассказывают уже взрослые люди своим детям о той операции "Елочка".

Окончив заочно педагогический институт, Нонна Зелянина с годами выросла до заместителя директора школы по воспитательной работе, сохранив в своем характере и пионерский задор, и лучшие черты комсомольского энтузиазма.

Постепенно я глубже понимал необходимость строго индивидуального подхода к каждому из детей... Из множества памятных эпизодов той поры расскажу лишь о двух, я бы сказал, экстремальных случаях.

Несколько лет назад в автобусе ко мне подсел красивый молодой человек интеллигентного вида, хорошо одетый, улыбающийся. Назвал меня по имени-отчеству. Что-то знакомое было в его лице. Он напомнил одну деталь, и все сразу прояснилось. 31 августа, канун учебного года, как всегда — дикая запарка. Секретарь говорит, что ко мне на прием просится мать с мальчиком. Принимаю второпях. Приехали из другой области, сын окончил шесть классов... Не даю договорить, обращаюсь к классному руководителю седьмого: "У вас в классе сидит сорок. Возьмите сорок первым". Через десять дней ко мне приходит классный руководитель седьмого: "Кого вы ко мне послали? Посмотрите тетради!" А там — суший кошмар:

красных чернил больше, чем синих. Ни малейшего представления о программе седьмого класса. Берем еще раз документы и... о ужас! Парень, оказывается, окончил шесть классов спецшколы (едва-едва программа третьего класса пройдена). Звоню в вологодскую спецшколу, а там давно набор окончен, ни одного свободного места. Поделом тебе, директор школы, который даже не удосужился дослушать мать ребенка! Вспоминаю, что она все время пыталась мне что-то еще сказать, а мне было недосуг.

Что делать? Пересаживать в четвертый рослого парня с пушком на верхней губе? Пришла на выручку классный руководитель: "Парень незлобивый, тихий, услужливый, любит мастерить в столярной мастерской. Оставьте его у меня в классе, но не спрашивайте хороших оценок, а с учителями я сама договорюсь". Вызвали мать, я извинился, договорились так и сделать. А мать говорит: "Он же у меня очень хороший. Все в доме умеет делать. Обо мне заботится. Только в детстве говорить стал поздно, потому его и отправили в спецшколу. Об этом я и хотела вам рассказать". Слушал я и краснел за нашу учительскую братию и за себя.

Короче, свидетельство за семь классов мы ему "нарисовали" и устроили на работу учеником столяра. Этот-то парень и оказался моим спутником в автобусе. Рассказал он, что у него очень хорошая семья, две девочки-отличницы в школе, и работает он там же, куда ушел от нас. Не пьет и не курит. Приглашал в гости... Надо было слышать, с какой гордостью звучало "...девочки-отличницы..." Нет, не моя это заслуга: всю честь ее отдаю классному руководителю Зинаиде Александровне Светловой и учителю труда Алексею Анатольевичу Успенскому.

Второй случай по временным рамкам выходит за пределы моей работы в школе, но истоки его лежат именно там.

Был среди наших старшеклассников парень, обращавший на себя внимание некоторой раздвоенностью своих успехов: в физике, химии и математике он разбирался хорошо, но вот с его грамотностью, точнее неграмотностью, учителя ничего не могли поделать. Особенностью было то, что все правила грамматики он знал и практически не делал ошибок, но зато он мог многие слова написать задом наперед или поменять в них слога местами. Никакому объяснению такие ошибки не поддавались. Пришла мысль проконсультироваться с логопедами: они нам посоветовали "не делать из этого трагедии". С возрастом, сказали они, такое может пройти. С тех пор оценки за сочинения ему ставились только за содержание.

В детстве многие дети увлекаются коллекционированием: кто

собирает марки, кто — конфетные фантики. Увлечение этого парня было особым: он коллекционировал все возможные варианты периодической системы Д. И. Менделеева. Можно было прогнозировать “химическое будущее”, но поступил он учиться на физико-математический факультет Вологодского педагогического института. Я тоже работал в институте, когда мой знакомец по седьмой школе пришел за консультацией: он решил в рамках курса “Атомная физика” подготовить реферат и предложить два своих оригинальных варианта менделеевской таблицы. На этот счет, конечно, известна старая шутка о том, что Президиум Академии наук не принимает к рассмотрению новые проекты вечных двигателей и новые варианты таблиц Менделеева, так как первых создать нельзя, а вторых — можно сколько угодно! Но мы рискнули: вместе с доцентом А. П. Полетаевым помогли выполнить эту работу и даже отправили ее на юбилейный международный Менделеевский съезд. Это была единственная студенческая работа, принятая в качестве доклада на съезде: академики В. М. Клячковский и В. Б. Гольданский дали хорошие отзывы о работе, и оба пригласили автора к себе в аспирантуру. Но он опять выбрал свой путь сам: увлекся теоретической электротехникой.

Виктор Кудряков, защитил кандидатскую диссертацию по электротехнике, подготовил докторскую диссертацию, но недавно отказало сердце...

Когда мне приходилось в седьмой школе убеждать учителей “не делать трагедии” из нелепых ошибок в сочинениях Вити Кудрякова, я рассказывал им о малоизвестной странице из биографии Д. И. Менделеева: в гимназии он хорошо учился по всем предметам, кроме латыни. Между ним и учителем еще в начальных классах возник психологический конфликт, распространившийся на предмет: каждый год он получал переэкзаменовку на осень. Осенью ему ставили, закрыв глаза, тройку... И стал Менделеев великим ученым, но в его книгах нет ни одного латинского термина, ни одного слова, а главным ругательством великого ученого было слово “Латинщина!”

Не так ли и нам стоит более тонко подходить к трудностям и проблемам детей, чем бы они ни были вызваны? Позднее я с удовольствием читал об этом книгу болгарского автора Георгия Дандилова с выразительным названием “Не убить Моцарта”.

Хороший урок педагогической этики на первых же месяцах моего директорства дала мне секретарь парткома льнокомбината Пращковья Андреевна Резвова. Была на комбинате хорошая традиция приглашать на планерки директора школы. Впервые попав на такое

собрание, я высказал претензии в адрес некоторых сотрудников, чьи дети плохо учились или вели себя в школе.

Директор тут же распорядился исключить фамилии этих родителей из приказа на очередное поощрение. То же повторилось и через неделю. Когда расходились, я заметил на себе косые взгляды комбинатских работников. А Прасковья Андреевна в личной беседе посоветовала в следующий раз рассказать о хороших семьях. Так я и сделал. Директор тем же невозмутимым тоном произнес: “В приказ на поощрения”. Атмосфера после планерки была совсем другой... А я с тех пор не повторял бестактности: с родителями трудных детей беседовал только с глазу на глаз. Много позднее я узнал, что в школах Европы и Америки обсуждать недостатки детей в присутствии посторонних категорически запрещено.

Расскажу еще об одном правиле, которое я для себя принял во время директорства. Мне всегда казалось некоторым лицемерием то, что мы, учителя, требуем от ребят знания всех предметов учебного плана, а сами дальше рамок своего предмета не хотим ничего знать. Чуть ли не типичной картинкой из учительской жизни стала просьба словесника к математику посчитать процент успеваемости в его классе...

В большой школе часто случается, что в экстренном порядке администраторам самим приходится замещать заболевших коллег. И я решил, что постараюсь в этих случаях заниматься с ребятами теми предметами, что стоят в расписании. Конечно, это потребовало серьезной дополнительной работы. Но зато с каким удивлением ребята узнали, что ведомо директору школы и черчение, и немецкий язык, и математика, и физика, и даже литература...

Я просто почувствовал, как растет после таких уроков авторитет директора среди ребят. Но если говорить “по большому счету”, то и с учителями после таких уроков мне было легче разговаривать.

Должен сознаться и в том, что никогда не отваживался я на такие эксперименты в начальных классах. Прав был Ушинский, говоривший, что школьные методики – это треугольник, основание которого лежит в начальной школе, а вершина уходит к выпускным классам.

Всю свою педагогическую жизнь я с особым уважением отношусь к учителям начальных классов, к их великому педагогическому и методическому мастерству.

И школу № 1, и школу № 7 отличали от других удачно сложившиеся коллективы педагогов начальных классов. С большим удовольствием вспоминаю совместную работу в школе № 7 с такими

мастерами своего дела как Нина Николаевна Кочкина, Мария Михайловна Курбатова, Валентина Алексеевна Соскова, Зинаида Кирилловна Зубкова, Зоя Павловна Мельникова, Галина Алексеевна Лунина, Юлия Михайловна Уткина.

Я редко посещал уроки учителей начальных классов, но с каждого урока я, вероятно, брал больше, чем сам мог дать этим учителям.

Они не были похожими друг на друга на уроках: одних отличала ярко выраженная любовь к детям, у других эта любовь пряталась за внешней строгостью и требовательностью, у третьих главным в педагогическом почерке было умение найти индивидуальный подход к каждому ребенку.

Но что было общим, так это то, что после этих учителей в среднюю школу из начальных классов приходили организованные и трудоспособные детские коллективы. В этом была сила педколлектива седьмой школы. И рядом с “педагогической гвардией” быстро вырастали молодые учителя, среди которых хотел бы особо назвать Нину Ивановну Голубеву.

Жаль, что педагогике начальной школы мы не учим студентов всех факультетов пединституты. Студенты, приходящие в вуз после педучилищ, и лучше ориентированы на профессию, и гораздо лучше осваивают специальность.

Время серьезно меняет отношение учащихся к разным школьным предметам. Сегодня общество осознало потребность владения иностранными языками. Потому с такой легкостью и размахом открываются языковые школы, классы, курсы и даже группы в детских садах.

А в прошлые годы было совсем не так: учителя иностранных языков с большим трудом доносили до сознания школьников необходимость своего предмета. Отсутствие прямых контактов с носителями языков и зарубежной культурой во многом превращало уроки в простую тренировку памяти: языки казались для школьников мертвыми...

Преодолеть этот психологический барьер под силу было только очень опытным учителям и энтузиастам своего дела. В седьмой школе иностранные языки преподавали именно такие учителя: Николай Михайлович Коколемин, Людмила Михайловна Таланова, Галина Александровна Парамонова. К старшим классам им удавалось добиваться вполне хороших результатов. Рядом с ними очень быстро завоевала признание коллег и учеников молодая выпускница инфака пединститута Дора Самуиловна Духовная-Вишневская. Именно их ученики проторили дорогу на языковые факультеты столичных

вузов и Вологодского пединститута.

Такие выпускники седьмой школы как Нина Крылова-Петрова и Николай Костыгов одними из первых за успехи в учебе были направлены на продолжение образования в Англию. С годами Нина Константиновна Петрова и ее однокашница Александра Ивановна Быстрова-Митрофанова стали одними из лучших педагогов нашего города, а Николай Владимирович Костыгов возглавил внешнеэкономические связи, а затем стал первым заместителем главы администрации области.

Из историков мне запомнилась прекрасный учитель Роза Петровна Багаева, отличавшаяся той особой интеллигентностью, которая не приобретается учебой, а передается в российских семьях из поколения в поколение. Ребята очень любили эту учительницу, умевшую управлять детскими коллективами “без излишних нажимов”.

Творчески работающим учителем была наш биолог Маргарита Петровна Попова-Царева. Ее уроки запомнились мне умением учителя организовать самостоятельную работу школьников с учебником, уважительным тоном в отношении с ребятами. Маргарита Петровна внимательно следила за новинками методической литературы и многое брала из нее в свою работу. Совсем не случайно стала она заместителем директора по учебной работе одной из самых больших школ города.

С добрым чувством вспоминаю я еще об одном серьезном деле. Надумали мы организовать обучение старшекласников вождению автомашины. Пригласили одного из вологодских ветеранов автодела — Сергея Геннадьевича Соколова, получили из воинской части списанный автокласс и автомашину. Как говорится, довели все “до ума”.

Нужно было видеть, с каким удовольствием занимались в автоклассе ребята, как дорожили каждым часом практического вождения машины.

Когда городские власти отказались оплачивать эти занятия, мы заключили хозяйственные договора с организациями на обслуживание нашей автомашиной их потребностей. Машина сама стала окупать все занятия. Жаль только, что после моего ухода из школы автокласс не удалось отстоять перед очередными реформаторами учебных планов. А бывшие ученики, сидя за рулем своих машин до сих пор добрым словом поминуют очень хорошего человека и умного преподавателя автодела Сергея Геннадьевича Соколова, рядом с которым без усталы готовы были трудиться и отличники, и самые большие лодыри.

Учительская память имеет свойство прочно хранить имена самых трудных и самых лучших учеников. Точно так же хранит она самые приятные, и самые тяжкие впечатления нашей учительской жизни.

Из приятных воспоминаний остался подарок, который наши ученицы вручили на день Советской Армии всем учителям-мужчинам. Из материала, который они сами выработали на комбинате, под руководством любимой учительницы домоводства Эсфири Вениаминовны Виленской они сшили мужские рубашки. Наверное, во многих семьях хозяйки вспоминают этого педагога с благодарностью за то, что она не просто вела уроки, а делилась с девочками секретами кулинарии, искусством кройки и шитья, художественным чутьем в оформлении дома. И хотя не было у нее высшего педагогического образования, я как директор никогда бы не поменял такого учителя ни на кого другого: был у нее просто дар Божий.

Должен я, вероятно, рассказать и об одном тяжелом воспоминании. На втором году моего директорства по поселку льнокомбината прокатилась волна дерзких квартирных краж. По ряду собранных улик милиция считала, что в кражах могли участвовать дети. Очередная такая кража была совершена из часовой мастерской. Преступник проник туда через маленькую форточку, через нее и ушел с добычей, так как двери изнутри открыть не смог.

Неожиданно одна из родительниц принесла мне часы, которые нашла в кармане у сына-второклассника. Без большого труда мы сразу выяснили, что часы ребятам дарил четвероклассник, давно замеченный в воровстве. Прежде, чем вызывать сбившуюся с ног милицию, я решил сам поговорить со щедрым дарителем. Это был симпатичный круглолицый парень, всем своим видом внушавший людям полное доверие: был он отличным рассказчиком, умевшим приукрасить свои сказки удивительными по правдоподобию деталями.

Разговор с глазу на глаз затянулся. Хотелось вызвать парня на откровенность, но не удалось. В какой-то момент, не вставая из-за стола, я повысил голос. Вот тут-то и произошло нечто совершенно неожиданное: парень, сидевший напротив, вскочил со стула, вспорхнул на подоконник открытого окна, посмотрел на меня с каким-то превосходством и... Нет, он не выпрыгнул за окно, как я того ожидал (мой кабинет был на первом этаже). Он во весь голос начал кричать: "Спасите! Меня директор бьет!"

Такая провокация со стороны ребенка вызвала в первый момент шоковую реакцию. Еще больше потрясло то, что, продолжая кричать, он смотрел на меня с ехидной улыбкой! А под окном стали останавливаться люди.

Не вдаваясь в детали, скажу, что потребовался долгий разговор с ребенком, чтобы он рассказал даже с некоторым оттенком гордости о том, что все кражи они осуществили вдвоем с уголовником-рецидивистом, посадивавшим паренька к чужим форточкам. Уголовник оказался для маленького воришки хорошим учителем: он обучил его поведению на все случаи воровской жизни. Оказывается, это он внушил ребенку: “Директор твоей школы — еврей, а это плохие люди. Если попадешься, кричи, что тебя бьет: директор испугается, ты убежишь, а ему здорово попадет”.

Когда же я спросил парня, кто такие евреи, он без тени сомнения повторил воровской урок: “Это плохие люди”. Урок антисемитизма он усвоил раньше, чем понял, кто такие евреи.

Мальчишка рос без отца, мать совершенно не уделяла ему внимания. Фантазер и мечтатель, мальчик увидел взрослую жизнь через призму воровских баек, через романтику уголовного мира. А мы, учителя, не научили его верить разумному, доброму, вечному. Учился он в самом лучшем классе у очень хорошей учительницы. С классом она работала прекрасно, а вот в борьбе за душу одного проиграла уголовнику с шестиклассным образованием.

К сожалению, такие примеры учительской практики далеко не единичны. И нет универсальных рецептов, способных помочь учителю и ребенку. Долго билась вся школа за эту детскую душу, но он все равно проторил себе дорогу в детскую колонию.

Мне сильно повезло с заместителем по хозяйству. Галина Алексеевна Камилатова-Машкарева работала в школе много лет и обладала замечательным чувством “маленькой хозяйки большого дома”. Живя в школе, она ко всему зданию относилась так же заботливо, как к своим маленьким комнатам. Каждое утро она лично “сдавала” дежурному администратору каждое классное помещение. Она умело строила отношения с соответствующими службами льнокомбината, вовремя организуя текущие ремонты. Галина Алексеевна была самым рьяным хранителем чистоты и порядка, организатором систематических уборок и всего “самообслуживания”, которое потребовал в ту пору ввести Никита Сергеевич Хрущев: одним указом в школах был сокращен вдвое весь обслуживающий персонал.

В то же время сказать, что школьное здание было перегруженным, значит ничего не сказать. По проекту оно было рассчитано на 960 посадочных мест, а училось в нем в три смены около двух тысяч детей, да еще по вечерам этаж занимала школа вечерняя. Управлять таким школьным хозяйством без хорошего помощника было бы просто невозможно.

Несколькими годами позднее в московской библиотеке я случайно натолкнулся на автореферат кандидатской диссертации “Организация работы завхоза средней школы”, представленной к защите в Академию педагогических наук. В рекомендациях, разработанных диссертантом, я не нашел практически ничего нового по сравнению с тем, что и как делала в нашей школе Галина Алексеевна. Жаль, что судьба не дала ей высшего образования: может быть, и она смогла бы обобщить свой многолетний опыт если и не в виде диссертации, то уж по крайней мере в виде очень полезной для коллег статьи или книги.

Должен я откровенно сказать, что случались в нашем коллективе и серьезные конфликтные ситуации. За три года работы пришлось расстаться по крайней мере с тремя учителями: и по профпригодности, и за “смертные грехи”, и по еще более сложным мотивам... Одним Бог миловал: в коллективе нашем не было склок и всегда мешающей делу групповщины...

Что же заставило меня уйти с директорства на скромную должность ассистента в пединституте?

Начну издалека. Работа в школе шла в каторжном режиме: с половины восьмого утра до семи-восьми вечера. Хотя общая атмосфера в учительском коллективе была вполне хорошей, но очень трудно доставалось всем нам поддержание общего рабочего настроения и дисциплины в детском коллективе. Сказывалась трудная демографическая ситуация в поселке. Сугубо женский коллектив на комбинате, безотцовщина в семьях, перенаселенность коммунальных общежитий и коммунальных квартир без удобств. Как теперь это называют, — слабо развитая социальная структура микрорайона...

В какой-то момент я остро почувствовал, что накапливается усталость: я стал раздражительным, появилось состояние повышенной возбудимости. Сказывалась видимо, и перенесенная ранее болезнь.

С другой стороны, обострились мои отношения с гороно и горкомом партии. Дело было так. Весной 1962 года с интервалом в одну неделю оказалось, что две наши одиннадцатиклассницы находятся на шестом месяце беременности. В те времена подобное расценивалось как “знак самого глубокого развала воспитательной работы в школе”.

Но буквально за месяц до того школу проверяла высокая министерская комиссия, которая при всех отмеченных недостатках констатировала большие успехи коллектива в организации производственного обучения, трудового, физического и политического воспитания. Меня наградили грамотой Министерства, избрали делегатом на учительский съезд, многим учителям объявили благодарности.

Как только выяснилось, что в школе ЧП, скандал пошел гулять по всем инстанциям. Для проверки состояния полового воспитания прислали новую комиссию, но я ее в школу не пустил, чем вызвал новую волну скандалов. На меня завели “персональное дело”, снова вызвали на бюро горкома...

Памятуя о том, как меня назначали в школу, я готовился к столь же скоропалительному снятию с должности... Но в эти дни из отпуска вернулся первый секретарь горкома. Узнав о моем деле, сказал: “Никуда не ходи, никого в школу не пускай, пока я тебя не вызову. Но ты еще за все эти безобразия ответишь!” И стал я ждать отложенного наказания... Энтузиазма в работе это не прибавляло.

Через какое-то время последовал новый вызов в горком. Секретарь горкома Николай Лаврентьевич Вопилов, слывший очень волевым и сильным руководителем, спросил, как мне показалось, с издевкой в голосе, не надоело ли работать в школе. Ожидая снятия с работы, я зло ответил: “Хуже горькой редьки!”. И вдруг услышал: “Поезжай к себе, сдавай дела и иди заведующим в горно!”. Вот тут я окончательно взорвался: “Ни за что!”. Контраст ожидаемого наказания и предложения о повышении вывел меня из равновесия. Видно, и секретарь не ожидал от меня такой реакции: предложил еще подумать и отпустил. Запомнилась его фраза: “Мы с тобой, как те спутники: нас вывели на орбиту, и мы должны крутиться до той поры, пока не войдем в плотные слои атмосферы и не сгорим...” Начиналась в ту пору эпоха космонавтики. Но, поскольку сама фраза была произнесена во множественном числе, рассудив, я принял ее как акт некоторого примирения.

Выйдя из горкома, я случайно встретился с проректором пединститута, давним моим добрым знакомым Алексеем Павловичем Полетаевым. Он знал о моих проблемах и тихо сказал: “На этом месте ты так и будешь постоянно ждать то барский гнев, то барскую любовь. Переходи в институт и поезжай учиться в аспирантуру: ведь у тебя и диплом красный, и рекомендация ученого совета есть”.

Слова Алексея Павловича как будто из тайников моей души на свет вывели гремя причину, повлиявшую на уход из школы. Меня всегда привлекала к себе наука, но карьера школьного учителя, а тем более директора школы не любит раздвоения. Поэтому сокровенное свое желание я отодвигал в дальний угол души, а в итоге стал его просто бояться: пугало то, что за хозяйственными и организационными заботами я стал забывать “свою химию”.

Слова А. П. Полетаева многое поменяли в моем сознании: я понял, что должен использовать свой последний шанс...

Мэр города долго не хотел принять мое заявление, но потом согласился, поставив условием немедленный отъезд на учебу в московскую аспирантуру. Когда я был уже в дверях его кабинета, он сказал вдогонку: “Там ты тоже будешь нужен!”

Так закончилась моя директорская карьера и приоткрылась дверь в науку. Так я ушел из школы, но не из педагогики. Ушел, чтобы в нее и вернуться.

УЧИТЕЛЬСКАЯ МОЛИТВА

*Удачи вам, дебютанты и асы,
Удачи, особенно по утрам,
Когда вы входите в школьные классы:
Одни — как в клетку,
другие — как в храм.
Р. Рождественский*

НЕДАВНО я впервые услышал трогательную молитву сельской учительницы:

Господь! Ты, учивший нас, прости, что я учу, что ношу звание Учителя, которое Ты носил на земле, дай мне единственную любовь — к моей школе; пусть даже чары красоты не смогут похитить у школы мою единственную привязанность... Дай мне стать матерью больше, чем сами матери, чтобы любить и защищать, как они, то, что не плоть от плоти моей. Дай мне превратить одну из моих девочек в мой совершенный стих и оставить в ее душе мою самую проникновенную мелодию на то время, когда мои губы уже не будут петь. Покажи мне, что Твое евангелие возможно в мое время, чтобы я не отказалась от ежедневной и ежечасной битвы за него. Озари мою народную школу тем же сиянием, которое расцвело над хороводом Твоих босых детей...

Позволю спросить читателя: к какой религиозной конфессии принадлежала эта учительница? Ответа я и сам не знаю. Знаю только одно, что под такими словами могли поставить свою подпись и католичка из Ольстера, и лютеранка из Кельна, и американская евангелистка, и учительница иудейской школы с Голанских высот Израиля, и православная учительница из российской глубинки...

Молитва эта принадлежит учительнице Люсиле Годой Алькаяга из маленькой сельской школы далекой чилийской провинции

Каутин, что на самом берегу Тихого океана. Но мир узнал эту женщину под другим именем — Габриэла Мистраль: она взяла его от архангела Гавриила и от сурового ветра — мистралья.

Неожиданно для самой себя она стала победителем поэтического конкурса в своей стране, а потом получила и Нобелевскую премию. Но своей школе так и не изменила. Сначала она отдавала сердце детям, а затем раскрыла его для матерей. “Среди детей она находила спасение от душевной боли, а общение с матерями открыло ей путь к человечеству”, — так сказал о ней австрийский писатель Бруно Фрей.

Редко к учителю приходит такое признание и уважение, какого была удостоена Габриэла Мистраль при жизни: чилийское правительство приняло постановление, которое гласило: где бы ни жила Габриэла Мистраль, ее дом приравнивается к чилийскому консульству. Учитель — консул своей страны! К этому трудно что-то добавить.

Еще одно мое воспоминание. 1969 год — столетие со дня открытия периодического закона Дмитрием Ивановичем Менделеевым. Ленинград, Менделеевский съезд. Собрались выдающиеся химики мира. По традиции на Менделеевских съездах за лучшую научную работу вручается Золотая медаль и диплом имени Менделеева. В тот год ее присудили академику Николаю Михайловичу Жаворонкову. Награжденному дается право на двадцатиминутный доклад. Закончив выступление, Николай Михайлович попросил у делегатов Менделеевского съезда разрешения пригласить на сцену одного из гостей. Из зала поднялся старичок весьма преклонных лет. Николай Михайлович представил его залу: “Это мой школьный учитель, заставивший и меня полюбить химию. Я хочу в знак признательности Золотую медаль свою передать ему вместе с самыми лучшими пожеланиями здоровья и долгих лет жизни!”

Зал встал и устроил овацию Школьному Учителю. Аплодировали академики и членкоры, профессора и доценты, инженеры и научные сотрудники, все зарубежные гости. Каждый в это время вспомнил своих учителей.

Растроганный старик сказал только одну фразу:

“Ради этого стоило жить!”

Я хотел бы пожелать каждому учителю заслужить подобное признание своих правительств и хоть раз в жизни услышать такие же слова от своих учеников.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об этой книге	1
От автора	2
1. Письмо к друзьям далеких лет	3
2. Улица нашего детства	9
3. Первые воспоминания	14
4. Мама, милая мама моя...	19
5. Мой второй дом — моя Первая школа	23
6. О временах военных	36
7. Письмо Александра Ускова	41
8. Адвокатский вопрос	43
9. "Не возвращаются только мертвые"	47
10. Введение в специальность МИТХТ	54
Вологодский пединститут	61
11. Урок в школе жизни	67
12. Его сатира, как рапира	69
13. Нужна ли музыкантам химия	75
14. Нет! Не "шарамыга"!	77
15. Ступень третья — школа Первая	81
16. Школа педагогов. Штрихи к коллективному портрету	89
17. Пути к педагогической удаче	105
18. Уроки мэра	109
19. Еще ступень — директорская	113
20. Учительская молитва	130

Автор благодарит АОЗТ "Вологодский подшипниковый завод", "Вологда-газ", фирму "Аплен", ТЦМС-13 за поддержку этого издания.

ПОДОЛЬНЫЙ Исаак Абрамович
ШКОЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Из записок счастливого человека

Рецензенты:

доктор педагогических наук, профессор Б. З. Вульф,
Соросовский Учитель О. И. Ширикова,
полковник И. Н. Михасик.

Редактор: Ю. М. Леднев.

Художник М. В. Копьев.

Сдано в набор 21.10.96. Подписано в печать 10.11.96.

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 7,67.

Тираж 1000 экз. Заказ 1415.

Цена договорная.

Отпечатано с оригинал-макета, подготовленного в типографии АОЗТ "ВПЗ".

Там еще напечатана книга в Кувани
 школе? Удивило государство и родители
 и государство и государство и государство,
 потому что до этого государства и
 государства. Было известно из
 Ни, государству и государству и государству
 себе, что «Ваша школа» во все
 уделила внимание государственному
 высшему делу.

ШКОЛЫ МОЕЙ ЖИЗНИ

Из записок счастливого человека

... в школе ...
 ... в школе ...
 ... в школе ...